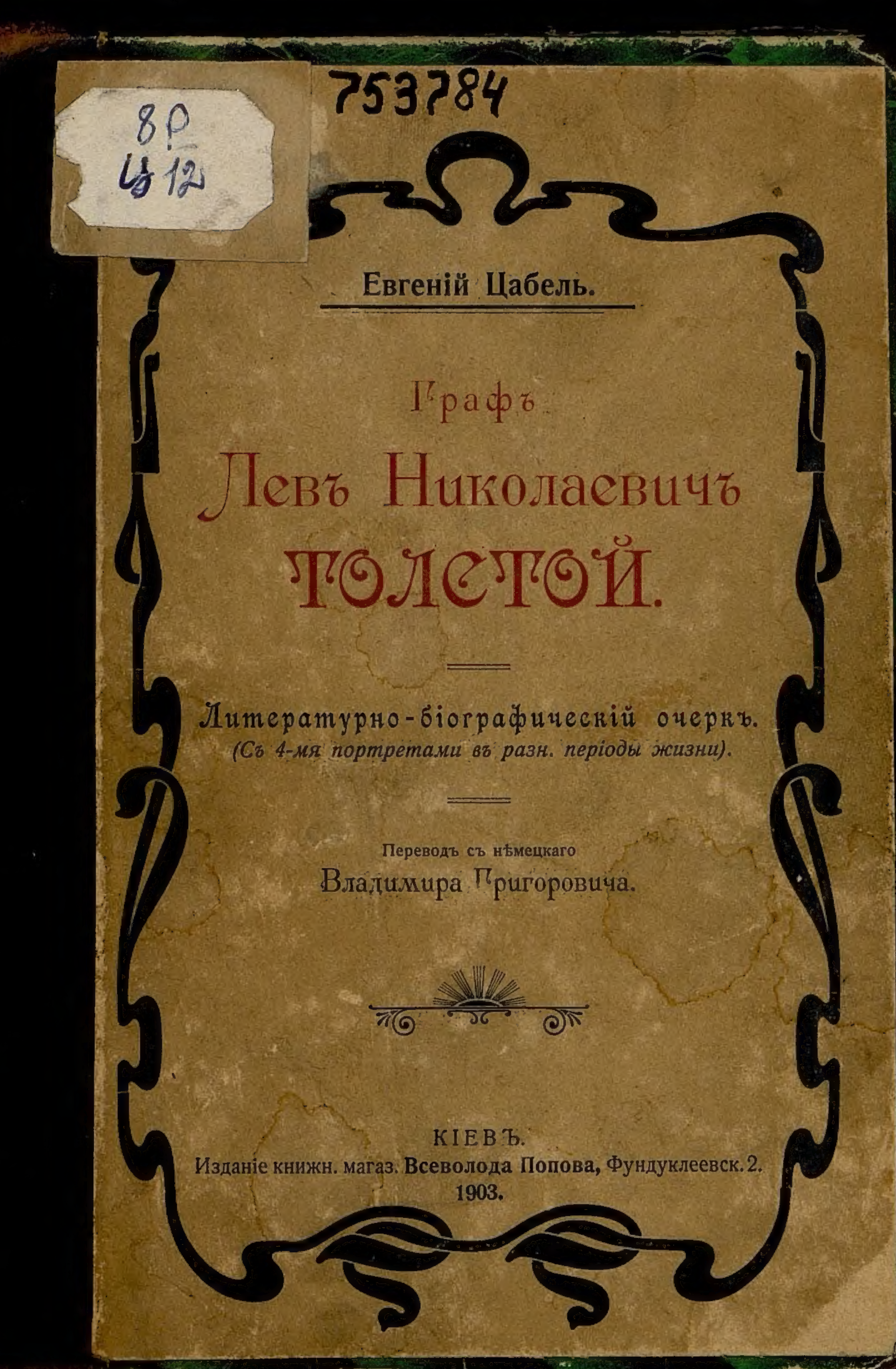

Евгеній Цабель.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Литературно-біографическій очеркъ.
(Съ 4-мя портретами въ разн. періоды жизни).

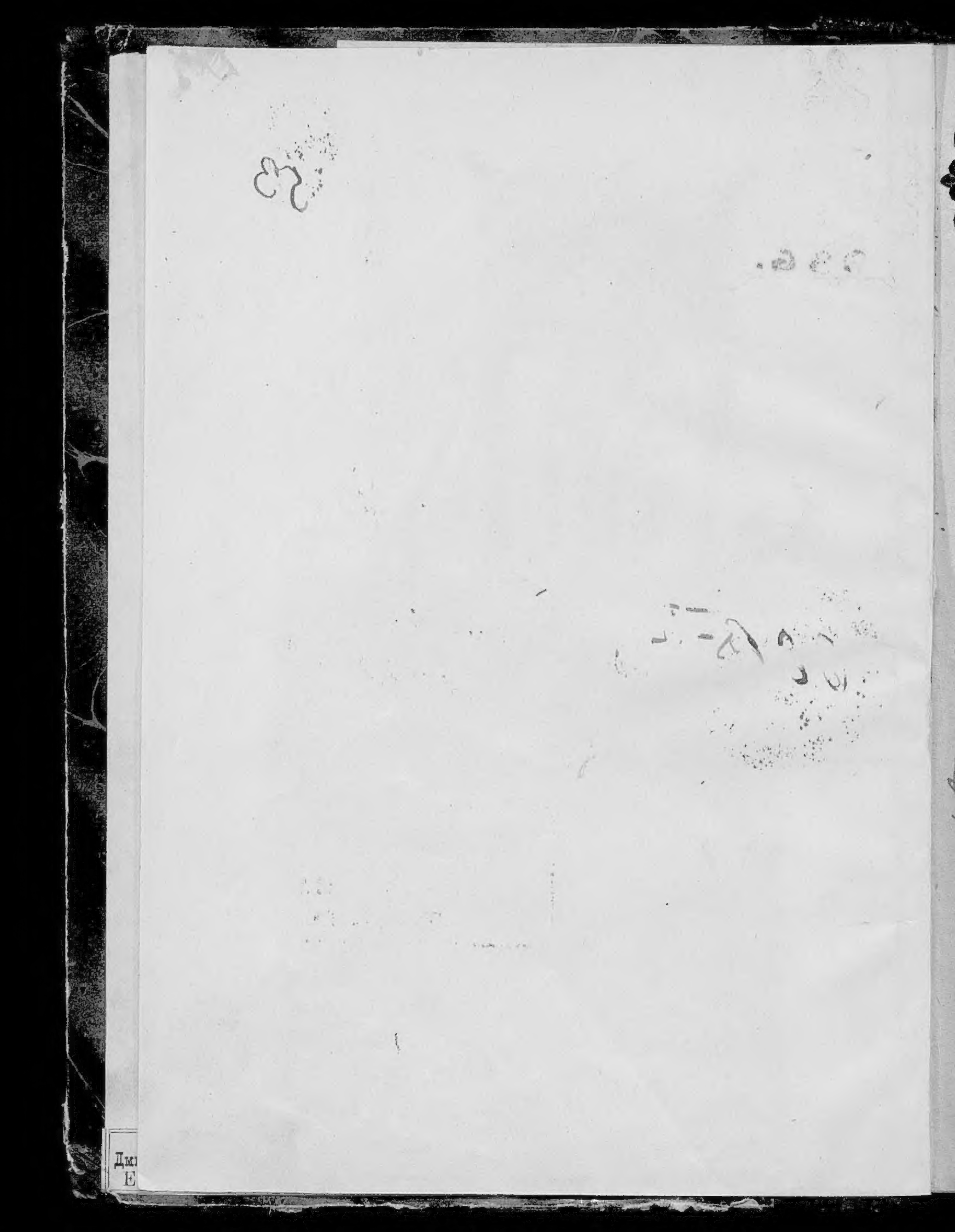
Переводъ съ нѣмецкаго
Владимира Григоровича.

КІЕВЪ.
Изданіе книжн. магаз. Всеволода Попова, Фундуклеевск. 2.
1903.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
Дмитрія Кругляшова
Екатеринбургъ.

7
2
6
3
7
2
3
5
5
2
4
3

Евгеній Цабель.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

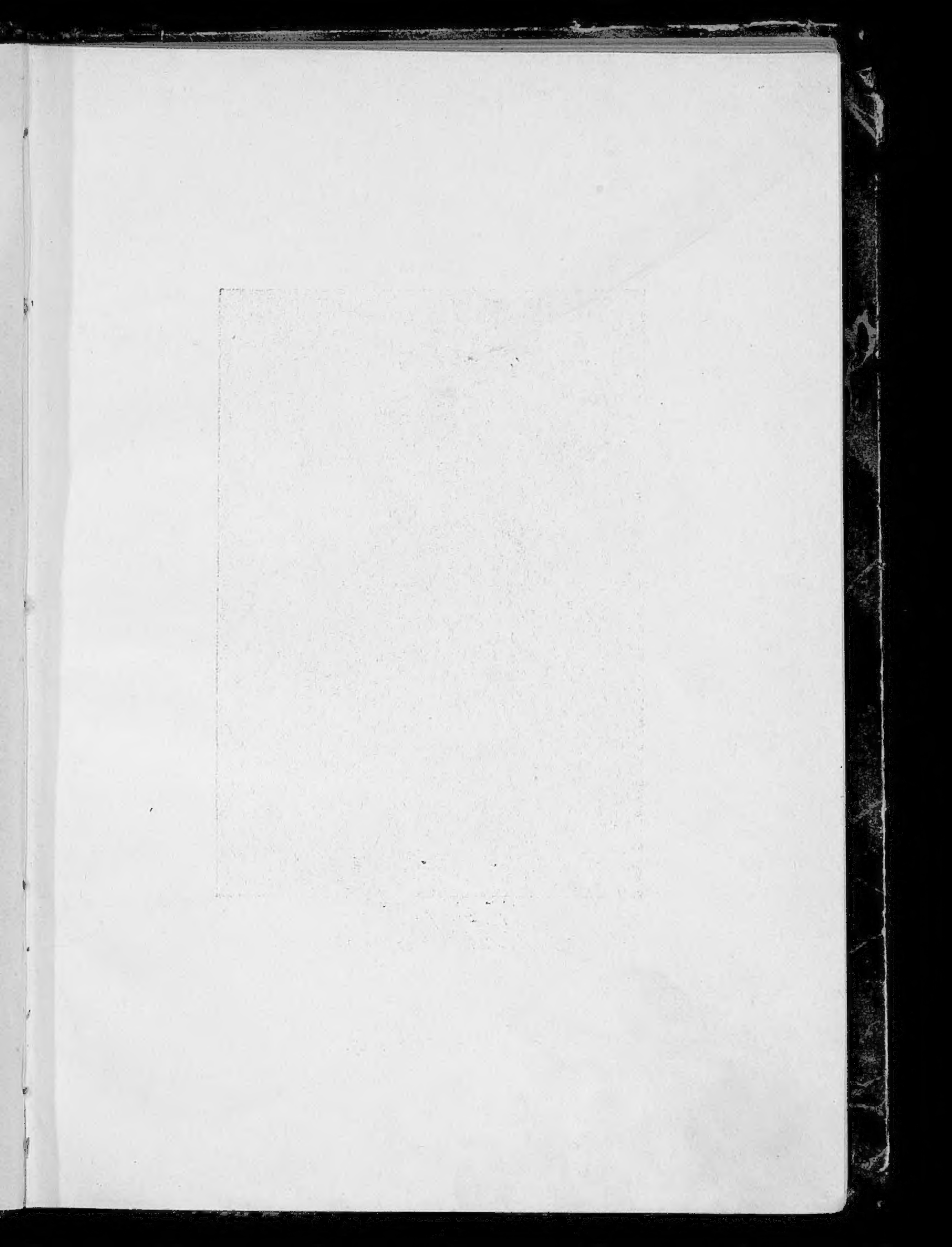
Литературно-біографическій очеркъ.

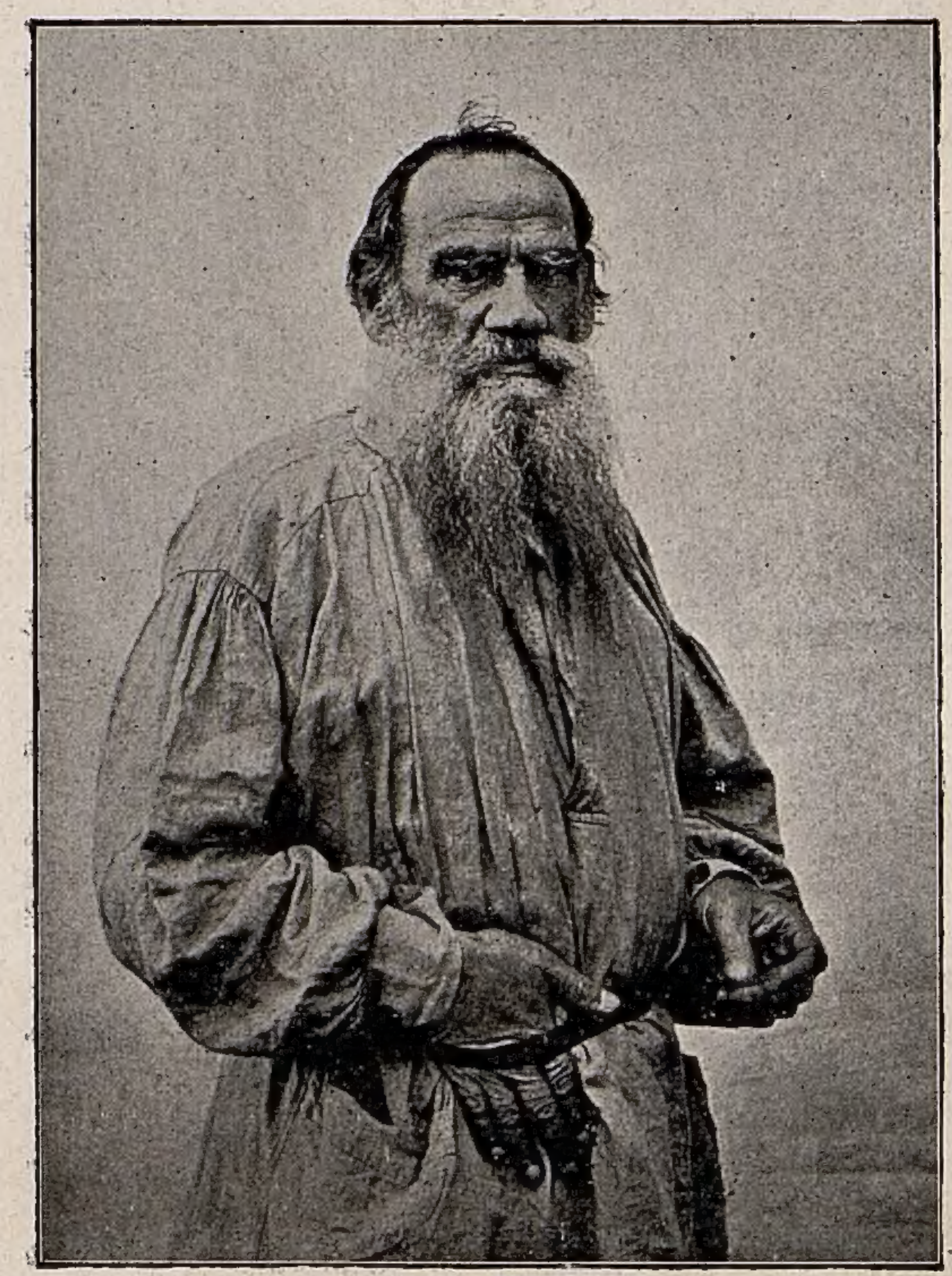
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.
Владимира Григоровича.

КІЕВЪ.
Изданіе книжнаго магазина Всеволода Попова.
1903.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 10 сентября 1902 г.

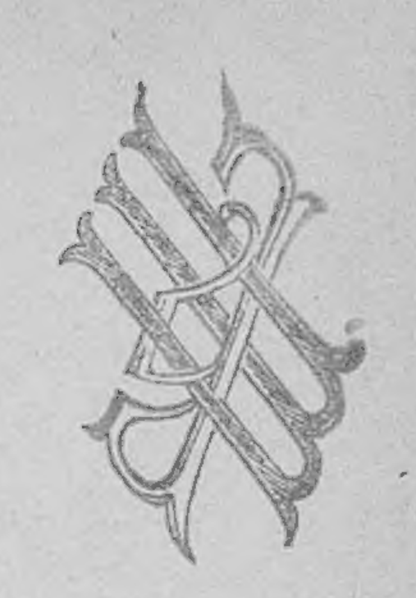
Лито-Типографія Т. Г. Мейнандеръ, Кіевъ, Пушкинская № 20.

Левъ Толстой

Род. въ 1828 году.

Юношескіе годы.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился двадцать восьмого августа по старому стилю, девятаго сентября по новому, въ имѣніи Ясная Поляна, въ Тульской губерніи; онъ былъ младшимъ изъ четырехъ сыновей, за которыми слѣдовала еще дочь Марія. Его мать умерла полтора года спустя послѣ его рожденія. О ней говорятъ, что она не выдавалась ни красотой, ни молодостью, но принадлежала къ княжескому роду Волконскихъ и владѣла огромнымъ имуществомъ. Главнымъ образомъ это обстоятельство обратило на нее вниманіе ея будущаго мужа, подполковника Николая Ильича Толстого, который принималъ участіе въ походахъ 1812 и 1813 годовъ противъ Наполеона, затѣмъ взялъ отставку и повелъ праздную жизнь на широкую ногу. Онъ скончался, когда Льву Николаевичу шелъ девятый годъ. Исторію фамиліи Толстыхъ можно прослѣдить до сравнительно отдаленной эпохи. Полагаютъ—и съ этимъ согласны даже русскіе генеалоги—что фамилія эта собственно германскаго происхожденія, что первоначально родъ этотъ носилъ прозваніе „Dick“ (толстый), которое затѣмъ было буквально переведено на русскій языкъ—Толстой *). Въ русской исторіи родъ Толстыхъ стано-

---

*) Окончаніе прилагательныхъ на *ой*, вмѣсто *ый* и *ій*,—очень обыкновенное явленіе въ старинномъ русскомъ языкѣ; другая фамилія съ такимъ же окончаніемъ—Грязной. Въ народномъ языкѣ сѣверныхъ и восточныхъ губерній эта форма прилагательныхъ не рѣдкость и теперь.—*Примѣч. переводч.*

вится виднымъ съ начала восемнадцатаго вѣка, когда Петръ Андреевичъ Толстой, потомкомъ котораго, въ шестомъ поколѣніи, является авторъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, былъ пожалованъ Петромъ Великимъ, за свои заслуги передъ трономъ, графскимъ титуломъ. Борьба и интриги, среди которыхъ вступилъ на престолъ молодой царь, едва не погубили Толстого: онъ сталъ было сначала на сторону царевны Софьи, но своевременно угадалъ въ Петрѣ будущаго великаго человѣка, перешелъ на его сторону и, какъ раскаявшійся грѣшникъ, былъ помилованъ имъ. Съ тѣхъ поръ царь, не спуская глазъ, слѣдилъ за нимъ, однако, ничѣмъ не выказывалъ своего недовѣрія, сумѣлъ оцѣнить его дарованія и приспособить ихъ къ своимъ цѣлямъ. Царь назначалъ Толстого даже на трудные и отвѣтственные посты, давалъ ему сложныя и щекотливыя порученія—и онъ всегда съ честью выходилъ изъ испытанія. Между прочимъ, Толстому поручено было разыскать бѣжавшаго заграницу царевича Петра Алексѣевича и доставить его на судъ въ Россію.

Въ 1837 году дѣти семейства Толстыхъ были уже круглыми сиротами. Воспитаніемъ ихъ должны были заняться ихъ двѣ тетки, сестры отца, и одна дальняя родственница. Младшая изъ этихъ тетокъ, безалаберная, ханжа, съ крайне пустымъ и поверхностнымъ міросозерцаніемъ, отличалась невыносимымъ характеромъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей на восемьдесятъ первомъ году ея жизни. Старшій изъ братьевъ, Николай, былъ въ это время уже въ московскомъ университетѣ; остальные жили въ деревнѣ, гдѣ занимались подъ руководствомъ домашнихъ учителей, но вскорѣ всѣ братья поступили въ казанскій университетъ. Удаленный отъ главныхъ культурныхъ центровъ, университетъ этотъ былъ въ тѣ годы въ такомъ состояніи, которое можетъ вызвать одновременно и слезы, и смѣхъ. Люди, которымъ были довѣрены занятія съ академической молодежью, очень мало заботились объ этихъ занятіяхъ и о подготовкѣ будущихъ врачей, юристовъ и учителей; имъ было горя мало до того, пріобрѣтаютъ ли студенты необхо-

димую научную подготовку къ своей будущей дѣятельности; и въ то же время они были очень непрочь выставить напоказъ блестящее доказательство въ пользу своихъ трудовъ—дать степень доктора, въ томъ случаѣ, когда кандидатъ умѣлъ, чтобы собрать необходимое количество подписей, смазать кредитными билетами пальцы этимъ безсовѣстнымъ людямъ, привыкшимъ жить въ довольствѣ, несмотря на ничтожное вознагражденіе, которое получали они отъ правительства. Левъ Николаевичъ поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ и имѣлъ случай основательно ознакомиться съ дурными порядками, господствовавшими въ университетѣ. У него отбили охоту къ систематическимъ научнымъ занятіямъ. Онъ принялся за исторію и юриспруденцію; и отсюда ведетъ свое начало его склонность къ самокритикѣ на нравственной и религіозной основѣ,—къ самокритикѣ, которая съ тѣхъ поръ не оставляла этого писателя во всю его жизнь и придала впослѣдствіи специфическую окраску всему его литературному творчеству.

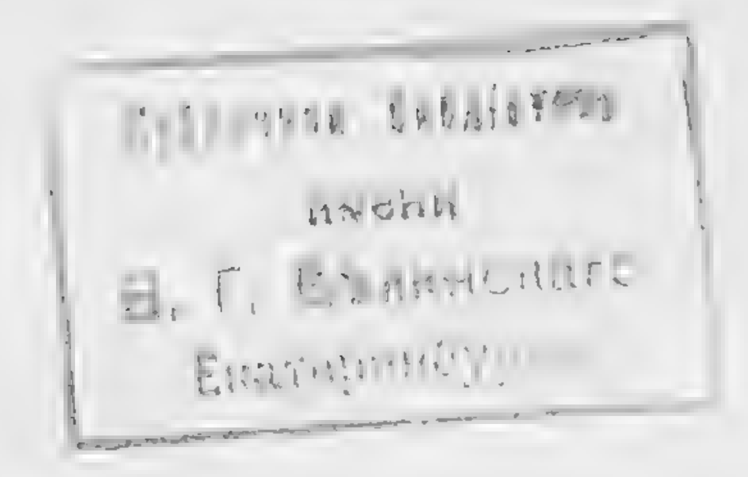
Когда братья выбыли изъ университета, Левъ Николаевичъ остался въ Казани, со своими неизмѣнными мыслями о томъ, что же будетъ съ нимъ въ концѣ концовъ. Что такое онъ? Чѣмъ онъ располагаетъ? Что дѣлать ему съ собой? Съ такими вопросами обращался онъ неизмѣнно къ самому себѣ. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что ему будетъ лучше всего возвратиться къ своимъ роднымъ полямъ. Ясная Поляна,—имѣніе, въ которомъ онъ родился,—составляла его наслѣдственную долю. Онъ зналъ, что земля обрабатывается совсѣмъ плохо, что его крестьяне нуждаются въ руководителѣ, который могъ бы указать имъ средство, какъ увеличить доходъ отъ земли, указать путь, какъ самимъ имъ подняться на болѣе высокую ступень человѣческаго развитія. Эти крѣпостные люди, въ своемъ невѣжествѣ и грубости, жили наполовину какъ дѣти, наполовину какъ животныя. И вотъ среди нихъ раскинулъ Толстой свою палатку, какъ господинъ ихъ и учитель, съ намѣреніемъ помочь имъ выбраться изъ душной, спертой, угнетающей атмосферы, въ которой влачили они свое существованіе, и

сдѣлать ихъ настоящими людьми. Но тутъ же онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что крестьяне совершенно не понимаютъ ни его, ни его намѣреній, что за его отеческія заботы они платятъ не любовью и привязанностью, но съ недовѣріемъ слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, какъ будто онъ хотѣлъ сдѣлать имъ зло. Съ горькимъ чувствомъ видѣлъ Левъ Николаевичъ, какъ препятствія и затрудненія одно за другимъ возникали на его пути. Пожалуй, въ то время онъ былъ слишкомъ молодъ, такъ что едва ли могъ въ каждомъ случаѣ правильно выбрать путь, который прямѣе всего могъ бы вести къ осуществленію его плановъ. Во всякомъ случаѣ у него не было ни того терпѣнія, ни той беззавѣтной рѣшимости, которыя позднѣе онъ выработалъ въ себѣ и которыя впослѣдствіи давали ему возможность твердо стоять на пути, который разъ былъ признанъ имъ за правильный, и настойчиво, до полной побѣды, поддерживать свои убѣжденія. Къ тому же онъ, собственно говоря, совсѣмъ не видѣлъ свѣта, не вкусилъ тѣхъ удовольствій, которыя для человѣка съ его происхожденіемъ и положеніемъ въ обществѣ подразумѣваются сами собой. Петербургу, этому блестящему творенію Петра Великаго, суждено было посвятить его въ тайны жизни,—жизни, окативщей его такимъ тусклымъ, безотраднымъ взглядомъ въ его родовомъ имѣніи. Осенью 1847 года, девятнадцатилѣтнимъ юношей прибылъ Толстой въ сѣверную столицу, чтобы на берегахъ Невы продолжать научныя занятія, начатыя имъ въ Казани. Однако, тутъ онъ недалеко ушелъ въ смыслѣ систематическихъ занятій наукой. Зиму онъ выдержалъ еще, хотя съ трудомъ; занимался противъ желанія уголовнымъ правомъ; но не дотянулъ своихъ занятій до того, чтобы можно было явиться на экзаменъ. Но когда весеннее солнце растопило невскій ледъ и надъ землей повѣялъ теплый мягкій вѣтерокъ, пришелъ опять конецъ его добрымъ намѣреніямъ. Онъ покинулъ столицу и отправился снова въ Ясную Поляну, гдѣ бившая въ его жилахъ молодость и природный темпераментъ одержали, наконецъ, верхъ, отступило на время на задній

планъ стремленіе къ знанію и самовоспитанію и гдѣ всевозможныя чувственныя наслажденія совершенно преобразили его характеръ. Безпокойная кровь старинныхъ бояръ текла въ немъ, и она заставляла его, такъ же, какъ и его предковъ, не отворачиваться брюзгливо въ тѣхъ случаяхъ, когда золотые плоды дерева жизни соблазнительно выглядывали изъ-подъ зеленой листвы, а смѣло, подобно другимъ, подступать къ этому дереву, быстро срывать его плоды и съ жадностью наслаждаться ими. Въ барскомъ помѣстьѣ можно было дѣлать все, что угодно; и дѣйствительно, не оказалось недостатка въ развлеченіяхъ разнаго рода, помогавшихъ коротать дни и ночи. Но несравненно заманчивѣе было перебраться въ старинную, почтенную столицу, Москву, испытать всѣ наслажденія въ той утонченной формѣ, которая даетъ возможность артистически сочетать „широкую натуру“ русскихъ, ихъ беззавѣтную распущенность и разгулъ съ изысканностью вкуса, создаваемой парижскимъ большимъ свѣтомъ. Московскій разгулъ славится съ давнихъ временъ. Онъ служитъ пробнымъ камнемъ для сильныхъ и здоровыхъ натуръ, давая имъ возможность выказать всю свою мощь, показать, на что способны онѣ, когда—рано-ли, поздно-ли—оставятъ прекрасныя, опьяняющія дурачества, выберутъ профессію, устроятъ домъ, какъ регуляторы всего образа жизни, и въ тиши будутъ посмѣиваться надъ побѣжденнымъ собственнымъ легкомысліемъ. Но тотъ же разгулъ представляетъ собой серьезную опасность для слабыхъ характеровъ, которые, между темноглазыми цыганками, за пѣніемъ и пляской, въ то время какъ пробки отъ шампанскаго съ трескомъ летятъ въ воздухъ, за зеленымъ столомъ, гдѣ мѣшаютъ карты, пока не засѣрѣетъ разсвѣтъ, за бѣшенно-веселыми охотничьими облавами, за визитами, балами и общественными собраніями всякаго рода, слишкомъ легко утрачиваютъ всякую способность сдержать себя, все глубже и глубже падаютъ, поддаваясь вліянію низкихъ инстинктовъ, и уже слишкомъ поздно узнаютъ, что они погибли и физически, и духовно. Толстой кинулся въ этотъ водоворотъ и, ощущая

въ себѣ богатую юношескую силу, которая казалась ему неисчерпаемой, предался ошеломляющему разгулу. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, онъ проснулся съ яснымъ сознаніемъ, что стоитъ на краю пропасти—и рѣшилъ однимъ ударомъ выбиться изъ сквернаго положенія. Ближайшимъ побужденіемъ къ тому, чтобы принять такое рѣшеніе, былъ долгъ, который онъ сдѣлалъ за карточнымъ столомъ и который значительно превышалъ средства, какими располагалъ онъ въ данный моментъ. Онъ рѣшилъ бѣжать какъ можно дальше отъ того круга людей и искушеній, въ которомъ онъ вращался до сихъ поръ, и выбралъ въ виду этой цѣли Кавказъ, въ то время мало извѣстную, почти неизслѣдованную, фантастическую горную область, раскинувшуюся на границѣ Европы и Азіи, съ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами, съ плѣнительными горными потоками, съ дикими первобытными народцами, которые въ своихъ хижинахъ и на своихъ коняхъ отчаянно боролись за свободу.

Толстому было двадцать три года, когда онъ предпринялъ путешествіе изъ Москвы на Кавказъ; онъ могъ только благословлять небо за то, что оно еще во-время указало ему путь къ любвеобильной утѣшительницѣ, природѣ, и къ простымъ, не затронутымъ ложнымъ образованіемъ людямъ. Онъ былъ очарованъ сильными впечатлѣніями, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ, когда онъ увидѣлъ передъ собой уединенныя горныя дороги съ опасными крутыми косогорами и уходящими въ небо горными цѣпями, когда онъ останавливался въ домѣ перваго встрѣчнаго жителя этой страны, который угощалъ его своимъ простымъ обѣдомъ, бродилъ съ ружьемъ по лѣсамъ и рощамъ, чтобы заплатить свою дань радостямъ охоты. Счастливый случай свелъ Льва Николаевича съ его двоюроднымъ дѣдомъ, Толстымъ, который служилъ адъютантомъ при князѣ Барятинскомъ, главнокомандующемъ русской арміей. Эта встрѣча съ родственникомъ, который искренно интересовался молодымъ Львомъ Николаевичемъ и, какъ видно, могъ вполнѣ понять его своеобразный характеръ,

имени
В. Г.

1851 г.

сыграла въ жизни писателя роль рѣшительнаго момента. Одно только наслажденіе красотами природы и изученіе чужихъ народовъ въ концѣ концовъ едва ли могли смыть всю ту нечисть, все сознаніе виновности, которыя накопились въ его душѣ; едва ли могли сдѣлать его новымъ человѣкомъ. Эту задачу могла выполнить только такая жизнь, которая требовала бы строгаго исполненія обязанностей, цѣлесообразнаго пользованія каждымъ часомъ, которая вызывала бы чувство отвѣтственности за каждый предпринимаемый шагъ. Достаточно было только дружескаго поощренія, со стороны дѣда, чтобы Левъ Николаевичъ укрѣпился въ мысли, что вступленіе въ ряды русской кавказской арміи—единственно правильный и спасительный путь для него. Оставалось только преодолѣть кое-какія неособенно важныя затрудненія на этомъ пути, и вотъ, осенью 1851 года, мы видимъ Толстого въ военной формѣ, артиллерійскимъ юнкеромъ въ казацкой станицѣ Старогладовѣ, на лѣвомъ берегу Терека. Бригада, къ которой онъ былъ прикомандированъ, должна была наблюдать за черкесами, жившими на другомъ берегу рѣки; положеніе ея было таково, что во всякую минуту можно было ожидать набѣга враговъ: въ то время отношенія между русскими и жителями Кавказа носили неопредѣленный характеръ, такъ что ихъ нельзя было назвать ни настоящей войной, ни настоящимъ миромъ—безпокойная перепалка съ небольшими стычками, внезапными набѣгами. Въ это время старшій братъ Толстого, Николай, тоже служилъ офицеромъ на Кавказѣ; а остальные братья и сестра жили въ Ясной Полянѣ. Новый міръ всталъ передъ Львомъ Николаевичемъ и далъ ему извѣстное особаго рода чувство успокоенія, какъ будто только теперь онъ увидѣлъ свою дорогу, какъ будто онъ почувствовалъ, что природа предназначила его быть наблюдателемъ и изобразителемъ судьбы человѣческой—предназначила быть писателемъ—поэтомъ. То, что раньше носилось передъ его духовными очами въ неясномъ, безформенномъ видѣ, пріобрѣло вдругъ въ его фантазіи опредѣленную форму, опредѣленный образъ; имъ овладѣла

какая-то необъяснимая сила, которая вложила ему въ руки перо и побуждала писать. Опять проявилось то неудержимое стремленіе къ самопознанію, которое руководило имъ и которое только на время было подавлено въ дикій періодъ московскаго разгула. Повидимому, онъ самъ чувствовалъ, что именно суровая служебная дисциплина развила и укрѣпила въ немъ лучшія стороны его духа и характера, что именно она прояснила и дала опредѣленную форму всему, что такъ долго, смутно и въ безпорядкѣ, хранилось въ глубинѣ его души.

На Кавказѣ Левъ Николаевичъ пробылъ съ 1851 до 1853 года. Совершенно измѣнившимся человѣкомъ, съ новыми взглядами, съ новыми стремленіями вернулся онъ зимой этого года въ свою родную деревню. Но тутъ онъ пробылъ недолго. Какъ разъ въ это время натянутыя отношенія между Россіей и Турціей достигли высшей степени, и дѣло близилось къ насильственной развязкѣ. Русскіе проникли за Прутъ и приготовились вступить въ Молдавію. Вскорѣ затѣмъ турки потерпѣли пораженіе на морѣ у Синопа. Чтобы помочь этому больному человѣку, вооружились сообща Англія и Франція. Въ этотъ критическій моментъ, когда шла рѣчь о судьбѣ отечества, Левъ Николаевичъ не могъ оставаться празднымъ. Онъ перевелся въ дунайскую армію, состоявшую подъ начальствомъ князя Горчакова, принималъ участіе въ ея безрезультатной борьбѣ съ турками и переправился затѣмъ черезъ Яссы въ Крымъ, на главный пунктъ театра военныхъ дѣйствій, въ Севастополь. Битва при Альмѣ открыла непріятельскимъ войскамъ путь къ этой крѣпости; смущеніе, овладѣвшее Россіей, было необыкновеннымъ. Со времени борьбы съ Наполеономъ въ первый разъ вражескія войска стояли въ предѣлахъ Россіи. Чтобы сдѣлать невозможнымъ нападеніе съ моря, на севастопольскомъ рейдѣ былъ затопленъ черноморскій русскій флотъ. Но послѣ пораженія арміи Севастополь оказался совсѣмъ мало защищеннымъ и со стороны суши. Благодаря поистинѣ героическимъ усиліямъ солдатъ и матросовъ, жителей всѣхъ сословій и слоевъ населенія, съ помощью отпущенныхъ на сво-

боду арестантовъ удалось кое-какъ привести городъ въ такое состояніе, что можно было уже думать о защитѣ. Подъ руководствомъ Тотлебена русскіе инженеры выказали достойное удивленія знаніе дѣла и энергію. Своей неустрашимостью, своимъ упорнымъ сопротивленіемъ русскія войска возбуждали удивленіе всего міра. Тѣмъ не менѣе крѣпость не могла долго держаться подъ натискомъ союзниковъ и тучами ядеръ, которыя сыпались на нее; бастіоны падали одинъ за другимъ; и когда былъ взятъ приступомъ Малаховъ курганъ, императору Александру II не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться на условія парижскаго мира, встрѣченныя всѣми съ большимъ огорченіемъ.

Въ тѣ дни Левъ Николаевичъ находился въ Севастополѣ, на четвертомъ бастіонѣ, защита котораго была особенно трудна и опасна, такъ какъ здѣсь ядра сыпались прямо безъ перерыва. Но молодой офицеръ нисколько не робѣлъ въ тѣ моменты, когда грозный призракъ смерти распростиралъ надъ нимъ свои черныя крылья; напротивъ, именно въ эти моменты его духовныя силы работали съ особымъ напряженіемъ. Мы заимствуемъ изъ біографіи, составленной Левенфельдомъ, слѣдующій разсказъ о Толстомъ одного изъ его товарищей по баттареѣ, полковника: „Своими разсказами и быстро создававшимися импровизаціями воодушевлялъ графъ всѣхъ и заставлялъ насъ забывать о всѣхъ тягостяхъ и ужасахъ военнаго времени. Онъ былъ въ самомъ полномъ смыслѣ слова душой всей нашей баттареи. Когда онъ бывалъ среди насъ, мы совсѣмъ не замѣчали, какъ проходитъ время; когда его не было, а это случалось довольно часто, такъ какъ онъ любилъ предпринимать непродолжительныя поѣздки въ Симферополь, всѣ товарищи сразу вѣшали носъ. Наконецъ, онъ возвращался—совсѣмъ какъ блудный сынъ, мрачный, похудѣвшій, недовольный цѣлымъ свѣтомъ. Тутъ онъ отводилъ меня къ сторонкѣ и начиналъ генеральную исповѣдь. Обыкновенно онъ разсказывалъ рѣшительно все: какъ онъ игралъ и сколько выпилъ, гдѣ проводилъ дни, а, кстати, и ночи, и такъ дальше.

При этомъ онъ болѣлъ душой и мучился изъ-за своей испорченности, страдалъ угрызеніями совѣсти, какъ будто натворилъ Богъ вѣсть какихъ преступленій. Прямо жаль становилось бѣднаго парня. Что это былъ за человѣкъ! Однимъ словомъ, человѣкъ на рѣдкость! Откровенно говоря, я такъ-таки и не могъ понять его, какъ слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ это былъ превосходный товарищъ, честная душа и золотое сердце. Кто хоть разъ близко сходился съ нимъ, поневолѣ любилъ его и не могъ его забыть".

Дрожащей отъ возбужденія рукой написалъ Толстой во время осады великолѣпный разсказъ „Севастополь въ декабрѣ", который былъ принятъ съ горячимъ одушевленіемъ, какъ неопровержимое доказательство стойкости русскихъ войскъ даже въ несчастной войнѣ. Императоръ не желалъ, чтобы офицеръ съ такими выдающимися способностями, какъ Толстой, на каждомъ шагу подвергалъ свою жизнь опасности на четвертомъ бастіонѣ, и повелѣлъ перевести его на маленькую рѣчку Белбекъ съ назначеніемъ въ командиры горной баттареи. Это было въ маѣ 1855 года. Въ августѣ того же года Левъ Николаевичъ принималъ участіе въ стычкѣ у Черной рѣчки и прославился, какъ авторъ сатирической пѣсни, осмѣявшей безразсудное распоряженіе одного изъ русскихъ полководцевъ, которые безсмысленно гнали своихъ солдатъ на явную смерть и требовали отъ нихъ прямо невозможнаго. Недовольство, охватившее войска, вызвано было опрометчивымъ усердіемъ генерала Рида, который неправильно понялъ распоряженіе главнокомандующаго и приказалъ своему отряду занять Федюхинскія высоты, при чемъ погибъ весь отрядъ. Левинфельдъ разсказываетъ, какъ возникала эта сатирическая пѣсенька, и, по свѣжему, здоровому, строго выдержанному стилю солдатскихъ пѣсенъ, приравниваетъ ее къ позднѣйшимъ пѣснямъ фузелера Кучке изъ франко-прусской войны. Выдумка — отомстить безтолковому генералу нѣсколькими сильными стихами пришла въ голову офицерамъ баттареи, когда они сидѣли вокругъ сторожеваго костра. Думали сочинить круговую пѣсню,

такъ, чтобы каждый изъ сидѣвшихъ у костра сочинилъ по одному стиху. Но дѣло не пошло на ладъ: попытки одна за другой оканчивались неудачей, и стихи никому не нравились. Выручилъ изъ бѣды Толстой—на слѣдующій день онъ принесъ товарищамъ какъ разъ то, чего имъ хотѣлось. При громкихъ апплодисментахъ онъ прочиталъ свою пѣсенку; хоръ подхватилъ ее, и во всѣхъ войскахъ Севастополя безпрерывно, на сотню голосовъ повторяли ее. Послѣ окончанія войны Левъ Николаевичъ былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ объ офицерахъ всѣхъ бастіоновъ. Тутъ же онъ взялъ отставку, опасаясь, что служебныя занятія помѣшаютъ его дальнѣйшему духовному развитію, задержатъ окончательное формированіе его художественныхъ и творческихъ дарованій, его успѣхи на литературномъ поприщѣ, о которыхъ можно было судить по многообѣщающему началу, уже положенному имъ.

Свой первый поэтическій трудъ, „Дѣтство", Толстой отослалъ въ Петербургъ къ Некрасову, который, будучи одновременно поэтомъ и журналистомъ, занималъ весьма характерное и очень вліятельное положеніе въ литературномъ движеніи того времени. Въ его стихахъ мы слышимъ страданіе крестьянина, скованнаго цѣпями крѣпостного права, пригнетаемаго къ землѣ голодомъ и холодомъ; слышимъ горе и нужду городскихъ жителей, которымъ грозитъ гибель въ борьбѣ за существованіе; эти стихи сыграли свою роль въ соціальномъ движеніи послѣдующихъ годовъ. Какъ издатель ежемѣсячнаго журнала „Современникъ", Некрасовъ служилъ центромъ для всѣхъ выдающихся писателей: достаточно было ихъ произведеніямъ появиться на страницахъ этого журнала, чтобы создано было имя и пріобрѣтено вниманіе и уваженіе всего читающаго міра Россіи. Подобно другимъ, и Толстой видѣлъ лучшее признаніе той духовной силы, которая жила въ немъ и просилась наружу, въ томъ обстоятельствѣ, что Некрасовъ принялъ его трудъ съ распростертыми объятіями и поставилъ его имя наряду съ извѣстными писателями, которые пользовались вполнѣ заслуженной славой. Именно это обсто-

ятельство послужило тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, подъ вліяніемъ котораго у Льва Николаевича созрѣло окончательное рѣшеніе промѣнять военную службу на профессію литератора. Желая сдѣлать этотъ шагъ съ полной рѣшимостью, онъ хотѣлъ освѣтить себѣ этотъ совершенно новый для него міръ, выяснить въ немъ все, подобно тому, какъ раньше сдѣлалъ онъ это относительно своихъ обязанностей на военной службѣ, во время походовъ противъ мятежныхъ горцевъ и крымской войны. Онъ хотѣлъ заглянуть въ тотъ кругъ, въ которомъ ему предстояло вращаться, изучить людей, которые со словами ободренія шли ему навстрѣчу. Въ Петербургѣ онъ разсчитывалъ встрѣтить ласковый пріемъ у Тургенева, писательская слава котораго горѣла яркой звѣздой со времени выхода въ свѣтъ его несравненныхъ „Записокъ охотника“ и своимъ блескомъ помрачала всѣ соперничавшіе съ нимъ таланты, хотя и эти таланты были далеко не изъ послѣднихъ. Толстой познакомился съ нимъ еще раньше—имѣніе Тургенева, Спасское Лутовиново, находилось въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Толстого. Личныя качества Тургенева были такого рода, что именно онъ скорѣе всего могъ поддержать начинающаго писателя и открыть ему дорогу. Не говоря уже о талантѣ, выходящемъ изъ ряду вонъ, и проницательномъ умѣ, онъ обладалъ такимъ сердцемъ, которое не только билось для всего благороднаго и прекраснаго, но которое къ тому же легко было тронуть, когда къ этому писателю обращались съ какой-нибудь просьбой. Тургеневъ вращался въ большомъ свѣтѣ; имѣлъ близкое отношеніе къ германской и французской культурѣ; но это обстоятельство нисколько не изгладило въ немъ національныхъ свойствъ русскаго человѣка: оно только расширило его точку зрѣнія, сдѣлало болѣе глубокимъ его міросозерцаніе и придало его творчеству тотъ высокій и свободный оттѣнокъ, благодаря которому его произведенія носятъ общечеловѣческій характеръ и одинаково близки, какъ русскимъ, такъ нѣмцамъ и французамъ. Уже въ то время онъ оказалъ огромныя услуги русской литературѣ; еще больше сдѣлалъ онъ

впослѣдствіи; но всегда онъ съ благоговѣніемъ относился къ своимъ предшественникамъ. Всегда стремился онъ оказать посильную помощь, когда видѣлъ въ комъ-либо настоящее дарованіе, искавшее признанія. Онъ былъ совершенно свободенъ отъ того высокомѣрія, которое часто дѣлаетъ столь тягостными отношенія съ крупными писательскими талантами. Ласково встрѣтилъ онъ и Толстого. Своего молодого товарища, который еще не зналъ Петербурга, онъ принялъ, какъ гостя, къ себѣ на квартиру, стараясь излишнимъ вниманіемъ не затронуть потребности въ свободѣ и самостоятельности.

Толстой былъ молодымъ человѣкомъ; понятно само собой, что погоня петербуржцевъ за наслажденіями, бившее черезъ край обиліе удовольствій, наконецъ городъ, прекрасный самъ по себѣ, произвели на Льва Николаевича извѣстное впечатлѣніе. Нѣкоторое время онъ прожилъ въ полной власти этихъ обаятельныхъ впечатлѣній, завязывая знакомство почти со всѣми тогдашними лучшими литературными силами. Съ середины сороковыхъ годовъ начали появляться одинъ за другимъ писатели, которые потомъ пріобрѣли міровую извѣстность. Всѣ они отличались необыкновенной наблюдательностью, богатствомъ фантазіи и великой смѣлостью въ выборѣ сюжетовъ для своихъ произведеній, отдавая въ этомъ случаѣ предпочтеніе жизни низшихъ классовъ населенія. Родоначальникомъ русской литературы вообще былъ Пушкинъ; за нимъ послѣдовалъ Гоголь, давшій блестящіе образцы романа и комедіи. Въ 1845 году выступилъ на литературное поприще графъ Соллогубъ съ своей прекрасно изложенной повѣстью „Тарантасъ“, оригинальнымъ діалогомъ между двумя помѣщиками о русской жизни. Въ слѣдующемъ году вышли „Бѣдные люди“ Достоевскаго и „Деревня“ Григоровича, первая деревенская повѣсть въ русской литературѣ, родъ литературныхъ произведеній, извѣстный ей до тѣхъ поръ только по сочиніямъ Бертольда Ауэрбаха въ Германіи и Жоржа Занда во Франціи. Въ 1847 году появились два новыхъ крупныхъ писателя—Тургеневъ, издавшій „Хоря и Калиныча“, и Гончаровъ съ „Обыкновенной исторіей“;

почти въ то же время Александръ Герценъ выпустилъ захватывающій романъ „Кто виноватъ?“ и выступилъ Некрасовъ съ цѣлымъ рядомъ своихъ лучшихъ стихотвореній. Толстой познакомился со всѣми этими писателями; едва ли однако хоть одинъ изъ нихъ обладалъ такой духовной силой, которая могла бы повліять на него болѣе, чѣмъ его собственная личность и прирожденныя свойства, или свернуть съ того пути, который предуказывалъ ему его собственный геній. Онъ признавалъ ихъ, съ большой похвалой отзывался объ ихъ произведеніяхъ, но не хотѣлъ, да едва ли и могъ, поддерживать болѣе или менѣе продолжительныя отношенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Такъ не подходило къ нему то принужденіе, то подчиненіе, которое въ той или иной формѣ вызывается дружескими отношеніями. Къ людямъ, съ которыми онъ встрѣчался, къ обстановкѣ, которую видѣлъ вокругъ себя, онъ относился такъ же, какъ къ себѣ самому—постоянно наблюдалъ и сравнивалъ, испытующе и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Его вгзляды очень часто не совпадали съ тѣми мнѣніями, которыя въ то время были общепринятыми; и то, что онъ считалъ правымъ, онъ защищалъ всегда всѣми силами. Вѣрность самому себѣ, постоянно проявлявшаяся въ его оригинальныхъ сужденіяхъ, часто принималась людьми, его окружавшими, за простую страсть спорить; а его искренность часто казалась имъ наклонностью къ грубости. Позднѣе мы увидимъ, какъ тягостны и непріятны были отношенія, установившіяся съ теченіемъ времени между Толстымъ и Тургеневымъ, какъ ни былъ уступчивъ и терпѣливъ послѣдній, несмотря на совершенно непостижимые припадки, вдругъ находившие по временанъ на его молодого друга. Здѣсь мы напомнимъ только объ одномъ забавномъ приключеніи, о которомъ разсказываетъ Григоровичъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“; случай этотъ превосходно характеризуетъ Льва Николаевича, такимъ, какимъ онъ былъ въ то время. Григоровичъ познакомился сь Толстымъ еще въ Москвѣ, когда онъ былъ на военной службѣ; и, когда опять встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, замѣтилъ въ немъ, какъ

рымъ онъ шелъ до сихъ поръ, понялъ узость своего исключительнаго національно-русскаго міросозерцанія, почувствовалъ необходимость ознакомиться съ той болѣе старой культурой, которая въ теченіе столѣтій развивалась въ западной Европѣ и стала неизбѣжной школой всякаго свободнаго и высокаго духа. Въ чемъ заключаются характерныя свойства западной цивилизаціи? Какая разница въ этомъ отношеніи между Россіей и западомъ? Наука и богатство дѣлаютъ ли человѣка болѣе счастливымъ, чѣмъ былъ бы онъ безъ нихъ? Эти мысли уже тогда живо занимали Льва Николаевича, и онъ пытался отдѣлаться отъ нихъ, не предполагая того совсѣмъ, что именно эти вопросы будутъ постоянными спутниками всей его жизни, что именно они даютъ самое существенное содержаніе всей его писательской дѣятельности. Такимъ образомъ отправился онъ заграницу, чтобы самому все увидѣть, изучить, обсудить. Тутъ мы опять воспользуемся данными, содержащимися въ біографіи, составленной Левенфельдомъ, который тщательно, по мелочамъ собралъ весь матеріалъ, относящійся къ этому періоду въ жизни Толстого. Прежде всего Толстой направился въ Парижъ, гдѣ къ тому времени Тургеневъ уже нашелъ себѣ вторую родину и вступилъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ самыми видными представителями литературы и искусства. Левъ Николаевичъ прибылъ во французскую столицу въ серединѣ января 1857 года и пробылъ тамъ шесть—семь недѣль. Онъ дружески былъ принятъ Тургеневымъ и Некрасовымъ; блестящее зрѣлище парижской безпечной веселости и жизнерадостности произвело на него, повидимому, очень пріятное впечатлѣніе; въ то же время онъ продолжалъ усердно работать. Онъ отлично ознакомился съ салонами и увеселительными мѣстами, посѣщалъ аудиторіи Сорбонны; живая манера преподаванія, практиковавшаяся въ то время парижскими профессорами, произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Подобно тому, какъ позднѣе Тургеневъ присутствовалъ при казни Траупманна въ 1870 году, описанной имъ затѣмъ съ удивительной наглядностью, и Левъ Николаевичъ былъ

свидѣтелемъ того, какъ одинъ человѣкъ, виновный въ тягчайшемъ преступленіи, предумышленномъ убійствѣ, искупилъ свою вину подъ ножемъ гильотины. И вотъ тутъ, когда онъ увидѣлъ, какъ голова отдѣлилась отъ туловища, какъ сначала голова, а потомъ туловище упали въ корзину, онъ понялъ, какъ говоритъ онъ самъ, не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, что никакой теоріей относительно разумности существующаго и прогресса нельзя оправдать подобное дѣяніе.

Повидимому, черезъ Германію Толстой проѣхалъ въ тотъ разъ очень быстро, хотя онъ весьма интересовался этой страной; надо думать, что именно въ это время родилось у него желаніе—какъ-нибудь потомъ хорошенько ознакомиться съ ней. Въ апрѣлѣ и маѣ того же года онъ былъ въ Италіи, вѣрнѣе сказать—пролетѣлъ черезъ этотъ Божій рай, нисколько не поддавшись тому очарованію, которое разсыпано въ прелестной природѣ, въ неисчерпаемомъ обиліи художественныхъ сокровищъ этого блаженнаго уголка земли. Другимъ писателямъ открывается новый міръ, когда они переступаютъ Альпы. На этой почвѣ они не только учатся тоньше и полнѣе воспринимать красоту, но и познаютъ глубоко человѣчное чувство внутренняго блаженства, которое затѣмъ не покидаетъ ихъ до самаго конца жизни. Тщетно было бы искать слѣдовъ подобнаго вліянія Италіи на фантазію Толстого: неисчерпаемое богатство итальянской культуры такъ и осталось для него книгой за семью печатями. За то почти какъ дома чувствовалъ онъ себя въ Швейцаріи, среди величественныхъ альпійскихъ вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, среди плѣнительныхъ горныхъ потоковъ, голубыхъ озеръ, зеленыхъ лужаекъ, смѣси представителей и созданій различныхъ ступеней культуры новаго времени, отъ уединенно стоящей въ глуши крестьянской хижины до роскошныхъ отелей, въ обѣденныхъ залахъ и садахъ которыхъ собирается многоязычная смѣсь представителей изящества и богатства со всего міра. Молодой, здоровый, сильный, онъ оказался смѣлымъ горнымъ туристомъ. А что живописно

расположенные города республики произвели на него глубокое впечатлѣніе, доказываетъ, между прочимъ, разсказъ „Люцернъ“, который вообще содержитъ очень многое изъ его личныхъ воззрѣній. Еще не успѣла наступить осень, а онъ уже былъ въ Ясной Полянѣ, но нигдѣ не находилъ того внутренняго спокойствія, къ которому онъ такъ страстно стремился. Ни въ одномъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, не могъ онъ пробыть долго — ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Ясной Полянѣ. Въ ноябрѣ Толстой опять отправился въ Парижъ; но въ началѣ слѣдующаго года онъ былъ уже дома, нося въ себѣ свои двѣ души—„чада міра сего“ и писателя,—двѣ души, которыя далеко не всегда могли мирно ужиться въ его груди. Онъ попытался было прекратить эту борьбу, принявшись за управленіе имѣніемъ—самъ лично сталъ смотрѣть за порядкомъ и пробовалъ помочь своимъ крестьянамъ. Но тутъ на его голову свалилась новая бѣда, которая мучила его все больше и больше, обращая въ ничто всѣ его старанія установить душевное равновѣсіе—внушавшее опасенія состояніе здоровья старшаго брата, Николая, человѣка съ рѣдкимъ характеромъ, яснымъ умомъ и чистымъ сердцемъ: онъ жилъ на Кавказѣ и пользовался превосходнымъ здоровьемъ, но потомъ его здоровье вдругъ рѣзко измѣнилось, такъ что діагнозъ легко было поставить. Сухой кашель, которымъ онъ страдалъ, впалыя щеки, безобразившія его блѣдное лицо, общій упадокъ всѣхъ силъ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что его пожирала чахотка. Николай Толстой отправился съ другимъ братомъ Сергѣемъ въ Соденъ, куда въ то же время пріѣхалъ лѣчиться и Тургеневъ. А въ іюлѣ и Левъ Николаевичъ отплылъ на пароходѣ изъ Петербурга въ Германію и черезъ Штеттинъ направился въ Берлинъ.

„Берлинъ былъ въ то время, разсказываетъ Левенфельдъ: очень еще далеко отъ той жизни мірового города, тѣхъ блеска и внѣшней красоты, которыми теперь онъ возбуждаетъ удивленіе иностранцевъ. Онъ былъ только на пути къ тому, чтобы сдѣлаться столи-

цей имперіи и въ непрерывной, упорной работѣ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности, во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія набирался силъ для выполненія своей высокой задачи въ близкомъ будущемъ. Германія считалась тогда у другихъ народовъ страною мыслителей; и въ *этой* Германіи Берлинъ *былъ* уже первымъ городомъ, гораздо раньше, чѣмъ политическія событія сдѣлали его столицей, первымъ городомъ имперіи. Первые три дня пребыванія въ Берлинѣ были потеряны для Толстого изъ-за зубной боли, которую онъ захватилъ во время переѣзда по морю. Но четырьмя слѣдующими днями, которые оставались въ его распоряженіи изъ недѣли, назначенной для Берлина, онъ воспользовался самымъ плодотворнымъ и наиболѣе подходившимъ къ его стремленіямъ образомъ. Тѣмъ временемъ его сестра прослѣдовала въ Соденъ. Первый день былъ посвященъ университету и собраніямъ художественныхъ произведеній. Толстой посѣтилъ лекціи двухъ самыхъ знаменитыхъ профессоровъ берлинской высокой школы: Дройзена и Дю Буа-Реймона. Дройзенъ былъ тогда въ Берлинѣ только первый годъ и былъ гораздо моложе своего коллеги; Дю Буа-Реймонъ уже два года былъ ординарнымъ профессоромъ: онъ занялъ каѳедру, освободившуюся послѣ смерти его учителя, Іоганна Мюллера. Въ лѣтнемъ семестрѣ 1860 года Дройзенъ читалъ древнюю исторію и новѣйшую съ 1815 года, Дю Буа-Реймонъ—экспериментальную физіологію и о диффузіи. Въ аудиторіи физіолога Толстой познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который оказалъ ему большія услуги,—принимая во вниманіе кратковременность пребыванія Толстого въ Берлинѣ. Candidatus medicine Френкель былъ проводникомъ молодого русскаго писателя. Въ чужеземномъ графѣ онъ сразу призналъ человѣка съ необыкновенно широкимъ образованіемъ, выходящими изъ ряда вонъ способностями и ненасытной любознательностью; только одного онъ и не подозрѣвалъ даже,—того, что показываетъ достопримѣчательности Берлина писателю, котораго на родинѣ уже причислили самого къ достопримѣчательностямъ: въ то время ни

одно изъ произведенiй Толстого не было переведено на нѣмецкiй языкъ.

Между прочимъ, Френкель, свелъ любознательнаго русскаго туриста на собранiе союза ремесленниковъ. Лекцiя, прочитанная выдающимся ученымъ передъ людьми изъ всѣхъ слоевъ населенiя, особенно открытiе ящика съ вопросами—форма народнаго обученiя, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстная Толстому — вызвали въ немъ удивленiе и восторгъ, какъ благотворные результаты всеобщаго обученiя, отъ котораго такъ далеко было въ то время его отечество. Эти собранiя такъ понравились ему, что онъ посѣтилъ союзъ ремесленниковъ и въ слѣдующiй вечеръ, тринадцатаго iюля, какъ ни мало времени было въ его распоряженiи для Берлина. День посвятилъ онъ осмотру Моабитской тюрьмы. Система одиночнаго заключенiя, практиковавшаяся здѣсь, не понравилась ему: такъ противорѣчила она человѣколюбивому складу его характера. Обогащенный новыми впечатлѣнiями покинулъ онъ Берлинъ четырнадцатаго iюля".

Изъ Берлина Толстой отправился въ Лейпцигъ, гдѣ онъ пробылъ только одинъ день, но успѣлъ все-таки составить хоть общее понятiе о саксонскихъ школахъ, которыя въ то время пользовались большимъ уваженiемъ и считались лучшими во всей Германiи. Организацiя школьнаго дѣла и для Россiи была вопросомъ величайшей важности — страна стояла наканунѣ новой эпохи, начало которой положено было манифестомъ императора Александра Второго объ уничтоженiи крѣпостного права. Какiя мысли занимали Льва Николаевича въ тѣ минуты, когда ему разсказывали о состоянiи народнаго образованiя, объ этомъ можно судить почти безошибочно, если вспомнить о тѣхъ трудахъ, которые предпринялъ онъ впослѣдствiи, имѣя въ виду обученiе крестьянскихъ дѣтей. Изъ Лейпцига Толстой направился въ Дрезденъ. Цѣлью этой поѣздки было не одно только желанiе взглянуть на прекрасную саксонскую столицу на Эльбѣ: главнымъ образомъ онъ хотѣлъ познакомиться съ Бертольдомъ Ауэрбахомъ, который жилъ тамъ и талантъ котораго какъ разъ въ это время

находился на высшей ступени развитія. Толстой съ самаго начала относился къ творцу шварцвальдскихъ деревенскихъ разсказовъ съ искреннимъ уваженіемъ. Онъ сразу понялъ тотъ здоровый, освѣжающій элементъ, который былъ привнесенъ этими разсказами въ нѣмецкую литературу; новое литературное вѣяніе само по себѣ казалось ему отраднымъ и достойнымъ подражанія. У Ауэрбаха Толстой велъ себя довольно странно. Онъ приказалъ доложить о себѣ, но не хотѣлъ назвать свое имя. Когда Ауэрбахъ изъявилъ готовность принять иностраннаго гостя, Толстой вошелъ въ пріемную и сказалъ: „Меня зовутъ Евгеній Бауманъ". Ауэрбахъ обезпокоился и смутился. Онъ никакъ не могъ понять, что собственно должна означать эта своеобразная манера представляться, и ужъ началъ было бояться незнакомца. Но Толстой тутъ же постарался разсѣять всѣ подозрѣнія: „Если не по имени, прибавилъ онъ: то, по крайней мѣрѣ, по своему характеру". Тутъ онъ назвалъ свое настоящее имя и повелъ рѣчь о томъ глубокомъ и прочномъ впечатлѣніи, которое произвели на него произведенія нѣмецкаго писателя.

Какъ разъ въ то время русское правительство было занято вопросомъ о томъ, какъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе всего осуществить давно назрѣвшую реформу народнаго образованія. Составленный съ этой цѣлью проэктъ былъ разосланъ нѣсколькимъ французскимъ, нѣмецкимъ и бельгійскимъ педагогамъ и писателямъ, мнѣнія которыхъ по этому важному вопросу могли представлять интересъ. Въ число этихъ педагоговъ и писателей попалъ, между прочимъ, и Ауэрбахъ; и для него представлялъ большой интересъ случай побесѣдовать съ русскимъ гостемъ о дѣлѣ, высказаться относительно котораго онъ былъ призванъ въ качествѣ авторитета, которымъ, вдобавокъ, такъ интересовался и которое такъ понималъ самъ Толстой. Далеко не все, что практиковалось тогда въ Германіи въ качествѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ народнаго воспитанія, признавалъ годнымъ для своей славянской родины Толстой, судившій объ этомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія условій со-

всѣмъ другой культуры, чувствовавшій въ себѣ родство съ національнымъ духомъ русскаго народа. Слѣдуетъ, однако, помнить въ данномъ случаѣ, что въ то время еще не существовало современныхъ взглядовъ, требующихъ гармоническаго отношенія между духовнымъ и физическимъ развитіемъ; что еще не существовало учрежденій, въ которыхъ столько же времени посвящается гимнастикѣ, катанью на конькахъ, катанью на велосипедѣ и игрѣ въ Lawn-tennis, сколько посвящается учебнымъ занятіямъ въ закрытомъ помѣщеніи; что не существовало ни посѣщенія музеевъ, ни житья на дачахъ, какъ учебно-воспитательныхъ средствъ; слѣдуетъ помнить, наконецъ, что во всей этой системѣ, если сравнить ее съ теперешними отношеніями между учителями и учениками, безъ сомнѣнія было много шаблоннаго и оторваннаго отъ жизни, построеннаго на основаніи одныхъ только чисто теоретическихъ воззрѣній. Выросшій среди условій и воззрѣній сельскаго быта, не разъ имѣвшій случай убѣдиться въ необходимости физическаго воспитанія, во время военныхъ упражненій и походовъ въ мало культурныя мѣстности, Толстой цѣликомъ воспринялъ тотъ идеалъ индивидуальнаго воспитанія, попытки осуществить который онъ нашелъ въ нѣмецкихъ школахъ. Въ Киссингенѣ Левъ Николаевичъ познакомился съ человѣкомъ, которому мы обязаны существованіемъ дѣтскихъ садовъ, воспитательныхъ учрежденій, которыя были для русскаго писателя равнымъ образомъ совершенно новымъ явленіемъ и наводили его на размышленія, сравненія, вызывали цѣлый рядъ новыхъ взглядовъ и сужденій. Какъ говоритъ Левенфельдъ, Фребель въ своихъ „Воспоминаніяхъ о прожитомъ“, которыя могутъ быть изданы только послѣ смерти ихъ автора, разсказываетъ, что Толстой высказалъ въ разговорѣ съ нимъ чрезвычайно странные, особенные взгляды: прогрессъ Россіи, говорилъ онъ, можетъ осуществиться только на почвѣ народнаго образованія, и въ Россіи это послѣднее дастъ гораздо больше благотворныхъ результатовъ, чѣмъ въ Германіи: русскіе, пояснялъ Толстой, еще неиспорченный народъ, тогда какъ нѣмцы похожи на ребенка,

который въ теченіе многихъ лѣтъ принужденъ былъ выносить на себѣ всѣ послѣдствія ложной системы воспитанія. Уже въ то время онъ разсказывалъ о школѣ, которую онъ устроилъ у себя въ имѣніи и въ которой самъ лично принималъ участіе въ обученіи. Въ лѣтніе мѣсяцы у учениковъ были каникулы, говорилъ онъ: участіе въ занятіяхъ необязательно; если образованіе благодѣтельно, то потребность въ немъ можетъ и должна являться сама собой, какъ голодъ. Народъ представлялся ему какимъ-то мистическимъ существомъ, изъ таинственной глубины котораго должны были, по его мнѣнію, выйти на свѣтъ Божій вещи, которыхъ нельзя даже предугадать, долженъ былъ появиться новый міровой порядокъ. Онъ былъ сторонникомъ передачи частной земельной собственности въ распоряженіе всего общества и видѣлъ въ артели соціалистическую форму будущаго. Съ улыбкой выслушивалъ иногда Фребель мнѣнія Толстого о народѣ въ Германіи. Толстой высказывалъ свое удивленіе по тому поводу, что ни въ одной нѣмецкой деревнѣ ему не приходилось видѣть въ крестьянскихъ домахъ ни деревенскихъ разсказовъ Ауэрбаха, ни стихотвореній Гебеля, и увѣрялъ, что русскіе крестьяне проливали бы слезы надъ такими книгами. Изъ Киссингена Толстой отправился на Гарцъ и Тюрингію. Онъ побывалъ въ мѣстностяхъ, гдѣ зародилось великое дѣло нѣмецкой реформаціи. Увидѣвши Эйзенахъ и Вартбургъ, Толстой выразилъ всю силу охватившихъ его впечатлѣній въ трехъ словахъ,—онъ написалъ въ своемъ дневникѣ: „Лютеръ великъ!“

Путешествіе по Германіи должно было послужить для Толстого источникомъ чистыхъ и возвышенныхъ наслажденій... Но мысль о больномъ братѣ, Николаѣ, которому пребываніе въ Соденѣ не принесло рѣшительно никакой пользы и которому совѣтовали поѣздку на югъ, какъ неизбѣжно необходимую для поправленія его здоровья, набрасывала все болѣе и болѣе мрачныя тѣни на настроеніе Льва Николаевича. Четыре недѣли спустя, въ октябрѣ 1860 года, онъ присутствовалъ при смерти своего горячо любимаго брата въ Hyères, около Ниццы,

который умиралъ, какъ мудрецъ, съ яснымъ сознаніемъ безнадежности своего положенія, среди неутомимой умственной работы, безъ всякихъ жалобъ и унынія, мирно и тихо, но все-таки взволнованный и потрясенный въ глубинѣ души, какъ будто все земное постепенно исчезало отъ его взоровъ и смерть со своей сухою, костлявою рукой подступала къ его постели. Эта медленная кончина брата произвела на Льва Николаевича такое дѣйствіе, какъ будто ему въ руки вложили вдругъ ключъ къ великой тайнѣ. Никогда впослѣдствіи не могъ онъ забыть этого страдальческаго образа, послѣдняго вздоха, который онъ слышалъ изъ болѣзненно корчившейся груди любимаго брата. Въ сравненіи съ этимъ страшнымъ горемъ было дѣломъ второстепенной важности почти все, что происходило вокругъ него. Нѣкоторое время Левъ Николаевичъ пробылъ во французской Швейцаріи, а затѣмъ рѣшилъ продолжать свое образовательное путешествіе, надѣясь, что оно дастъ ему возможность побороть скорбь о томъ, чего уже нельзя было воротить. Въ декабрѣ онъ былъ уже въ Италіи, гдѣ и пробылъ до начала января 1861 года, а затѣмъ черезъ Марсель, гдѣ онъ опять тщательно изучалъ народную жизнь, направился въ Парижъ. И опять Тургеневъ встрѣтилъ его, какъ вѣрный руководитель и другъ, и съ самымъ живымъ интересомъ отнесся къ его новымъ работамъ. Тутъ Толстой, какъ разсказываетъ Левенфельдъ, проѣхалъ въ омнибусѣ по всѣмъ улицамъ города: интеллигентное населеніе французской столицы было для него пріятнымъ объектомъ наблюденій. Тѣ типы, съ которыми до сихъ поръ онъ былъ знакомъ только по книгамъ, выступили теперь передъ нимъ въ образѣ живыхъ людей. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ одно странное наблюденіе,—что пассажиры омнибусовъ всегда напоминаютъ фигуры изъ романовъ Поль-де-Кока. Въ концѣ февраля онъ посѣтилъ Лондонъ. Внушительная картина англійской столицы съ ея движущимися огромными массами народа—особенность города, нигдѣ кромѣ него не встрѣчающаяся,—съ ея величественными торгово-промышленными учрежденіями, искусствомъ смотрѣть

на жизнь съ практической точки зрѣнія и все переводить на деньги, какъ единственное мѣрило всѣхъ вещей, съ ея торговлей, которая господствуетъ надъ всѣми морями, съ ея свободнымъ уваженіемъ къ индивидууму— произвела на Толстого сильное впечатлѣніе даже послѣ богатой эстетическими наслажденіями парижской жизни. Тѣмъ не менѣе его всегда тянуло опять въ Германію. Весною онъ посѣтилъ Веймаръ, гдѣ побывалъ въ домѣ Гёте; затѣмъ, побывавши въ Тюрингіи, черезъ Берлинъ возвратился въ Россію, въ Петербургъ и въ Москву, а въ маѣ 1861 года былъ уже въ Ясной Полянѣ. Смерть брата, путешествіе по Германіи и Италіи, Франціи и Англіи, совершенное на этотъ разъ такъ; что его испытующему уму открыто было широкое поле для работы, сдѣлали Толстого совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Теперь онъ думалъ о томъ, чтобы осѣсть на одномъ мѣстѣ, основаніемъ семьи выполнить свои обязанности передъ обществомъ и продолжать работу надъ тѣмъ дѣломъ, выполнить которое онъ чувствовалъ себя призваннымъ,— дѣломъ писателя и воспитателя своего народа.

Юношескія произведенія.

Уже въ первыхъ произведеніяхъ Толстой выступаетъ передъ нами со всѣми своими личными качествами и особенностями; уже въ нихъ цѣликомъ вырисовывается его личность, слышится то гармоническое отношеніе между жизнью и творчествомъ, которое составляетъ столь характерную черту всей его литературной дѣятельности. Во всѣхъ этихъ книгахъ, писавшихся въ теченіе почти полвѣка, мы видимъ вполнѣ сложившагося, одного и того же человѣка,—человѣка, богатаго своеобразными идеями и чувствами, съ оригинальнымъ характеромъ; видимъ внимательнаго, проницательнаго и вдумчиваго наблюдателя внѣшняго міра, который окружаетъ его, и своего собственнаго сердца; видимъ испытующій духъ, который ведетъ непрерывную и упорную борьбу съ этимъ внѣшнимъ міромъ и съ самимъ собой. Онъ берется за перо съ вполнѣ опредѣленнымъ чувствомъ, что онъ можетъ сказать кое-что, и спрашиваетъ себя, что́ онъ, зачѣмъ онъ живетъ, чѣмъ онъ долженъ стать. Отъ его юношескихъ произведеній ни въ коемъ случаѣ не получается такого впечатлѣнія, будто они принадлежатъ таланту не созрѣвшему, только на половину развившемуся. Разница между позднѣйшими и ранними произведеніями Толстого есть: позднѣйшія произведенія отличаются болѣе широкимъ планомъ, бо̀льшимъ богатствомъ въ средствахъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности; но самъ Толстой всегда оставался однимъ и тѣмъ же человѣкомъ:

никогда не былъ онъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ былъ въ двадцать четыре года. Его пониманіе людей и природы, только ему одному свойственное, его необыкновенная наблюдательность, проникающая до самаго корня вещей, его стремленіе къ правдѣ и искренность кажутся какимъ-то даромъ, который благое провидѣніе даровало ему еще въ колыбели. Уже въ ранней молодости Толстой отличался необыкновенно развитой способностью видѣть и понимать факты. Его глазъ проникаетъ сквозь всѣ покровы и преграды. Природа вложила въ него неодолимую потребность познавать вещи, по ихъ внутренней сущности, своей фантазіей и собственными чувствами, а не относиться къ нимъ такъ или иначе, руководясь общепринятой точкой зрѣнія и общепринятыми понятіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это—цѣльный человѣкъ, который собственными силами прокладываетъ путь въ жизни, съ рубцами и ранами возвращается домой. Особенно ненавистны ему фразерство, искусственность, фальшь. Какъ писатель, онъ можетъ изображать только то, что самъ пережилъ въ душѣ, за что, такъ сказать, заплатилъ собственной кровью. Этимъ именно объясняется отличительная черта его творчества—всѣ его произведенія носятъ характеръ безусловной необходимости, когда одно непосредственно и съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ другого, а цѣлое рисуетъ до самой затаенной глубины личность своего творца. Содержаніе повѣстей и романовъ Толстого изображаетъ непреклонное стремленіе этой сильной натуры въ духовномъ отношеніи—къ знанію и истинѣ, въ нравственномъ отношеніи—къ чистотѣ чувствъ и къ дѣятельной любви. Онъ разсказываетъ намъ сначала, какимъ путемъ духовнаго развитія шелъ онъ до того момента, когда, заглянувши въ свою душу, находятъ въ себѣ человѣка съ прочнымъ міросозерцаніемъ. Затѣмъ мы видимъ его опять въ маскѣ героя, въ двухъ большихъ романахъ его—„Войнѣ и мирѣ“ и „Аннѣ Карениной“. Наконецъ, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ становится философомъ, занятымъ вопросами религіи, моралистомъ, мистикомъ, аскетомъ.

То первое произведеніе своей музы, которое Толстой послалъ съ Кавказа Некрасову въ Петербургъ въ 1852 году, было началомъ большого романа, который, какъ предполагалось, долженъ былъ состоять изъ четырехъ частей, подъ общимъ заглавіемъ „Исторія четырехъ періодовъ жизни". Три части—„Дѣтство", „Отрочество", „Юность" — закончены были до 1857 года. Четвертая часть такъ и не появилась. Этотъ романъ-автобіографія, изложенная въ формѣ художественнаго произведенія,—произведенія, вызывающаго глубокій интересъ къ нему не нанизываніемъ одного за другимъ разныхъ внѣшнихъ событій, а тѣмъ, что тутъ описывается жизнь души и послѣдовательныя ступени развитія. Чтобы охладить то пустое любопытство, которое готово было бы удовлетвориться просто кучей семейныхъ сплетенъ; чтобы пощадить память дорогихъ ему людей и не выставлять всѣ перипетіи ихъ жизни на потѣху уличныхъ зѣвакъ, Толстой окружаетъ свою исповѣдь такой обстановкой, которая далеко не всегда соотвѣтствуетъ той дѣйствительной обстановкѣ, среди которой онъ жилъ въ то время; очень часто въ романѣ идетъ рѣчь о такихъ лицахъ, которыя въ дѣйствительности никогда и не существовали. И все-таки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ образѣ молодого Иртенева онъ самымъ точнымъ образомъ воспроизвелъ самого себя; что именно онъ пережилъ всѣ тѣ тонко очерченныя перемѣны въ характерѣ и ступени духовнаго развитія, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ романѣ; что тутъ его собственныя горести, сомнѣнія, мечты и думы. Прелесть разсказа заключается прежде всего въ той безграничной искренности и правдивости, которыми дышитъ каждое слово, о чемъ бы ни заговорилъ авторъ; какъ будто видишь передъ собой кристаллъ, видишь всѣ до одной черточки, которыя провела жизнь на чистомъ листѣ этого характера. Старинный помѣщичій домъ вблизи Москвы открываетъ передъ нами свои двери. Мы видимъ передъ собой, какъ живыхъ, людей патріархальной эпохи въ началѣ только что истекшаго столѣтія; знакомимся съ нравами и обычаями, которые

господствовали въ то время. Отецъ и мать поручили воспитаніе своего мальчика домашнему учителю-нѣмцу, честной и доброй душѣ, суровому какъ будто, но съ чувствительнымъ сердцемъ, готовымъ сказаться при всякомъ столкновеніи съ суровымъ міромъ и жизнью. Около этого русскаго семейства стариннаго покроя группируется цѣлая толпа людей—родственниковъ, дядекъ, нянекъ, слугъ и служанокъ, которые хлопотливо суетятся въ различныхъ мѣстахъ, отъ гостиной и кабинета хозяина дома до кухни и людской. Тутъ ѣдятъ и ведутъ разговоры, учатся и выѣзжаютъ. Черезъ окно проникаетъ въ домъ пестрая жизнь во всемъ своемъ разнообразіи и заставляетъ маленькаго Николая присматриваться, прислушиваться, думать, открываетъ его духовный взоръ. Первыя впечатлѣнія, испытанныя имъ въ деревнѣ вслѣдствіе смерти его матери и няньки, были такъ печальны, что внушили ему мысль о смерти. Даже потомъ, когда уже начались въ классной занятія и посѣщенія родственниковъ заставляли мѣняться его настроеніе, онъ продолжалъ быть вдумчивой, мечтательной натурой, которая не поддается увлеченіямъ, а пытается осмыслить жизнь.

„Отрочество“ начинается описаніемъ поѣздки въ Москву. Иртеневъ выходитъ изъ замкнутаго круга семейной жизни; и тутъ въ первый разъ замѣчаетъ онъ, что на свѣтѣ есть и чужіе люди, чужіе въ томъ смыслѣ, что они иначе думаютъ и чувствуютъ, иначе поступаютъ, имѣютъ иные взгляды, чѣмъ онъ. Это открытіе наводитъ его на мысль, что жизнь должна имѣть опредѣленную цѣль и опредѣленное содержаніе; стремленіе найти эту цѣль и содержаніе вовлекаетъ его во всевозможныя превратности и приводитъ къ сумасброднымъ мыслямъ о самоубійствѣ. Судьба несчастнаго, неожиданно потерявшаго мѣсто учителя-нѣмца Карла Ивановича оставляетъ глубокій слѣдъ въ его сердцѣ. Ломая голову надъ самыми обыкновенными и простыми вещами, онъ приходитъ къ полному отчаянію. Онъ видитъ, что какая-то непонятная сила влечетъ существа различныхъ половъ другъ къ другу; и на этой почвѣ въ немъ зарождается

чувство зависти къ брату, который только немного старше него. Цѣлый рядъ неопредѣленныхъ, непредвидѣнныхъ понятій и образовъ овладѣваетъ имъ. Важнымъ періодомъ въ его жизни является дружба, которую завязалъ онъ съ молодымъ княземъ Нехлюдовымъ и въ которой онъ находитъ удовлетвореніе своему настойчивому стремленію къ истинѣ, потребности давать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ мысляхъ и чувствахъ. Тутъ начинается третья часть романа—„Юношество“. Эта часть—настоящая исповѣдь; тутъ цѣлая программа опредѣленныхъ жизненныхъ правилъ, какъ средство къ нравственному усовершенствованію, тутъ довольно обстоятельное описаніе выпускного экзамена, университетской жизни, отношеній съ товарищами; тутъ онъ разсказываетъ о спорахъ и ссорахъ, возникавшихъ на почвѣ этихъ отношеній, и о своей жизни въ обществѣ. Глубокое раскаяніе охватываетъ Иртенева, когда онъ проваливается на второмъ экзаменѣ; и онъ даетъ священный обѣтъ, какъ нравственно созрѣвшій человѣкъ, никогда не отрекаться отъ повиновенія тому, что́ разъ будетъ признано истиной и правдой. Надо думать, именно по этой причинѣ Толстой не сталъ писать намѣченной четвертой части своей автобіографіи: онъ чувствовалъ, что вопросъ о жизни и развитіи въ годы молодости уже исчерпанъ въ тѣхъ частяхъ романа, которыя были уже написаны; что событія въ жизни позднѣйшаго времени нельзя разсказать такъ просто и коротко; чувствовалъ, что оно, это позднѣе пережитое, можетъ послужить благодарнымъ мотивомъ для болѣе широкаго литературнаго творчества.

Иртеневъ и Нехлюдовъ — два молодыхъ друга, въ образѣ которыхъ Толстой рисуетъ намъ самого себя, въ одномъ—постепенное образованіе своего характера въ дни дѣтства и юности, въ другомъ—свои нравственные порывы, свою борьбу съ искушеніями въ годы начинающейся зрѣлости. Понемногу Иртеневъ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ. Нехлюдовъ же становится главной фигурой въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, дающихъ намъ возможность заглянуть въ самыя

сокровенныя глубины духовной жизни Толстого. Первый изъ этихъ разсказовъ — „Утро помѣщика". Тутъ Нехлюдовъ—жаждущій дѣла, мечтательный, прекрасно образованный аристократъ, которому не по сердцу пустая, безполезная жизнь въ бѣдномъ идеями обществѣ: онъ желаетъ работать, трудиться на пользу своихъ крестьянъ. Нехлюдовъ пишетъ своей теткѣ, что онъ чувствуетъ въ себѣ способность быть хорошимъ хозяиномъ-помѣщикомъ, что считаетъ своею священной и прямой обязанностью заботиться о счастіи тѣхъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ онъ долженъ будетъ дать отвѣтъ Богу. Чтобы идти этимъ путемъ, не нужно, говоритъ онъ, ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которыхъ тетка такъ сильно желала для него. Тетка отвѣчаетъ ему, что она никогда не сомнѣвалась въ добротѣ его сердца, еще лишній только разъ доказанной его письмомъ, но что уже по тому одному ему слѣдуетъ оставаться на томъ пути жизненныхъ успѣховъ, который уже намѣченъ давно, такъ какъ, поясняетъ она, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Однако эти убѣжденія не подѣйствовали на Нехлюдова: онъ не отказался отъ своего намѣренія. Въ одно іюньское воскресенье онъ обходитъ одинъ за другимъ крестьянскіе дома. Въ своемъ дневникѣ онъ отмѣчаетъ, въ чемъ больше всего нуждаются его люди— онъ хочетъ лично смотрѣть за порядкомъ и помогать вездѣ и всѣмъ, по мѣрѣ возможности. Но тутъ онъ убѣждается, къ своему глубочайшему огорченію, что крестьяне совершенно не понимаютъ его, что самыя чистыя его намѣренія они встрѣчаютъ полнымъ недовѣріемъ и упорно отстаиваютъ свою инертность, свое невѣжество. Собственнымъ опытомъ убѣждается Нехлюдовъ, какъ глубока пропасть между народомъ и образованнымъ классомъ, вырытая крѣпостнымъ правомъ. Онъ почти отчаявается въ возможности хоть когда-нибудь заполнить ее; видитъ, что всѣ его прекрасныя мечты разсыпались въ прахъ. Когда читаешь эту маленькую повѣсть, самъ собой является вопросъ, можно ли найти гдѣ-нибудь въ литературѣ болѣе полную, болѣе нагляд-

ную характеристику крестьянина, чѣмъ та, которую далъ здѣсь Толстой. Все въ этой повѣсти такъ живо, оригинально, самобытно, и въ то же время все такъ просто, такъ понятно, безпритязательно! Ни одного лишняго слова, никакихъ признаковъ вынужденнаго урѣзыванія содержанія не встрѣтитъ здѣсь читатель. Каждое предложеніе — исчерпывающее выраженіе того, что нужно сказать; вездѣ природа, темпераментъ, дѣйствительность. Толстой разсказываетъ о четырехъ посѣщеніяхъ крестьянскихъ домовъ Нехлюдовымъ, рисуя портреты людей, имѣющихъ одну общую черту—одинаковую степень физической и моральной запущенности и совершенно непохожихъ другъ на друга въ общемъ. Юморъ и умиленіе переплетаются другъ съ другомъ и создаютъ величественное гармоническое цѣлое. Мы приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ этой повѣсти, гдѣ, какъ мы убѣждены, писатель воспроизводитъ свой собственный портретъ: „Рано-рано утромъ, разсказываетъ авторъ о Нехлюдовѣ:—онъ всталъ прежде всѣхъ въ домѣ и, мучительно волнуемый какими-то затаенными, невыраженными порывами, безъ цѣли вышелъ въ садъ, оттуда въ лѣсъ, и, среди майской, сильной, сочной, но спокойной природы, долго бродилъ одинъ, безъ всякихъ мыслей, страдая избыткомъ какого-то чувства и не находя выраженія ему. То, со всею прелестью неизвѣстнаго, юное воображеніе его представляло ему сладострастный образъ женщины, и ему казалось, что вотъ оно, невыраженное желаніе. Но какое-то другое, высшее чувство говорило: *не то!*—и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкій умъ его, возносясь все выше и выше, въ сферу отвлеченія, открывалъ, какъ казалось ему, законы бытія, и онъ съ гордымъ наслажденіемъ останавливался на этихъ мысляхъ. Но снова высшее чувство говорило: *не то!*—и снова заставляло его искать и волноваться. Безъ мыслей и желаній, какъ это всегда бываетъ послѣ усиленной дѣятельности, онъ легъ на спину подъ деревомъ и сталъ смотрѣть на прозрачныя, утреннія облака, пробѣгавшія надъ нимъ по глубокому, безконечному небу. Вдругъ, безъ всякой причины, на глаза

его навернулись слезы, и, Богъ знаетъ какимъ путемъ, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую онъ ухватился съ наслажденіемъ, — мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье въ мірѣ. Высшее чувство не говорило: *не то!* Онъ приподнялся и сталъ повѣрять эту мысль. „Оно, оно, такъ!“—говорилъ онъ себѣ съ восторгомъ, мѣряя всѣ прежнія убѣжденія, всѣ явленія жизни на вновь открытую, ему казалось, совершенно новую истину. „Какая глупость все то, что я зналъ, чему вѣрилъ и что любилъ,—говорилъ онъ самъ себѣ: любовь, самоотверженіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастіе!“ твердилъ онъ, улыбаясь и размахивая руками. Со всѣхъ сторонъ прикладывая эту мысль къ жизни и находя ей подтвержденіе и въ жизни, и въ томъ внутреннемъ голосѣ, говорившемъ ему, что это—*то*, онъ испытывалъ новое для него чувство радостнаго волненія и восторга. „Итакъ, я долженъ дѣлать добро, чтобъ быть счастливымъ“, думалъ онъ, и вся будущность его уже не отвлеченно, а въ образахъ, въ формѣ помѣщичьей жизни живо рисовалась передъ нимъ.

Онъ видѣлъ передъ собой огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятитъ на добро, и въ которой, слѣдовательно, будетъ счастливъ. Ему не надо искать сферы дѣятельности: она готова; у него есть прямая обязанность, — у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный трудъ представляется ему: „дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ, по счастію, я пользуюсь, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду ждать это для собственнаго счастія, я буду наслаждаться благодарностью ихъ, видѣть, какъ съ каждымъ днемъ я дальше и дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность! Какъ могъ я прежде не видать этого?“

„И, кромѣ этого,—въ то же время думалъ онъ:—кто мнѣ мѣшаетъ самому быть счастливымъ въ любви къ женщинѣ, въ счастіи семейной жизни?“ И юное воображеніе рисовало ему еще болѣе обворожительную будущность. „Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто никогда никого не любилъ на свѣтѣ, мы всегда живемъ среди этой спокойной поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ быть, со старухой теткой: у насъ есть наша взаимная любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе—добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія справедливыя пособія, завожу ферму, сберегательныя кассы, мастерскія; а она, съ своей хорошенькой головкой, въ простомъ бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройной ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазаретъ, къ несчастному мужику, по справедливости, не заслуживающему помощи, и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ... Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее, какъ на какого-то ангела, на Провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила къ несчастному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее и крѣпко и нѣжно цѣлую ея прелестные глаза, стыдливо краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы“.

Толстой такъ привязался къ Нехлюдову, что воспроизводитъ этотъ образъ въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ еще нѣсколько разъ. Въ 1856 году вышелъ маленькій разсказъ: „Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ“, со вторымъ заглавіемъ: „Изъ кавказскихъ записокъ князя Нехлюдова“. Разсказъ начинается описаніемъ яснаго, свѣжаго декабрьскаго вечера въ лагерѣ: „Вечеръ былъ ясный, тихій и свѣжій, какъ обыкновенно декабрьскіе вечера на Кавказѣ; солнце спускалось за крутымъ отрогомъ горъ налѣво и бросало розовые лучи на палатки, разсыпанныя по горѣ, на движущіяся группы солдатъ и на наши два орудія, тяжело, какъ будто вытянувъ шеи, неподвижно стоявшія въ двухъ шагахъ отъ насъ на земляной батареѣ. Пѣхотный пикетъ, расположенный на бугрѣ налѣво, отчетливо обозначался на

прозрачномъ свѣтѣ заката, съ своими козлами ружей, фигурой часового, группой солдатъ и дымомъ разложеннаго костра. Направо и налѣво, по полугорѣ, на черной притоптанной землѣ бѣлѣли палатки, а за палатками чернѣли голые стволы чинароваго лѣса, въ которомъ безпрестанно стучали топорами, трещали костры и съ грохотомъ падали подрубленныя деревья. Голубоватый дымъ трубой подымался со всѣхъ сторонъ въ свѣтлосинее морозное небо. Мимо палатокъ и низами около ручья тянулись съ топотомъ и фырканьемъ казаки, драгуны и артиллеристы, возвращавшіеся съ водопоя. Начинало подмораживать; всѣ звуки были слышны особенно явственно, и далеко впередъ по равнинѣ было видно въ чистомъ, рѣдкомъ воздухѣ". На площадкѣ около батареи собралась группа офицеровъ, занявшихся игрой въ городки. Къ нимъ подошелъ бывшій петербургскій офицеръ, разжалованный въ рядовые, Гуськовъ, въ былыя времена изящный салонный кавалеръ, любимецъ женщинъ; но тутъ, въ суровой боевой жизни въ горахъ, особенно въ положеніи разжалованнаго, его таланты не находятъ никакого примѣненія; онъ обносился, опустился нравственно. Этого Гуськова, который изъ лучшаго общества попалъ въ самое дурное вслѣдствіе своего легкомыслія, потерялъ всякое чувство приличія и достоинства, сдѣлался мишенью насмѣшекъ для людей, стоящихъ въ умственномъ отношеніи гораздо ниже его, мы видимъ какъ живого. Во второй разъ видимъ мы Нехлюдова въ „Запискахъ маркера". Тутъ онъ—игрокъ, падающій все ниже и ниже и въ концѣ концовъ пускающій себѣ пулю въ лобъ въ одномъ ресторанѣ. Большой городъ своими опасными искушеніями заставилъ его забыть всѣ тѣ обязанности, которыя возложила на него жизнь, давшая ему знатное происхожденіе, широкое образованіе, завидное общественное положеніе. Въ ресторанной компаніи Нехлюдовъ признался, что онъ до сихъ поръ не прикасался къ женщинѣ; компанія подняла его на смѣхъ и сейчасъ же свезла его туда, гдѣ онъ могъ воспринять надлежащее „посвященіе" или „просвѣщеніе"; онъ горько раскаявается въ своемъ паденіи

и краснѣетъ, какъ молодая дѣвушка, которая отдается въ первый разъ. И этотъ же Нехлюдовъ въ короткое время проматываетъ крупное состояніе, принужденъ занимать у кельнера, пережить позорное положеніе, когда хозяинъ гостиницы, у котораго онъ былъ въ долгу, отказываетъ ему и его *гостю въ заказанной бутылкѣ секта.* Когда Нехлюдовъ застрѣлился въ билліардной, кельнеръ нашелъ при немъ записку слѣдующаго содержанія: „Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затопталъ въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго. Я не обезчестенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость. Я опутанъ грязной сѣтью, изъ котораго не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю, падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться.—И что погубило меня? Была ли во мнѣ какая-нибудь сильная страсть, которая бы извинила меня? Нѣтъ. Хороши мои воспоминанія! Одна ужасная минута забвенія, которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности. Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такой ясностью и силой наполняли мою душу? Гдѣ безпредметная сила любви, отрадною теплотой согрѣвавшая мое сердце?—А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, ежели бы шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выйти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собою. Когда я былъ съ другими, я уже вовсе не слыхалъ внутренняго голоса и падалъ все ниже и ниже. Наконецъ, я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и

хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ.—Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я такъ же вижу, такъ же слышу, такъ же думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ".

Того же, воскресшаго, Нехлюдова мы встрѣчаемъ позднѣе въ разсказѣ „Люцернъ". Тотъ же Нехлюдовъ воодушевлялъ автора на склонѣ дней, когда онъ писалъ свое самое послѣднее произведеніе—знаменитое „Воскресенье". Но въ то время онъ интересовался другими явленіями жизни: его очень занималъ, въ различныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, типъ молодого человѣка, избалованнаго и испорченнаго обществомъ, поставленнаго въ нормальныя условія жизни и опять возвратившагося къ жизни, обильной всевозможными страданіями и несчастьями. Борьба съ самимъ собой, которую долженъ былъ выдержать писатель, въ которой побѣда была одержана только благодаря напряженной поддержкѣ всѣхъ нравственныхъ силъ, должна была получить всестороннее поэтическое освѣщеніе, чтобы стать впослѣдствіи тѣмъ періодомъ жизни, на который можно было бы оглянуться съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, какъ будто дѣло идетъ о кожѣ, которая давнымъ-давно сброшена. По мнѣнію писателя, главное и дѣйствительное несчастье подобныхъ заблудшихъ созданій состоитъ въ томъ, что имъ нельзя помочь, такъ какъ у нихъ перепутаны понятія о добрѣ и злѣ и нѣтъ уже ни физическихъ, ни духовныхъ силъ начать разумное существованіе, даже въ томъ случаѣ, когда на лицо всѣ рѣшительно данныя къ тому, чтобы вести пріятную, но упорядоченную жизнь. Благодѣянія, которыя оказываютъ имъ, тяготятъ ихъ; и та грязная стихія, въ которой рано или поздно они погибаютъ, настоящая ихъ родина. Эта именно идея дала содержаніе повѣсти „Альбертъ", вышедшей въ 1859 году, въ которой Толстой изображаетъ печальное существованіе одного богато-одареннаго, зане-

сеннаго судьбой въ Россію нѣмецкаго музыканта, павшаго жертвой своей несчастной страсти. По настоящему его звали Рудольфомъ; Толстой взялъ его съ собой въ Ясную Поляну: отчасти въ надеждѣ, что жизнь среди деревенской тишины и покоя положитъ конецъ его безпокойной бродяжнической жизни, отчасти потому, что надѣялся оказать на него благотворное вліяніе и въ отношеніи его занятій музыкой. Герой повѣсти—скрипачъ, одаренный необыкновеннымъ талантомъ, но предпочитающій показывать свое искусство въ подозрительныхъ ночныхъ увеселительныхъ мѣстахъ. Одинъ изъ гостей, въ которомъ необыкновенное дарованіе несчастнаго музыканта вызвало симпатію къ этому потерянному человѣку, несмотря на мало привлекательную наружность, взялъ его къ себѣ. Онъ думаетъ отучить его отъ пьянства, которымъ Альбертъ возмѣщаетъ недостатокъ обыкновенныхъ средствъ питанія; собирается сдѣлать ему опрятную и приличную одежду, на мѣсто грязныхъ тряпокъ, служащихъ музыканту платьемъ, и надѣется, что жизнь въ уютной квартирѣ хорошо подѣйствуетъ на Альберта, что онъ навсегда покончитъ съ своимъ недостойнымъ образомъ жизни и привыкнетъ, почувствуетъ потребность въ лучшей обстановкѣ. Но Альбертъ такъ свыкся съ условіями своей жизни, его привычки такъ извращены, что только безграничный разгулъ и распущенность могутъ удовлетворять его стремленіе къ свободѣ; благодѣянія, которыя ему оказываютъ, являются для него невыносимымъ стѣсненіемъ. Онъ прожилъ въ домѣ своего гостепріимнаго хозяина только три дня, затѣмъ исчезъ; спустя нѣкоторое время его нашли полузамерзшимъ, у входа въ одно увеселительное мѣсто, куда тянуло его съ неодолимой силой. Осязательно доказываетъ писатель въ этой повѣсти, какъ мало значатъ въ жизни даже высокія духовныя дарованія, если они не сопровождаются воспитаніемъ характера.

Обыкновенно бываетъ такъ, что писатель, носившій военную форму, имѣетъ важное преимущество по сравненію съ тѣми писателями, жизнь которыхъ протекаетъ, болѣе или менѣе, за письменнымъ столомъ. Одностороп-

нее отношеніе къ міру исключительно съ точки зрѣнія эстетическихъ интересовъ, чрезмѣрная утонченность вкуса, манерность ощущеній и чувствъ, почти обыкновенные результаты такого образа жизни, оказываютъ мало вліянія на первыхъ и во всякомъ случаѣ не подчиняютъ ихъ себѣ съ неодолимой силой. Въ ихъ произведеніяхъ сразу видно, что гораздо лучше они чувствуютъ себя наружи, гдѣ бушуютъ вѣтеръ и гроза, чѣмъ въ комнатной атмосферѣ. Бодрое чувство здоровья и силы говоритъ въ нихъ. Имъ нелегко даются разнаго рода эксперименты надъ сюжетами; они избѣгаютъ анализа; всѣ ихъ усилія направлены къ тому главнымъ образомъ, чтобы однимъ смѣлымъ и мѣткимъ штрихомъ вполнѣ охарактеризовать сюжетъ, какъ онъ представляется имъ въ ихъ воображеніи. Въ значительной степени справедливы эти замѣчанія и въ отношеніи къ Толстому. Какъ художникъ, онъ часто оставляетъ желать многаго, когда дѣло коснется того, чтобы объединить впечатлѣнія въ одно цѣлое. Его изложеніе часто тяжеловѣсно и утомляетъ до скуки отклоненіями и отступленіями, которыхъ, повидимому, можно было бы съ удобствомъ избѣжать. Но какъ поэтъ, онъ производитъ неизгладимое, ошеломляющее впечатлѣніе,—особенно, если разсматривать каждый отдѣльный моментъ его творчества, какъ звѣно непрерывной цѣпи, рисующей намъ образъ, личность самого писателя. Не испытай онъ всѣхъ превратностей военной походной жизни, нечего было бы и думать о той силѣ впечатлѣнія, которое оставляютъ его произведенія. Именно тутъ научился онъ воспринимать въ точныхъ, ясныхъ и опредѣленныхъ формахъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра; научился видѣть трепетаніе жизни, переливы красокъ и оттѣнковъ; научился слышать въ голосѣ человѣка отличительныя черты его характера, замѣчать каждый звукъ въ природѣ,—научился, однимъ словомъ, не упускать изъ виду при быстрой работѣ ни одной капли изъ обильнаго запаса впечатлѣній, какія только могутъ быть восприняты при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ. Онъ по собственному опыту знаетъ, какъ богата разнообразіемъ жизнь

солдата; какъ много въ этой жизни случаевъ, отражающихъ характеръ индивидуума со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ самыхъ тонкихъ, едва уловимыхъ оттѣнковъ его; по собственному опыту знаетъ, въ чемъ заключается разница между строгимъ выполненіемъ служебныхъ формальностей и храбростью передъ лицомъ врага. И при томъ ни малѣйшихъ намековъ на идеализацію. Онъ самъ видѣлъ и хорошо знаетъ, какъ жили въ доброе старое время, какъ безпутничали и кутили тогда, и повѣдалъ намъ объ этомъ въ разсказѣ „Два гусара", — въ разсказѣ, который гораздо скорѣе можно назвать воспоминаніями изъ пережитаго, чѣмъ законченной повѣстью: мы не удивились бы, если бы оказалось, что разсказъ этотъ цѣликомъ взятъ изъ дневника, гдѣ отдѣльныя переживаемыя впечатлѣнія связаны другъ съ другомъ только случайно. Центральныя фигуры въ этомъ разсказѣ—два графа Турбины, отецъ и сынъ, между подвигами которыхъ лежитъ промежутокъ въ двадцать лѣтъ. Старшій—одна изъ тѣхъ бурныхъ и дикихъ натуръ, которыя не совѣстятся рѣшительно никакихъ нарушеній приличія и нравственности и благодаря именно этой своей беззастѣнчивости пользуются успѣхомъ за карточнымъ столомъ и у женщинъ. Авторъ рисуетъ его намъ отчаяннымъ игрокомъ, бреттеромъ и волокитой, который одного убиваетъ, другого спускаетъ за ноги изъ окошка, третьяго грабитъ за карточной игрой на триста тысячъ. Графъ Турбинъ пріѣзжаетъ въ небольшой городъ, вблизи Москвы, и съ первыхъ шаговъ рекомендуетъ себя тѣмъ, что выбиваетъ зубы своему денщику за то, что тотъ во-время не накормилъ графской собаки. Денегъ у него нѣтъ; онъ занимаетъ у своего сожителя по номеру въ гостинницѣ сто рублей и бросается въ вихрь удовольствій. Прежде всего слѣдуетъ балъ у предводителя дворянства, гдѣ графъ плѣняетъ сердце одной богатой вдовы, тайкомъ садится въ ея карету и ѣдетъ въ ея домъ. Дальше—оргія съ цыганками въ присутствіи вновь выбраннаго исправника и повальное пьянство. Въ заключеніе графъ отнимаетъ у шулера выигранныя деньги и отдаетъ ихъ про-

игравшемуся молодому человѣку, который дошелъ было уже до полнаго отчаянія, но забываетъ возвратить занятыя имъ самимъ деньги. Все это разсказывается съ поспѣшностью и оживленіемъ, но картина выходитъ чрезвычайно богатая и живописная. Заканчиваетъ графъ свою жизнь тѣмъ, что его убиваетъ на дуэли одинъ иностранецъ, котораго онъ публично, на улицѣ, отстегалъ арапникомъ. Графъ Турбинъ младшій попадаетъ на квартиру къ той самой вдовѣ, милостями которой въ свое время пользовался его отецъ. Съ ней вмѣстѣ жила ея дочь, русская деревенская красавица, скромная, наивная дѣвушка. Гусаръ, плохо понявши поведеніе ея, пытается найти ее ночью, когда она, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и чувствъ, слушала соловьевъ и заснула у садоваго окна. Но дѣло кончается тѣмъ, что дѣвушка въ испугѣ съ крикомъ убѣгаетъ къ матери. Сынъ Турбинъ, далеко не столь предпріимчивый и ловкій, какъ отецъ, сердится, что самъ испортилъ все дѣло своей неосторожностью; только съ трудомъ удается ему отдѣлаться отъ дуэли съ товарищемъ, который изъ ревности обозвалъ его подлецомъ за этотъ подвигъ.

Болѣе значительны въ литературномъ отношеніи тѣ разсказы Толстого, дѣйствіе которыхъ происходитъ на Кавказѣ и въ Крыму. Художественное достоинство ихъ нисколько не уступаетъ ихъ поэтической цѣнности. Югъ Россіи былъ открытъ для поэзіи еще Пушкинымъ, въ тѣ дни, когда этотъ отецъ русской поэзіи, какъ съ полнымъ основаніемъ называютъ его, принужденъ былъ изгнаніемъ изъ столицы искупить вольнолюбивыя мечты своей юности. Онъ первый воспѣлъ эту дѣвственную область, романтическія мѣстности южнаго берега съ его историческими воспоминаніями, заходящими за эпоху владычества монголовъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ вершины Кавказа съ его дикимъ населеніемъ и бурнопѣнящимися рѣчками; первый далъ языкъ всѣмъ этимъ мѣстностямъ, такъ долго остававшимся нѣмыми.

Задача Толстого заключалась не только въ томъ, чтобы замѣнить болѣе свободными формами прозаическаго описанія и повѣствованія тѣсныя, связанныя опредѣ-

ленными рамками поэтическія формы, избранныя Пушкинымъ, который первымъ писалъ о Кавказѣ, и другимъ поэтомъ этого уголка міра, Лермонтовымъ. Самое содержаніе разсказовъ Толстого существенно иное. Тѣ люди, которые попадали на Кавказъ при такихъ условіяхъ, какъ Толстой, послѣ столкновеній съ поддѣльной культурой, были въ глубинѣ души романтиками, прекрасныя и несчастныя души, которыя нуждались въ утѣшеніи и, въ большинствѣ случаевъ, находили его. Они смотрѣли на все романтическими глазами и были склонны видѣть поэтическій образъ въ первой попавшейся казацкой и черкесской дѣвушкѣ. Какъ разъ обратное видимъ мы въ повѣстяхъ Толстого. Это, конечно, не значитъ еще, что на него не производили впечатлѣнія ни люди, ни природа. Но романтика лорда Байрона, обошедшая всѣ европейскія литературы и нашедшая въ лицѣ Пушкина и Лермонтова своихъ провозвѣстниковъ въ русской литературѣ, не нужна была Толстому, чтобы цѣнить и понимать этихъ людей и природу такъ, какъ они существовали въ дѣйствительности. Его люди—простые люди. Не они играютъ своими чувствами, а ихъ чувства играютъ ими. Они снимаютъ маску міровой скорби, въ которой щеголяли до сихъ поръ, и отъ этого чувствуютъ себя только лучше. Вмѣсто благороднаго и вдохновеннаго паѳоса, въ которомъ изливали свои риѳмы вожди романтической школы, образы Толстого дышатъ правдивостью, ровной, простой, неизмѣнно вѣрной себѣ. Въ своихъ разсказахъ онъ перерабатываетъ богатый запасъ удачныхъ наблюденій, о которыхъ очень мало заботились прежніе описатели Кавказа, и тѣмъ сдѣлалъ эти разсказы предметомъ восхищенія для всѣхъ, кто знаетъ жизнь этихъ племенъ по собственнымъ наблюденіямъ.

Мы имѣемъ въ виду четыре разсказа; объ одномъ изъ нихъ—„Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ“—мы уже упоминали. Основу ихъ, на-ряду съ описаніями природы, составляютъ существенно измѣнившіяся чувства, съ которыми новое поколѣніе начало относиться къ этой странѣ и ея населенію. Все сильнѣе

становилось сопротивленіе горцевъ противъ надвигавшагося русскаго господства. Все больше и больше регулярныхъ войскъ посылалъ на Кавказъ императоръ Николай Первый, чтобы вполнѣ европеизировать эту благословенную страну и окончательно включить ее въ составъ своей имперіи. Съ 1824 года во главѣ національнаго движенія горцевъ появляется Шамиль. Избранный главою суфитовъ, онъ сдѣлалъ отчаянную попытку объединить горцевъ Дагестана и направить эти объединенныя силы противъ русскихъ. Не одинъ разъ совершенно необъяснимымъ образомъ ускользалъ онъ изъ укрѣпленій, одно за другимъ попадавшихъ въ руки русскихъ войскъ. И только въ 1859 году пришелъ конецъ его дѣятельности, когда онъ увидѣлъ себя запертымъ въ аулѣ Гунибъ и былъ принужденъ отдаться въ руки князя Барятинскаго. Въ это именно время и былъ на Кавказѣ Толстой. Въ такое время, лицомъ къ лицу съ непрерывными военными дѣйствіями, не могло быть и рѣчи о пушкинской романтикѣ, трудно было культивировать ее, хотя все еще находились люди, которые въ своемъ поведеніи, во всемъ образѣ жизни подходили больше къ пушкинскимъ стихотвореніямъ, чѣмъ къ условіямъ дѣйствительной жизни. Въ разсказѣ „Набѣгъ" Толстой изображаетъ одного молодого, красиваго офицера, который ходитъ въ костюмѣ азіата и всячески старается, какъ можно больше походить на татарина. Онъ постоянно разыгрываетъ изъ себя романтическаго героя; считаетъ свою непремѣнной обязанностью „поворачиваться своей грубой стороной" къ обществу, хотя въ общемъ это—мягкій, добрый человѣкъ; кричитъ и бранится безъ всякаго повода; ходитъ „съ двумя-тремя мирными татарами по ночамъ въ горы засаживаться на дороги, чтобы подкарауливать и убивать немирныхъ проѣзжихъ татаръ, хотя сердце не-разъ говорило ему, что ничего тутъ удалого нѣтъ"... „убѣжденъ, что чувства ненависти, мести и презрѣнія къ роду человѣческому были самыя высокія, поэтическія чувства", но, при всемъ томъ, семь недѣль держитъ у себя чеченца, котораго самъ же ранилъ во время одного изъ ночныхъ похожденій съ

кунаками, самъ ухаживаетъ за нимъ и лѣчитъ и отпускаетъ съ подарками, когда тотъ выздоравливаетъ. Тутъ же мы видимъ другихъ молодыхъ людей, у которыхъ только-только начинаютъ пробиваться усы и которые приходятъ въ восторгъ при одной только мысли, что они могутъ принимать участіе въ схваткѣ съ непріятелемъ; радуются этому до тѣхъ поръ, пока не поймутъ всей серьезности положенія, когда то одинъ, то другой остаются на мѣстѣ жертвой этой схватки. Въ разсказѣ— нѣсколько роскошныхъ маленькихъ картинъ природы въ разные часы дня, вродѣ такого богатаго настроеніемъ описанія: „Большая часть неба покрылась длинными темно-сѣрыми тучами; только кое-гдѣ между ними блестѣли неяркія звѣзды. Мѣсяцъ скрылся уже за близкимъ горизонтомъ черныхъ горъ, которыя виднѣлись направо, и бросалъ на верхушки ихъ слабый и дрожащій полусвѣтъ, рѣзко противоположный съ непроницаемымъ мракомъ, покрывавшимъ ихъ подошвы. Въ воздухѣ было тепло и такъ тихо, что, казалось, ни одна травка, ни одно облачко не шевелились. Было такъ темно, что на самомъ близкомъ разстояніи невозможно было опредѣлять предметы: по сторонамъ дороги представлялись мнѣ то скалы, то животныя, то какіе-то странные люди,—и я узнавалъ, что это были кусты, только тогда, когда слышалъ ихъ шелестъ и чувствовалъ свѣжесть росы, которою они были покрыты. Предъ собой я видѣлъ сплошную, колеблющуюся черную стѣну, за которою слѣдовало нѣсколько движущихся пятенъ: это были авангардъ конницы и генералъ со свитой. Среди насъ подвигалась такая же мрачная масса, но она была ниже первой: это была пѣхота. Во всемъ отрядѣ царствовала такая тишина, что ясно слышались всѣ сливающіеся, исполненные таинственной прелести звуки ночи: далекій заунывный вой шакаловъ, похожій то на отчаянный плачъ, то на хохотъ, звонкія однообразныя пѣсни сверчка, лягушки, перепела, какой-то приближающійся гулъ, причины котораго я никакъ не могъ объяснить себѣ, и всѣ тѣ ночныя, чуть слышныя движенія природы, которыя невозможно ни понять, ни опредѣлить,

сливались въ одинъ полный прекрасный звукъ, который мы называемъ тишиною ночи. Тишина эта нарушалась, или, скорѣе, сливалась съ глухимъ топотомъ копытъ и шелестомъ высокой травы, которые производилъ медленно двигающiйся отрядъ.

Только изрѣдка слышался въ рядахъ звонъ тяжелаго орудiя, звукъ столкнувшихся штыковъ, сдержанный говоръ и фырканье лошади.

Природа дышала примирительно красотой и силой.

Неужели тѣсно жить людямъ на этомъ прекрасномъ свѣтѣ, подъ этимъ неизмѣримымъ звѣзднымъ небомъ? Неужели можетъ, среди этой обаятельной природы, удержаться въ душѣ человѣка чувство злобы, мщенiя или страсти истребленiя себѣ подобныхъ? Все недоброе въ сердцѣ человѣка должно бы, кажется, исчезнуть въ соприкосновенiи съ природой — этимъ непосредственнѣйшимъ выраженiемъ красоты и добра".

Въ этихъ послѣднихъ предложенiяхъ Толстой говоритъ уже не какъ солдатъ, а какъ апостолъ мира и прощенiя, другъ людей, о которомъ намъ еще придется говорить впослѣдствiи подробно. Въ началѣ разсказа, въ разговорѣ между авторомъ и капитаномъ выясняется сущность храбрости. Когда рѣчь зашла объ экспедицiяхъ, капитанъ замѣчаетъ, что храбрымъ надо называть не того, кого всегда можно найти въ первыхъ рядахъ и тамъ, гдѣ гремятъ орудiя, а только того, кто ведетъ себя, какъ слѣдуетъ; при этомъ Толстой добавляетъ, что это объясненiе ближе къ истинѣ, чѣмъ характеристика, которую даетъ этой добродѣтели Платонъ, опредѣляющiй храбрость „знанiемъ того, чего нужно и чего не нужно бояться."

Слѣдующiй разсказъ этой группы называется „Рубка лѣса" и вводитъ насъ раннимъ зимнимъ утромъ въ лѣсъ, гдѣ со всѣхъ сторонъ трещатъ и дымятся костры, солдаты раздуваютъ огни руками и ногами, таская сучья и бревна, и неумолкаемо звучатъ сотни топоровъ и падающихъ деревьевъ. И въ этомъ разсказѣ мы видимъ умѣнье Толстого мѣтко характеризовать людей, выступающихъ въ разсказѣ, двумя-тремя словами или тѣмъ,

что онъ заставляетъ этихъ людей говорить. „Въ Россіи, говоритъ онъ, есть три преобладающіе типа солдатъ, подъ которые подходятъ солдаты всѣхъ войскъ: кавказскихъ, армейскихъ, гвардейскихъ, пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и т. д.“

„Главные эти типы, со многими подраздѣленіями и соединеніями, слѣдующіе: 1) покорныхъ, 2) начальствующихъ и 3) отчаянныхъ“. Толстой отдаетъ предпочтеніе чаще другихъ встрѣчающемуся типу покорныхъ. Еще интереснѣе становится этотъ разсказъ дальше, когда заходитъ рѣчь о движеніи на сторонѣ непріятеля, трещатъ ружейные выстрѣлы, со свистомъ и шипѣньемъ проносятся и шлепаются ядра и когда терпѣніе и сила каждаго участника отряда ставятся на пробу. При этомъ Толстой дѣлаетъ слѣдующее достойное вниманія замѣчаніе: „Я всегда и вездѣ, особенно на Кавказѣ, замѣчалъ особенный фактъ у нашего солдата — во время опасности умалчивать и обходить тѣ вещи, которыя могли бы невыгодно дѣйствовать на духъ товарищей. Духъ русскаго солдата не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на скоро воспламеняемомъ и остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить упасть духомъ. Для него не нужны эффекты, рѣчи, воинственные крики, пѣсни и барабаны: для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутаго. Въ русскомъ, настоящемъ русскомъ солдатѣ никогда не замѣтите хвастовства, ухарства, желанія отуманиться, разгорячиться во время опасности,—напротивъ, скромность, простота и способность видѣть въ опасности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность, составляютъ отличительныя черты его характера. Я видѣлъ солдата, раненаго въ ногу, въ первую минуту жалѣвшаго только о пробитомъ новомъ полушубкѣ, ѣздового, вылѣзающаго изъ-подъ убитой подъ нимъ лошади и растегивающаго подпругу, чтобы снять сѣдло. Кто не помнитъ случай при осадѣ Гергебеля, когда въ лабораторіи загорѣлась трубка начиненной бомбы, и фейерверкеръ двумъ солдатамъ велѣлъ взять бомбу и бѣжать бросить ее въ обрывъ, и какъ солдаты не бро-

сили ея въ ближайшемъ мѣстѣ, около палатки, полковника, стоявшей надъ обрывомъ, а понесли дальше, чтобы не разбудить господъ, которые почивали въ палаткѣ, и оба были разорваны на части? Помню я еще, въ отрядѣ 1852 года, одинъ изъ молодыхъ солдатъ къ чему-то сказалъ, во время дѣла, что ужъ кажется взводу не выйти отсюда, и какъ весь взводъ со злобой напустился на него за такія дурныя слова, которыя они и повторять не хотѣли".

Перломъ среди кавказскихъ разсказовъ остается все-таки повѣсть „Казаки", появившаяся въ первый разъ въ печати только въ 1863 году, хотя начата она была еще во время пребыванія Толстого на Кавказѣ. Молодой, знатный московскій баринъ, Оленинъ, спустившій, игрой и разными пустыми развлеченіями, значительную часть своего состоянія, прощается съ друзьями и одной зимней ночью отправляется на Кавказъ. Жизнь, которую онъ до сихъ поръ велъ, опротивѣла ему. Онъ рѣшилъ стряхнуть съ себя однообразіе и пустоту жизни въ обществѣ и сдѣлаться совсѣмъ новымъ человѣкомъ. Онъ поселился на берегу Терека, живетъ въ казацкой семьѣ; дядя Ерошка, старый охотникъ, любитель выпивки и пѣсенъ, посвящаетъ его въ тайны этой новой для него жизни. Его задача — вырвать съ корнемъ тѣ извращенныя мысли и чувства, которыя отравляли ему жизнь, и возвратиться къ природѣ, въ полномъ отчужденіи отъ которой жилъ онъ до сихъ поръ. Онъ ходитъ съ казаками на охоту, живетъ, ѣстъ, пьетъ, какъ они, и надѣется стать въ концѣ концовъ настоящимъ казакомъ. Красавица Марьянка, дѣвушка-казачка, дочь людей, у которыхъ онъ живетъ, возбуждаетъ сначала его вниманіе, затѣмъ удивленіе и, наконецъ, глубокую любовь, которой онъ не въ силахъ побороть. До сихъ поръ романтикъ старой школы разрабатывалъ бы эту фабулу такъ же, какъ сдѣлалъ это Толстой. Но тутъ вступаетъ въ свои права реализмъ, столь свойственный нашему писателю, и все дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ. Страсть Оленина къ молодой дѣвушкѣ остается совершенно непонятой. Всѣмъ своимъ поведеніемъ Марь-

янка доказываетъ, что къ этой здоровой, простой натурѣ не пристаетъ ничто, чѣмъ Оленинъ желаетъ высказать свою любовь. Она находитъ странными его манеры, начинаетъ почти что бояться его, когда его съ трудомъ сдерживаемое чувство вырывается наружу въ двухъ-трехъ несвязныхъ словахъ. Въ душѣ она совершенно равнодушна къ нему. Какъ изображаетъ ее авторъ, она, красивая и сильная, гордая и съ богатымъ природнымъ умомъ, казачка душой и тѣломъ, живетъ въ такой сферѣ, которая совершенно недоступна для сентиментальнаго культурнаго человѣка, который охотно разстался бы съ обычными условіями жизни и не можетъ сдѣлать это, при всемъ своемъ желаніи. Марьянка создана для сына того народа, къ которому принадлежитъ она сама, вродѣ Лукашки. По отношенію къ знатному барину, связанному съ ихъ средой только внѣшнимъ образомъ, она проявляетъ чувствъ не больше, чѣмъ рѣки и горы ея страны. Въ письмѣ, въ которомъ Оленинъ описываетъ всю безнадежность своего положенія, онъ приходитъ къ слѣдующему выводу относительно Марьянки: „Въ нелѣпыхъ мечтахъ я воображалъ ее то своею любовницею, то своею женой, и съ отвращеніемъ отталкивалъ и ту, и другую мысль. Сдѣлать ее дѣвкой было бы ужасно. Это было бы убійство. Сдѣлать ее барыней, женою Дмитрія Андреевича Оленина, какъ одну изъ здѣшнихъ казачекъ, на которой женился нашъ офицеръ, было бы еще хуже. Вотъ ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку, безъ мысли о томъ, кто я? и зачѣмъ я? — тогда бы другое дѣло, тогда бы мы могли понять другъ друга, тогда бы я могъ быть счастливъ. Я пробовалъ отдаваться этой жизни, и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, не гармоническаго, уродливаго прошедшаго. И мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія снѣжныя горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственно

возможное на свѣтѣ счастье, не для меня эта женщина. Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ не потому, что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива, она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія! Съ гораздо бо́льшей тяжестью на сердцѣ, чѣмъ какую чувствовалъ онъ до своего отъѣзда на Кавказъ, возвращается онъ къ своему полку въ крѣпость. Когда запрягали лошадей, онъ замѣтилъ, что ни дядя Ерошка, ни Марьянка даже и не смотрятъ на него, а просто толкуютъ о своихъ дѣлахъ.

Такой исходъ любовной исторіи Оленина былъ принятъ съ удивленіемъ, какъ ни обоснованъ онъ, повидимому, данными условіями и характерами дѣйствующихъ лицъ. Но если-бы отбросили условныя воззрѣнія и взглянули на дѣло просто, то легко нашли бы, что содержаніе этой повѣсти, цѣликомъ взятое изъ дѣйствительной жизни, по меньшей мѣрѣ столь же поэтично, какъ и традиціонная романтика. Какъ просто и естественно въ этой повѣсти описаніе Москвы ночью, прощальнаго настроенія друзей, кончающихъ ужинъ, въ то время, какъ слуга въ передней съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончанія бесѣды, а передъ подъѣздомъ запряженная въ сани тройка роетъ снѣгъ! Затѣмъ эта поѣздка на югъ зимней ночью, сначала по длиннымъ улицамъ Москвы, а затѣмъ большой дорогой, между тѣмъ какъ въ воображеніи Оленина воспоминанія о прошедшей жизни перемѣшиваются съ мечтами о будущемъ въ быстро смѣняющихся образахъ. Онъ чувствуетъ, что до сихъ поръ онъ, собственно говоря, даже не жилъ еще, несмотря на всѣ свои попытки—испробовать всѣ наслажденія и завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ. Не имѣя ни семьи, ни внѣшнихъ побужденій къ дѣятельности, онъ утерялъ вѣру въ счастье; но теперь, „уѣзжая изъ Москвы, онъ находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ

себѣ... что теперь начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастіе". При видѣ снѣжныхъ равнинъ, пробѣгающихъ мимо него, онъ думаетъ то о томъ, то о другомъ, вспоминая друзей, женщинъ, неоплаченные счеты. Въ немъ крѣпко засѣла мечта о женщинѣ, которую онъ надѣется найти на Кавказѣ: „И тамъ она, между горъ, представляется воображенію въ видѣ черкешенки-рабыни, съ стройнымъ станомъ, длинною косой и покорными глубокими глазами. Ему представляется въ горахъ уединенная хижина, и у порога *она,* дожидающаяся его въ то время, какъ онъ, усталый, покрытый пылью, кровью, славой, возвращается къ ней, и ему чудятся ея поцѣлуи, ея плечи, ея сладкій голосъ, ея покорность. Она прелестна, но она необразованна, дика, груба. Въ длинные зимніе вечера онъ начинаетъ воспитывать ее. Она умна, понятлива, даровита и быстро усваиваетъ себѣ всѣ необходимыя знанія. Отчего же? Она очень легко можетъ выучить языки, читать произведенія французской литературы, понимать ихъ. Notre Dame de Paris, напримѣръ, должно ей понравиться. Она можетъ и говорить по-французски. Въ гостиной она можетъ имѣть больше природнаго достоинства, чѣмъ дама самаго высшаго общества. Она можетъ пѣть, просто, сильно и страстно". Оленинъ пробуждается отъ этихъ мечтаній и находитъ, что все это вздоръ; но опять и опять ищетъ воображеніемъ этого вздора. Югъ становится все ближе, все больше измѣняется ландшафтъ; живописнѣе становится одежда людей, попадающихся навстрѣчу; все отраднѣе становится на душѣ у Оленина. Наконецъ, въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ онъ видитъ вдали уходящія въ облака вершины безконечныхъ горъ, составляющихъ цѣль его путешествія. Описанія Кавказа тѣсно связаны съ изображеніемъ разнообразныхъ характеровъ. Отправившись однажды на охоту одинъ, лицомъ къ лицу съ спокойной, вѣчной, равнодушной природой, онъ, казалось ему, нашелъ то, что одно только даетъ цѣнность жизни и удовлетвореніе. „Счастье вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ:—счастье въ

томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья, стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!" Какъ много изъ собственной философіи жизни вложилъ Толстой въ образъ Оленина, видно уже изъ одного этого признанія, въ которомъ выразилась существеннѣйшая сторона этики и всего вообще міросозерцанія Толстого. Характеры, встрѣчающіеся въ „Казакахъ", не менѣе оригинальны, чѣмъ самая фабула этой повѣсти: старый, загорѣвшій отъ солнца и вѣтра сѣдобородый великанъ Ерошка, вся жизнь котораго проходитъ въ охотѣ, пьянствѣ, болтовнѣ и пѣніи, засиживающійся, подъ веселую руку, за стаканчикомъ до той поры, что его приходится прямо уносить; молодой казакъ Лукашка, убивающій человѣка, какъ будто рѣжетъ курицу; самъ Оленинъ и еще четыре-пять фигуръ, стоящихъ на второмъ планѣ, родители Марьянки, слуга Оленина—Ванюшка и другіе.

Результатомъ участія Толстого въ крымской кампаніи является описаніе осады Севастополя въ декабрѣ 1854, въ маѣ и августѣ 1855 годовъ. Тутъ три группы воспоминаній, предлагаемыхъ читателю со всѣмъ богатствомъ непосредственно видѣннаго и пережитаго и завершающіяся высоко-художественными картинами сценъ, сопровождавшихъ занятіе Малахова кургана французами. Этотъ городъ, почти совсѣмъ разрушенный тогда, насчитываетъ теперь около сорока пяти тысячъ жителей; всякій, кто побываетъ въ немъ, до сихъ поръ наталкивается на грозные слѣды тѣхъ событій, которыя разыгрывались здѣсь въ продолженіе цѣлыхъ трехсотъ сорока девяти дней осады. На историческомъ бульварѣ каменные памятники обозначаютъ тѣ мѣста, гдѣ были расположены русскія батареи. Съ высоты Малахова кур-

гана до сихъ поръ видны остатки крѣпостныхъ сооруженій. Краснорѣчивыми словами повѣствуетъ мраморныйкрестъ:

„Unis pour la victoire,
Reunis par la mort.
Du soldat c'est la gloire,
Des braves c'est le sort“.

Въ 1895 г. въ Севастополѣ учрежденъ музей, посвященный исключительно воспоминаніямъ крымской кампаніи и какъ будто воскрешающій передъ нами то грозное время своими картами, планами, картинами, моделями затопленныхъ кораблей, пушками и ядрами. Но стоитъ только взять въ руки разсказы Толстого, какъ сейчасъ же почувствуешь себя какъ бы перенесеннымъ непосредственно въ ту самую обстановку, въ которой находился этотъ живописный городъ съ желтыми, окутанными туманомъ, горами съ одной стороны, съ широкой, покрытой непріятельскимъ флотомъ бухтой — съ другой; какъ будто самъ слышишь гулъ выстрѣловъ, видишь бѣлый дымъ надъ батареями, испытываешь ту крайнюю степень душевнаго возбужденія, которое переживалось защитниками Севастополя. Тутъ нѣтъ никакой опредѣленной фабулы, развитіемъ которой служили бы эти разсказы. То тутъ, то тамъ разскажетъ авторъ глубоко потрясающій случай, который тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе читателя, чѣмъ меньше скучныхъ, утомляющихъ подробностей въ описаніи даетъ авторъ. Одно поспѣшно брошенное слово раненаго, ногу котораго равнодушно осматриваетъ врачъ въ операціонной залѣ, или умирающаго, которому священникъ даетъ цѣловать крестъ, различныя выраженія душевнаго напряженія, ожиданія, которыя самый моментъ подсказываетъ въ подобныхъ положеніяхъ, даютъ живыя и яркія характеристики. Все воспринято авторомъ необыкновенно точно и естественно, горячо прочувствовано и человѣчно пережито, и воспроизведено безъ малѣйшаго намека на фальшивый паѳосъ. Въ самомъ Толстомъ мы цѣнимъ послѣдовательно солдата, писателя, человѣка, перваго — за его мужественное настроеніе, второго — за его повѣствовательный талантъ, третьяго—за его сердце. Въ его описаніяхъ и разсказахъ русскій языкъ проявляетъ всю силу своей пластичности: въ самыхъ звукахъ словъ слышится

то глухой гулъ лагерной жизни, то громъ выстрѣловъ. До этихъ поръ русскіе писатели, когда имъ приходилось говорить о сраженіи, привлекали на помощь себѣ воспоминанія о парадахъ на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ или труды по военному дѣлу; создать картину сраженія—эта задача цѣликомъ предоставлялась фантазіи читателя. Толстой самъ стоялъ подъ градомъ пуль. Онъ разсказываетъ только то, что самъ видѣлъ; но дѣлаетъ это съ такою объективностью, что тутъ смѣло можно говорить о „Documents humains“ Золя. Когда онъ говоритъ о раненыхъ и ихъ страданіяхъ, о солдатахъ на бастіонахъ, когда онъ возсоздаетъ настроеніе каждаго изъ присутствующихъ во время бомбардировки, то можно подумать, что все это совершается у читателя на глазахъ. Рисуя эти сцены, онъ нигдѣ не выдаетъ своихъ личныхъ ощущеній и впечатлѣній. Онъ хочетъ быть настоящимъ художникомъ. И только два-три момента выдаютъ, какъ глубоко взволновано было его сердце состраданіемъ при видѣ всѣхъ этихъ сценъ, какія мысли и чувства возбуждала въ немъ лично эта ужасная дѣйствительность. Во время перемирія въ маѣ 1855 года сошлись русскіе и французы и шутили другъ съ другомъ; по этому поводу Толстой пишетъ: „Да, на бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди — христіане, исповѣдающіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастія не обнимутся, какъ братья?“ Ясно видимыя нити связываютъ эти описанія военныхъ сценъ съ картинами сраженій, которыя развертываетъ передъ читателемъ авторъ въ „Войнѣ и мирѣ“. И при осадѣ Севастополя смерть настигаетъ людей въ самыхъ разнообразныхъ видахъ; и

каждый по своему склоняется передъ ея всепобѣждающей силой. Молодую жизнь Володи, жаждущаго подвиговъ, прямо съ радостью идущаго навстрѣчу опасности, потому что не знаетъ ее еще, она скашиваетъ однимъ взмахомъ, какъ косарь траву, такъ что отъ прекраснаго, блестящаго, смѣлаго молодого человѣка остается одна только неподвижная, лежащая лицомъ къ землѣ, куча человѣческаго мяса, въ груди которой сидитъ осколокъ гранаты. Въ другой разъ авторъ ведетъ насъ въ залу, гдѣ лежатъ тяжело раненые. У одного стараго солдата отнята нога. Онъ не жалуется на боль, бодро чувствуетъ себя и съ довѣріемъ ждетъ, что будетъ дальше. О ранѣ и операціи онъ говоритъ, какъ о вещахъ, не заслуживающихъ особеннаго подъема чувствъ. „Оно первое дѣло, ваше благородіе, говоритъ онъ, *не думать ничего:* какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше отъ того, что думаетъ человѣкъ". Тутъ передъ нами образъ совсѣмъ въ духѣ писателя — человѣкъ, который бодро принимается за дѣло, исполняетъ свои обязанности и не входитъ ни въ какія разсужденія относительно ихъ, который самъ справляется съ самыми крупными превратностями жизни, потому что никакія излишнія рефлексіи не ослабили въ немъ ни стремленія къ дѣятельности, ни способности мужественно переносить зло. Создать въ себѣ подобное здоровое состояніе и силу души—эта задача носилась передъ Толстымъ, какъ высшій идеалъ, уже въ первый періодъ его литературнаго творчества. Какъ художникъ, онъ стремится въ своихъ разсказахъ прежде всего къ правдивости. Онъ выставляетъ русскія войска въ самомъ лучшемъ свѣтѣ, какъ и въ другихъ повѣстяхъ, гдѣ рѣчь заходитъ о солдатахъ; но онъ отнюдь не хвастаетъ ихъ хорошими качествами и великими подвигами; у него нѣтъ героя, къ прославленію котораго клонилось бы все; онъ говоритъ: „Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея?—Всѣ хороши и всѣ дурны. Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей

красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ,—правда“.

Насколько литературное творчество Толстого вытекало изъ внутренней необходимости, насколько онъ считалъ нужнымъ и возможнымъ браться за перо только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему дѣйствительно нужно было сказать что-либо, доказываетъ то обстоятельство, что во всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ его произведеніяхъ мы замѣчаемъ его личныя качества. Съ каждымъ его произведеніемъ мы все больше и больше знакомимся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Въ любви и сочувствіи, съ которыми относится онъ самъ къ тѣмъ или другимъ лицамъ и которыя съ такимъ умѣньемъ пробуждаетъ онъ и въ читателѣ, отражается его міросозерцаніе столь же ясно, какъ и въ эгоизмѣ и черствости сердца, которыми надѣляетъ онъ другихъ своихъ персонажей, не впадая ни въ сентиментальность въ первомъ случаѣ, ни въ преувеличенія во второмъ. Двѣ особенныхъ черты, какъ руководящіе мотивы, отчетливо выступаютъ всегда передъ друзьями его творчества: рѣзкая критика, бичующая жизненный укладъ богатыхъ классовъ, самодовольство и эгоизмъ, спесь и лицемѣріе во всѣхъ ихъ проявленіяхъ и любовное отношеніе ко всему, что здоровыми всходами пробивается изъ неисчерпаемой почвы народной жизни, способно къ развитію и стремится къ свѣту. Хрупкому и слабосильному цивилизованному классу Толстой противопоставляетъ народъ съ его здоровой и крѣпкой силой, предназначенной влить въ тѣло націи болѣе здоровую кровь, чѣмъ та, которая течетъ въ жилахъ Оленинымъ и Нехлюдовыхъ. Онъ стремится спасти, насколько можно только, близость къ природѣ, которую черезчуръ утонченная культурная жизнь съ корнемъ вырываетъ изъ насъ; видитъ въ этомъ единственный залогъ хорошаго будущаго міра и людей, единственное средство для того, чтобы создать и поддерживать здоровую жизнь, единственное условіе чистоты передъ собственною совѣстью. Поэтому Толстой бѣжитъ къ „труждающимся и обремененнымъ“, къ тѣмъ, которыхъ Евангеліе называетъ блаженными, потому что

они—„нищіе духомъ“, къ людямъ, сохранившимъ бодро бьющееся сердце и воспріимчивыя чувства. Пусть они одѣты въ лохмотья и тряпки; но они ближе стоятъ къ общей нашей матери, природѣ, и больше любимы ею, чѣмъ цивилизованныя куклы нашихъ салоновъ и гуляній. Общество совершаетъ преступленіе, глядя на этихъ людей высокомѣрно, сверху внизъ, вмѣсто того, чтобы помогать имъ. Съ цѣлымъ рядомъ такихъ людей знакомимся мы въ мелкихъ разсказахъ Толстого. Сюда относится прежде всего повѣсть „Люцернъ“, выдаваемая за отрывокъ изъ дневника князя Нехлюдова, а это у Толстого означаетъ, что описанный случай есть ничто иное, какъ взятое цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни происшествіе. Повѣсть эта—результатъ поѣздки Толстого въ Швейцарію, о которомъ мы уже говорили. Писатель прибылъ въ Люцернъ и остановился въ извѣстной гостиницѣ „Швейцергофъ“. Онъ описываетъ людей, живщихъ тамъ, прекрасную набережную, напыщенную чопорность жильцовъ отеля за Table d'hôte'омъ, роскошный вечеръ. Въ городкѣ онъ натолкнулся на странствующаго пѣвца—тирольца, который, довольствуясь малымъ, путешествуетъ со своими пѣсенками по Швейцаріи, забавляетъ въ этотъ вечеръ своимъ искусствомъ гостей знатной гостиницы, но не получаетъ ничего. Авторъ разсказываетъ дальше, какъ онъ нагналъ пѣвца, когда тотъ ушелъ, не получивши платы ни за свое искусство, ни за свой трудъ; какъ заставилъ его разсказать, откуда онъ родомъ, куда идетъ; какъ пригласилъ его, наконецъ, вернуться вмѣстѣ въ „Швейцергофъ“ и распить бутылку вина. Швейцаръ и кельнеръ, только что относившіеся къ разсказчику съ изысканной вѣжливостью, пожимаютъ плечами, когда онъ появился вмѣстѣ съ бѣднымъ тирольцемъ, и направляютъ ихъ въ „залу налѣво“, распивочную для простого народа. Возмущенный этой несправедливостью, онъ заказываетъ самаго дорогого шампанскаго, заставляетъ открыть для себя и своего гостя большую обѣденную залу, гдѣ встрѣчается съ англичанами, которые возмущены и убѣгаютъ, сконфуженные сосѣдствомъ бѣднаго пѣвца. Затѣмъ онъ

провожаетъ пѣвца и принужденъ сквозь пальцы смотрѣть, какъ прислуга отеля смѣется надъ нимъ, человѣкомъ знатнаго происхожденія, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, и, пожалуй, сомнѣвается даже въ состояніи его разсудка. Въ своей комнатѣ записываетъ онъ впечатлѣнія этого страннаго вечера. Онъ спрашиваетъ себя, какъ это выходитъ такъ, что всѣ любятъ поэзію, ищутъ ее, стремятся къ ней, и въ тоже время никто не признаетъ силы этого высшаго блага міра и не благодаритъ тѣхъ, которые даютъ его людямъ. Онъ находитъ ужасную безсмыслицу въ томъ, что эти богатые, избалованные обитатели „Швейцергофа“ поражены слѣпотой къ тому, что даетъ имъ счастье, что они не только ничего не дали бѣдному пѣвцу, который силою поэзіи заставилъ ихъ благоговѣйно слушать его, но проводили его насмѣшками и оскорбленіями. Онъ помѣчаетъ этотъ вечеръ годомъ, мѣсяцемъ и числомъ въ своемъ дневникѣ и прибавляетъ слѣдующее: „Вотъ событіе, которое историки нашего времени должны записать огненными, неизгладимыми буквами. Это событіе значительнѣе, серьезнѣе и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ... Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Сдѣлавши нѣсколько другихъ замѣчаній, онъ продолжаетъ: „Кто больше человѣкъ и кто больше варваръ: тотъ ли лордъ, который, увидавъ затасканное платье пѣвца, съ злобой убѣжалъ изъ-за стола, за его труды не далъ ему милліонной доли своего состоянія, и теперь, сытый, сидя въ свѣтлой, покойной комнатѣ, спокойно судитъ о дѣлахъ Китая, находя справедливыми совершаемыя тамъ убійства,—или маленькій пѣвецъ, который, рискуя тюрьмой, съ франкомъ въ карманѣ,

двадцать лѣтъ, никому не дѣлая вреда, ходитъ по горамъ и доламъ, утѣшая людей своимъ пѣніемъ, котораго оскорбили, чуть не вытолкали нынче, и который, усталый, голодный, пристыженный, пошелъ спать куда-нибудь на гніющей соломѣ?“ Эти замѣтки въ своемъ дневникѣ онъ заканчиваетъ слѣдующими прекрасными словами: „Нѣтъ, сказалось мнѣ невольно, ты не имѣешь права жалѣть о немъ и негодовать на благосостояніе лорда. Кто свѣсилъ внутреннее счастіе, которое лежитъ въ душѣ каждаго изъ этихъ людей? Вонъ онъ сидитъ теперь гдѣ-нибудь на грязномъ порогѣ, смотритъ въ блестящее лунное небо и радостно поетъ среди тихой, благоуханной ночи; въ душѣ его нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянія. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей, за этими богатыми, высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли въ нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка? Безконечна благость и премудрость Того, Кто позволилъ и велѣлъ существовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ. Только тебѣ, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть Его законы, Его намѣренія, только тебѣ кажутся противорѣчія. Онъ кротко смотритъ съ своей свѣтлой, неизмѣримой высоты и радуется на безконечную гармонію, въ которой вы всѣ противорѣчиво, безконечно движетесь. Въ своей гордости ты думалъ вырваться изъ законовъ общаго. Нѣтъ, и ты съ своимъ маленькимъ, пошленькимъ негодованьицемъ на лакеевъ, и ты тоже отвѣтилъ на гармоническую потребность вѣчнаго и безконечнаго...“

Въ высшей степени сильное, потрясающее впечатлѣніе, настолько сильное, какъ, можетъ быть никакое другое произведеніе Толстого, производитъ повѣсть „Поликушка“, мастерское произведеніе, въ которомъ въ одинаковой степени соединились богатый повѣствовательный талантъ, рѣдкая способность наблюденія и выдающаяся художественная композиція,—произведеніе, которое не только что выдерживаетъ сравненіе съ подобными твореніями въ какой угодно другой литературѣ, но

и безспорно превосходитъ большинство ихъ, трагедія изъ русской крестьянской жизни исключительнаго характера. Въ немногихъ словахъ рисуетъ передъ нами авторъ жизненную сцену, за развитіемъ которой мы слѣдимъ съ напряженнымъ вниманіемъ; вводитъ въ дѣйствіе группу людей, характеризуя ихъ съ такой силой, что образы ихъ сразу навсегда запечатлѣваются въ нашей фантазіи. Нужно имѣть слабый вкусъ, чтобы видѣть въ ужасѣ катастрофы, такъ наглядно изображенной въ этой повѣсти, черезчуръ сильное средство, которымъ воспользовался авторъ, чтобы подѣйствовать на чувство и вызвать состраданіе. Ничего преувеличеннаго, раздутаго въ этой повѣсти нѣтъ; скорѣе напротивъ—все упрощено по возможности, крайне тѣсными рамками фабулы и пріемами ея разработки. Ужасъ лежитъ въ самомъ сюжетѣ повѣсти, въ удивительномъ стеченіи обстоятельствъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, въ безжалостномъ несчастьи, которое, какъ граната, поражаетъ бѣдное семейство какъ разъ въ такой моментъ, когда счастье какъ будто немного улыбнулось имъ, и въ одну минуту губитъ мужа, жену и ребенка. Поликушка—крѣпостной человѣкъ; онъ нѣсколько разъ попадался въ кражѣ; любитъ выпить („такую сильную привычку взялъ къ этому, что никакъ не могъ отстать"); при всемъ томъ—человѣкъ добрый и недурной. Въ помѣстьи онъ служитъ конюхомъ и коноваломъ, умѣетъ пускать въ дѣло разныя цѣлительныя тряпки и купоросъ. Съ своей женой и пятью дѣтьми онъ живетъ въ отгороженномъ досками углѣ дома, въ которомъ помѣщается такимъ же образомъ еще нѣсколько семействъ; живетъ онъ немного лучше собаки, но по своему доволенъ и безъ заботъ. Его привычка къ водкѣ и страсть присваивать ничего почти не стоющія мелкія вещи долго мучили его жену. Теперь онъ, повидимому, исправился: за послѣдніе семь мѣсяцевъ ни разу не далъ повода жаловаться. Ему представляется случай загладить дурную славу, которая шла о немъ, и выказать себя человѣкомъ степеннымъ. Въ деревнѣ предстоитъ сдача рекрутъ; приказчикъ предназначилъ, между прочимъ, и

Поликушку. Однако помѣщица, не имѣющая представленія о томъ, какъ живутъ ея крѣпостные, но заявляющая всегда, что она заботится о нихъ, какъ мать, рѣшила съ этимъ дѣломъ иначе. Она не хочетъ отпустить Поликушку: ей доставляетъ удовольствіе то, что онъ началъ исправляться подъ вліяніемъ ея увѣщаній; къ тому же ей не хочется отнимать отца у его оборванныхъ дѣтей, которыхъ она иногда ласкаетъ. Желая даже отличить его передъ всей деревней и дать доказательство своего довѣрія къ нему, она поручаетъ ему съѣздить въ сосѣдній городокъ за довольно значительной суммой денегъ. Поликушка счастливъ; онъ клянется своей женѣ, что, исполняя это порученіе, онъ будетъ твердъ противъ всякихъ искушеній. Въ своей повозкѣ онъ держится, какъ купецъ, и гордо посматриваетъ кругомъ. Ему отлично извѣстно, что на тѣ деньги, которыя теперь у него въ рукахъ, можно накупить пропасть разныхъ вещей; но онъ только играетъ съ этими заманчивыми картинами и съ улыбкой отстраняетъ ихъ. Запечатанный конвертъ съ деньгами онъ положилъ въ дыру шапки. „И всякій разъ, находя конвертъ на мѣстѣ, онъ испытывалъ пріятное чувство сознанія, что вотъ онъ, Поликей, осрамленный, забиженный, везетъ такія деньги, и доставитъ ихъ вѣрно,—такъ вѣрно, какъ не доставилъ бы и самъ приказчикъ“. На слѣдующее утро онъ тронулся въ обратный путь. Дорогой онъ ощупываетъ шапку и съ удовольствіемъ убѣждается, что конвертъ цѣлъ; „и онъ предался мечтаніямъ о благодарности госпожи, о пяти цѣлковыхъ, которые она ему дастъ, и о радости своихъ домашнихъ“. Поликей и не предчувствуетъ, что подкладка на шапкѣ прорвалась и конвертъ выпалъ. Онъ уже добрался до деревни—и тутъ только замѣтилъ, что довѣренныя ему деньги потеряны. Въ ужасѣ поворачиваетъ онъ назадъ, съ отчаяніемъ ищетъ конвертъ на дорогѣ и не находитъ. Убитый горемъ вернулся Поликей домой; глухо и безпокойно отвѣчаетъ на разспросы жены; затѣмъ поднимается на чердакъ и вѣшается на балкѣ. Жена Поликея въ то время купала младшаго, грудного ребенка.

Когда сосѣдка сообщила ей страшное извѣстіе, она бросила ребенка въ корытѣ, а сама бросилась по лѣстницѣ на чердакъ. Вернувшись назадъ, она видитъ, что ребенокъ задохнулся въ водѣ. Несчастья такъ потрясаютъ ее, что она сходитъ съ ума, безпрестанно смѣется и заговаривается. „Праздникъ (престольный) былъ невеселый во дворѣ Покровскаго. Несмотря на то, что день былъ прекрасный, народъ не выходилъ гулять: дѣвки не собирались пѣсни пѣть, ребята фабричные, пришедшіе изъ города, не играли ни въ гармонику, ни въ балалайки, и съ дѣвушками не играли. Всѣ сидѣли по угламъ, и ежели говорили, то говорили тихо, какъ будто кто недобрый былъ тутъ и могъ слышать ихъ. Днемъ все еще было ничего, но вечеромъ, какъ смерклось, завыли собаки, и тутъ же на бѣду поднялся вѣтеръ и завылъ въ трубы, и такой страхъ напалъ на всѣхъ жителей дворни, что у кого были свѣчи, тѣ зажгли ихъ передъ образомъ; кто былъ одинъ въ углѣ, пошелъ къ сосѣдямъ проситься ночевать, гдѣ полюднѣе, а кому нужно было выйти въ закутье—не пошелъ и не пожалѣлъ оставить скотину безъ корма на эту ночь. И святую воду, которая у каждаго хранилась въ пузырькѣ, всю въ эту ночь истратили. Многіе даже слышали, какъ въ эту ночь кто-то все ходилъ по чердаку тяжелымъ шагомъ, и кузнецъ видѣлъ, какъ змѣй летѣлъ прямо на чердакъ“.

Это трагическое происшествіе находится въ непосредственной связи съ другою частью фабулы. Когда барыня отказалась сдать въ рекруты Поликушку, на сходкѣ было рѣшено, что идти долженъ племянникъ стараго, упрямаго и скупого мужика Дутлова. Парень внѣ себя, что именно онъ долженъ принести эту тяжелую жертву. Старикъ могъ бы выкупить его, поставивши охотника за триста рублей. Но онъ, несмотря на свое богатство, упорно настаиваетъ, что у него нѣтъ такой суммы. Въ тотъ моментъ, когда дядя и племянникъ разстаются, между ними происходитъ ужасная сцена. Рекрутъ называетъ старика грабителемъ и кровопійцей, придирается къ нему; дѣло доходитъ до того, что его

связываютъ. На обратномъ пути въ деревню старикъ Дутловъ находитъ конвертъ, потерянный Поликушкой. Онъ приноситъ находку своей помѣщицѣ; но она больна, послѣ страшнаго событія, случившагося у нея въ домѣ; черезъ свою горничную она передаетъ старику, что она и знать не хочетъ этихъ несчастныхъ денегъ,— пусть онъ возьметъ ихъ себѣ. Старикъ Дутловъ думаетъ, что ослышался, и только тогда начинаетъ вѣрить въ этотъ неожиданный и непонятный для него подарокъ, когда изъ устъ самой барыни слышитъ подтвержденія этого радостнаго распоряженія. По дорогѣ домой онъ проходитъ мимо того дома, гдѣ мертвый Поликушка все еще виситъ на балкѣ чердака. Вечеромъ онъ ложится спать и переживаетъ страшный сонъ. Ему снится, будто кто-то прошелъ мимо окна, вошелъ въ сѣни, отодвинулъ дверной засовъ и вошелъ въ избу. Тутъ ночной гость принимаетъ образъ Поликушки, лѣзетъ на печь и начинаетъ душить его. Старикъ вскакиваетъ, запрягаетъ лошадь и ѣдетъ за племянникомъ, вмѣсто котораго ставитъ охотника. Но старикъ хочетъ покаяться передъ всѣмъ міромъ. Онъ проситъ племянника простить его, старика, Христа ради, падаетъ передъ нимъ и его женой на колѣни; молодые удерживаютъ его, но онъ встаетъ не прежде, какъ дотронувшись головой до земли. Веселые и довольные уѣзжаютъ Дутловы домой. Тотъ же самый случай, который заставилъ бѣднаго Поликушку повѣситься, вызвалъ смерть невиннаго, безпомощнаго ребенка, свелъ съ-ума несчастную женщину,— этотъ же самый случай создаетъ счастье и миръ въ другой семьѣ, которая, повидимому, готова была рухнуть изъ-за скупости и жестокосердія своего главы. Потокъ жизни равнодушно катится черезъ невыразимое горе и страданіе и дѣлаетъ гибель одного семейства основой счастья для другого, приводя въ дѣйствіе демоническую силу денегъ. Эта повѣсть страшна, но не рѣзка; драматична въ высшей степени, но безъ малѣйшихъ намековъ на погоню за эффектами; характерно правдива во всѣхъ даже незначительныхъ мелочахъ; невелика, но такъ богата содержаніемъ, что кажется, будто прочиталъ цѣ-

лый объемистый романъ: такъ тѣсно переплетена въ ней судьба Поликушки съ изображеніемъ народной жизни во всю ея ширь. Почти непонятно, какъ это такъ можно въ немногихъ словахъ охарактеризовать цѣлую кучу людей съ такой полнотой, что каждый изъ нихъ стоитъ передъ читателемъ, какъ живой, со всѣми тончайшими особенностями своего характера; какъ можно съ такой естественностью соединить, съ одной стороны мрачный трагизмъ катастрофы, потрясающей до мозга костей, страшное самообвиненіе старика Дутлова, пытающагося прикрыть самую отвратительную скупость смиреніемъ и покорностью волѣ Божіей, и плѣнительный юморъ—съ другой, которымъ проникнутъ разсказъ объ истеричной горячности и чувствительности помѣщицы, о повышенномъ самочувствіи Поликушки, когда онъ разыгрываетъ изъ себя важнаго господина и собирается какъ будто, покупать въ лавкѣ шубу. Мы безъ всякихъ колебаній готовы назвать эту повѣсть классическимъ и неподражаемымъ образцомъ литературныхъ произведеній этого рода.

Блестяще написанный очеркъ представляетъ собой „Метель", разсказъ о ночномъ путешествіи въ саняхъ по безконечной бѣлой равнинѣ въ землѣ Войска Донского, описаніе степи зимою, когда безпрерывно падающій снѣгъ не только застилаетъ все бѣлой пеленой, но крутится въ воздухѣ, превращаясь въ волнующуюся массу, угрожающую, какъ море, поглотить человѣка. Впечатлѣніе, производимое этой величественной и внушительной игрой природы на господина, сидящаго въ саняхъ и замѣчающаго, что дороги совсѣмъ уже нельзя различить и что они давнымъ-давно сбились съ нея, на кучера и спутника разсказчика, привычныхъ къ такимъ явленіямъ и не безъ юмора относящихся къ бушеванію стихій, составляетъ содержаніе этого разсказа. Картина природы, которую развертываетъ передъ нами Толстой, описывая эту метель въ широкомъ, безлюдномъ полѣ, среди ночи, когда снѣжные хлопья начинаютъ падать все гуще и гуще, а вѣтеръ свиститъ все съ большей силой, отличается очаровательной игрой красокъ. И все-

таки не природа,—съ какой-бы силой ни проявляла она себя,—составляетъ конечную цѣль этого разсказа, а характеристика людей, которымъ угрожаетъ это сильное явленіе природы. Прежде всего передъ нами проходятъ типы кучеровъ—ямщиковъ, оригинальнаго, характернаго для Россіи класса людей, у которыхъ какъ-то странно перемѣшиваются одно съ другимъ добродушіе и лукавство и наблюденіе которыхъ, благодаря порядочной дозѣ то природнаго ума и находчивости, то замкнутости и строптиваго своенравія, всегда представляетъ значительный интересъ. Авторъ знакомитъ насъ съ нѣсколькими представителями этого класса: тутъ подвижные почтовые ямщики, возвращающіеся съ ближайшей почтовой станціи, гоняющіеся по полю за оторвавшимися лошадьми; неповоротливые обозные возчики, которые спокойно спятъ на своихъ рогожахъ, предоставляя лошадямъ самимъ отыскивать дорогу; затѣмъ кучеръ разсказчика, тяжелый, угрюмый человѣкъ, предлагающій въ концѣ концовъ своему пассажиру ѣхать съ другимъ, насмѣшливымъ, ловкимъ ямщикомъ, который и приводитъ къ благополучному концу это опасное путешествіе. Особаго рода впечатлѣніе производитъ это путешествіе по однообразной снѣжной равнинѣ на путника, который привыкъ быть въ такую погоду въ теплой постели, въ жарко натопленной комнатѣ. Настроеніе, вызванное ночнымъ временемъ, снѣжной бурей, неизвѣстность, когда и какъ окончится эта поѣздка, приводятъ его въ особое состояніе забывчивости, когда онъ замѣчаетъ, что всякая опредѣленная цѣль потеряна и сани движутся по какому-то широкому кругу. Сначала ему кажется, что онъ у себя на родинѣ; и ему вспоминается крестьянинъ, который лѣтомъ утонулъ въ пруду и трупъ котораго вытащили изъ воды неводомъ. Затѣмъ ему представляется, что наметенные сугробы снѣга превращаются въ рядъ комнатъ, что онъ хочетъ ложиться спать, но его грабитъ, ему грозитъ старичокъ-ямщикъ, только что бранившій угрюмаго ямщика, по неловкости котораго оторвалась и убѣжала въ поле тройка почтовыхъ. Такъ перепутываются дѣйствительность и фан-

тастическое одно съ другимъ. Ночное путешествіе подъ безпрерывный вой метели вызываетъ тяжелый кошмаръ, который исчезаетъ только утромъ, когда путники добрались до перваго попавшагося кабака и крѣпкимъ напиткомъ оживили свои окоченѣлые члены. Пассажиръ оказывается безпомощнымъ передъ бушующей стихіей; а простой человѣкъ и здѣсь неизмѣнно сохраняетъ свое превосходство. Подобную же тему Толстой разработалъ позднѣе въ „Хозяинѣ и работникѣ“: богатый крестьянинъ и лошадь замерзаютъ во время вьюги, а работникъ остается въ живыхъ. Тутъ все пластично въ высшей степени, все проникнуто самымъ тонкимъ настроеніемъ: приготовленіе къ отъѣзду; противоположность между кучеромъ Никитой, который съ лошадью разговариваетъ, какъ съ человѣкомъ, и Василіемъ Андреевичемъ, разыгрывающимъ роль благодѣтеля; поѣздка во время метели; блужданіе безъ пути и дороги; попытка Василія Андреевича верхомъ спастись въ ближайшую деревню; наконецъ, его рѣшеніе остаться и переждать снѣгъ и вѣтеръ въ полѣ.

Весьма своеобразна повѣсть „Холстомѣръ. Исторія одной лошади“, свидѣтельствующая о любви автора къ животнымъ, о его глубокомъ пониманіи нѣмыхъ движеній вѣрнаго слуги человѣка. Собака и кошка часто служатъ предметомъ поэтической обработки; лошадь во всякомъ случаѣ не меньше достойна этой чести. Въ героической сагѣ она вездѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ; за гробомъ императора и короля ведутъ его боевого коня. У такихъ народовъ, какъ арабы, конь — вѣрный товарищъ и членъ семьи. Солдатъ, жизнь и безопасность котораго часто зависятъ отъ его коня, заводчикъ-помѣщикъ имѣютъ болѣе вѣрное и болѣе высокое понятіе о природѣ и характерѣ лошади, чѣмъ обыкновенный городской житель. Всѣмъ извѣстно, какъ хорошо понимаетъ лошадь, кто сидитъ въ сѣдлѣ и правитъ, какъ тонко иногда ея чутье, какъ краснорѣчиво навастриваетъ она уши и выгибаетъ шею. И что приходится нерѣдко переживать такому животному, если оно съ бѣгового круга и изъ-подъ кареты попадаетъ въ плугъ, который

должно тянуть своими онѣмѣвшими членами? Такую именно исторію разсказываетъ Толстой въ своей повѣсти, въ которой главная роль принадлежитъ старой лошади благородной крови, пѣгому мерину, прозванному за длинный и размашистый ходъ Холстомѣромъ. Безпристрастно, простодушно разсказывается въ повѣсти жизнь этого четвероногаго отъ рожденія вплоть до того момента, когда живодеръ убиваетъ охромѣвшее, измученное паршами животное. Мы видимъ, какъ этотъ меринъ, уже старый и слабый, окруженъ молодыми, здоровыми, прыгающими лошадьми, для которыхъ онъ служитъ мишенью насмѣшекъ; видимъ, какъ онъ рѣшается разсказать, въ теченіе пяти ночей подъ-рядъ, имъ свою исторію, чтобы доказать имъ, что когда-то и онъ былъ не хуже ихъ, что и съ ними позднѣе будетъ не лучше, чѣмъ съ нимъ. Онъ разсказываетъ о своемъ рожденіи, о своей матери, которая сначала нѣжно любила его, а затѣмъ совсѣмъ забросила, послѣ свиданія съ однимъ великолѣпнымъ жеребцомъ; разсказываетъ о припадкѣ страсти, слѣдствіемъ котораго была самая важная перемѣна въ его жизни, послѣ чего онъ навсегда потерялъ способность ржать. Лошадь обсуждаетъ понятіе собственности и находитъ, что въ лѣстницѣ живыхъ существъ лошадь стоитъ выше человѣка, мотивируя это тѣмъ, что дѣятельность людей руководима словами, а лошадей—дѣломъ. Въ такихъ словахъ говорится о собственности: „Про одну и ту же вещь они условливаются, чтобы только одинъ говорилъ: *мое*. И тотъ, кто про наибольшее число вещей, по этой условленной между ними игрѣ, говоритъ: *мое,* тотъ считается у нихъ счастливѣйшимъ. Для чего это такъ, я не знаю, но это такъ. Я долго прежде старался объяснить себѣ это какою-нибудь прямою выгодою, но это оказалось несправедливымъ. Многіе изъ тѣхъ людей, которые меня, напримѣръ, называли своей лошадью, не ѣздили на мнѣ, но ѣздили на мнѣ совершенно другіе. Кормили меня тоже не они, а совершенно другіе. Дѣлали мнѣ добро опять-таки не тѣ, которые называли меня своей лошадью, а кучера, коновалы и вообще сторонніе люди. Впослѣдствіи, расширивъ

кругъ своихъ наблюденій, я убѣдился, что не только относительно насъ, лошадей, понятіе *мое* не имѣетъ никакого другого основанія, какъ низкій и животный людской инстинктъ, называемый ими чувствомъ или правомъ собственности. Человѣкъ говоритъ: „домъ мой", и никогда не живетъ въ немъ, а только заботится о постройкѣ и поддержаніи дома. Купецъ говоритъ: „моя лавка, моя лавка суконъ", напримѣръ, и не имѣетъ одежды изъ лучшаго сукна, которое есть въ его лавкѣ. Есть люди, которые землю называютъ своею, а никогда не видали этой земли и никогда по ней не проходили. Есть люди, которые другихъ людей называютъ своими, а никогда не видали этихъ людей; и все отношеніе ихъ къ этимъ людямъ состоитъ въ томъ, что оні дѣлаютъ имъ зло. Есть люди, которые женщинъ называютъ своими женщинами или женами, а женщины эти живутъ съ другими мужчинами. И люди стремятся въ жизни не къ тому, чтобы дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ, а къ тому, чтобы называть какъ можно больше вещей *своими*. Я убѣжденъ теперь, что въ этомъ и состоитъ существенное различіе людей отъ насъ". Мерина покупаетъ одинъ князь, гусарскій офицеръ, впрягаетъ его въ экипажъ и возбуждаетъ общее удивленіе благороднымъ, быстрымъ ходомъ лошади. Лошадь гордится тѣмъ, что служитъ знатному барину и что возитъ его къ возлюбленной. Но вотъ въ одинъ прекрасный день князь узнаетъ, что возлюбленная бросила его. Онъ погнался за ней на Холстомѣрѣ и загналъ благородное животное. Съ тѣхъ поръ лошадь пошла переходить изъ рукъ въ руки. Съ этимъ гусарскимъ офицеромъ мы встрѣчаемся позднѣе опять, когда онъ, наполовину отжившій, ѣдетъ въ губернскій городъ начальникомъ коннозаводства и останавливается у послѣдняго хозяина Холстомѣра. Судьба лошади, какъ символъ человѣческой жизни, критика этой жизни четвероногимъ, сильно проведенная, составляютъ содержаніе этого замѣчательнаго разсказа, проникнутаго вдумчивымъ юморомъ высшаго характера и затрогивающаго тѣ глубокіе вопросы, выясненіемъ, обоснованіемъ

и разрѣшеніемъ которыхъ занимался Толстой всю свою долгую жизнь.

Наконецъ, мы причисляемъ къ этой же группѣ разсказовъ повѣсть „Семейное счастье". Нѣкоторые почитатели Толстого ставятъ эту повѣсть нѣсколько выше, чѣмъ она заслуживаетъ, по нашему мнѣнію,—хотя ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ изъ этого, будто мы держимся низкаго мнѣнія о ея литературныхъ достоинствахъ. Она выполнена болѣе тонкою кистью, чѣмъ какое бы то ни было другое произведеніе нашего автора; она очаровываетъ воспроизведеніемъ трепетаній, то слабѣющихъ, то бьющихъ съ полной силой, въ душѣ дѣвушки, которая, сама отчетливо не сознавая этого, полна внутреннимъ стремленіемъ къ любви. Она отдаетъ свою руку человѣку, который только отчасти удовлетворялъ ея мечтамъ объ идеалѣ, но въ первое время брака далъ ей дѣйствительное счастье. Совмѣстная жизнь пробуждаетъ въ сердцѣ молодой женщины новыя желанія и надежды, которыя не проходятъ для нея безъ разочарованій, пока сознаніе, что она жена прекраснаго человѣка и мать прелестнаго ребенка, не вознаграждаетъ ее за утерю романтическихъ мечтаній юности. Очевидно, что эти два человѣка самой природой предназначены другъ для друга; имъ трудно только открыть другъ для друга свое сердце: дѣвушкѣ потому, что во время траура по недавно умершей матери, при жизни съ двумя только сестрами, въ деревенскомъ уединеніи она имѣла мало возможности наблюдать и сравнивать людей и потому позволила своимъ мыслямъ занестись въ область поэтическихъ мечтаній; ему потому, что онъ почти вдвое старше ея и, какъ другъ ея недавно только умершаго отца, сомнѣвается, не слишкомъ ли высоко цѣнитъ онъ свои силы, чтобы приковать къ себѣ столь юное существо. Но постепенно они сближаются, безъ всякихъ бурныхъ порывовъ страсти. Взаимное пониманіе является результатомъ серьезнаго самонаблюденія и самокритики; осторожно подвигаются оба шагъ за шагомъ впередъ. Даже поцѣлуй послѣ вѣнчанія кажется ей страннымъ и чуждымъ ихъ чувству. Но скоро она замѣчаетъ, что для

нея прямо счастье въ томъ, чтобы подчинить свою волю его волѣ и совсѣмъ отдаться ему. Спокойно и счастливо живетъ Маша съ мужемъ въ деревнѣ; мысль о чужихъ людяхъ и большомъ свѣтѣ, еще неизвѣстномъ ей, начинаютъ вызывать въ ней недовольство. Супруги отправляются въ Петербургъ и принимаютъ участіе во всевозможныхъ развлеченіяхъ сезона. Лѣтомъ они ѣдутъ на воды; начинается отчужденіе, неудержимо растущее, когда жена окончательно отдается моднымъ увеселеніямъ, а мужъ—своимъ дѣламъ. Наступаетъ тотъ критическій моментъ, который произноситъ нелицепріятный приговоръ о каждомъ брачномъ союзѣ, моментъ, когда любовь понемногу проходитъ и уступаетъ мѣсто дружбѣ. По мнѣнію автора, именно этотъ моментъ долженъ указать, дѣйствительно ли эти два человѣка созданы другъ для друга, или ихъ свелъ только случай, покровительствуемый чувствительнымъ инстинктомъ. По всему характеру фабулы, въ повѣсти Толстого мыслимъ только счастливый исходъ. Вращаясь въ знатномъ обществѣ, Маша переживаетъ такія вещи, о которыхъ она до сихъ поръ и не помышляла, которыя угрожаютъ ея чести и наполняютъ ее отвращеніемъ. Она сама разсказываетъ объ этомъ („Семейное счастье“ все ведется въ первомъ лицѣ), и разсказъ этотъ богатъ психологическимъ анализомъ. Мотивъ повѣсти самъ собою выступаетъ въ слѣдующихъ словахъ, которыми молодая женщина заканчиваетъ свою исповѣдь: „Старое чувство стало дорогимъ, невозвратимымъ воспоминаніемъ, а новое чувство любви къ дѣтямъ и къ отцу моихъ дѣтей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни...“ „Семейное счастье“ во многихъ отношеніяхъ ближе иностранцамъ, чѣмъ другія произведенія Толстого. Въ этомъ разсказѣ очень мало слѣдовъ его спеціально русскаго происхожденія; тема и характеры представляютъ жизнь души, повсюду встрѣчающуюся. Нѣтъ сурового и неумолимаго, составляющаго въ общемъ характерную черту произведеній Толстого, что, однако, не мѣшаетъ разсказу удержать силу и вѣскость, придающія столько прелести изложенію. Разсказъ ведется съ неподражае-

мымъ искусствомъ, хотя событія его и не были пережиты авторомъ, какъ это мы видимъ въ другихъ его повѣстяхъ: тогда онъ не былъ еще женатъ, и разсказъ— плодъ чистой фантазіи. Толстой женился очень скоро, послѣ того, какъ онъ былъ написанъ.

Левъ Николаевичъ былъ желаннымъ гостемъ въ домѣ доктора Берса въ Москвѣ, любимаго врача по женскимъ болѣзнямъ, имѣвшаго большую практику въ аристократическихъ кругахъ. Этотъ интересный человѣкъ, нѣсколько увлекавшійся прожектеръ въ области своей науки, былъ нѣмецъ и принадлежалъ къ протестантской церкви. Это знакомство было старинное: отцы Толстого и жены Берса были закадычными друзьями. Когда лѣтомъ 1862 г. Левъ Николаевичъ опять навѣстилъ это семейство, онъ нашелъ тамъ трехъ цвѣтущихъ молодыхъ дѣвушекъ, и средняя изъ нихъ, Софья, повидимому, очень понравилась Толстому; но по различнымъ причинамъ въ тотъ разъ дѣло не дошло до объясненія. Между тѣмъ образъ дѣвушки, такъ приглянувшейся ему, не исчезалъ изъ его души; и рѣшеніе скоро было принято. Онъ навѣстилъ семейство доктора на дачѣ подъ Москвой, а затѣмъ пригласилъ мать съ дочерьми къ себѣ въ имѣніе, какъ дорогихъ гостей. Рѣшительное слово не было сказано и тутъ; но когда молодыя дѣвушки съ матерью распрощались съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, чтобы навѣстить своего дѣдушку, который жилъ въ сосѣднемъ имѣніи, Левъ Николаевичъ послѣдовалъ за ними, и тутъ совершилось обрученіе. Все совершилось такъ, какъ описано въ романѣ „Анна Каренина" между Левинымъ и Китти. Левенфельдъ въ такихъ словахъ описываетъ спутницу жизни Толстого: „Софія Берсъ была рано созрѣвшей, статной дѣвушкой съ необыкновенно красивой, высокой фигурой. Ея благородное лицо, обрамленное богатыми, каштановыми волосами и оживленное большими, съ голубымъ отливомъ, глазами, свидѣтельствовало о богатой духовной жизни и способности къ вдохновенію. Она получила хорошее, гармоническое воспитаніе. Ея образованіе не было ни одностороннимъ развитіемъ воображенія, ни одностороннимъ упражненіемъ ума. Сила

воображенія и дѣятельность разсудка были одинаково развиты въ ней. Она хорошо знала четыре языка и читала лучшія произведенія русской, нѣмецкой, французской и англійской литературъ. Эта дѣвушка вполнѣ могла оцѣнить такого человѣка, какъ Левъ Толстой; всѣ самыя смѣлыя мечты о счастьи она увидѣла осуществившимися, когда ей признался въ любви этотъ вызывавшій удивленіе писатель“. Этотъ бракъ былъ благословеннымъ. До сихъ поръ живы пять сыновей и четыре дочери, всѣ вскормленные самой матерью. Когда родился послѣдній ребенокъ, Льву Николаевичу шелъ шестьдесятъ второй годъ.

„Война и миръ“.

Въ полномъ блескѣ поэтическій талантъ графа Толстого проявился въ четырехтомномъ романѣ „Война и миръ“, напечатанномъ впервые въ 1865—1868 годахъ въ московскомъ ежемѣсячномъ журналѣ Каткова „Русскій вѣстникъ“. Богаты содержаніемъ и *предшествовавшія* произведенія Толстого: ключемъ бьетъ въ нихъ юношеская сила и свѣжесть таланта, — и все-таки произведенія эти — только подготовительныя ступени, давшія возможность таланту автора подняться до той высоты художественнаго творчества, которой достигъ онъ въ этомъ первомъ большомъ романѣ. Новыя, дорогія и чистыя, какъ золото, черты въ характерѣ автора открываютъ намъ его *послѣдующія* произведенія; но, даже взятыя вмѣстѣ, они не могутъ сравняться по своему значенію въ духовномъ и художественномъ отношеніяхъ съ этимъ изъ ряду вонъ выходящимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ. Самъ, лично Толстой не переживалъ той ужасной драмы, которая въ началѣ девятнадцатаго столѣтія разыгрывалась на пространствѣ цѣлой Европы и привела къ глубочайшему нравственному потрясенію народы нашего континента; онъ не былъ современникомъ ужасовъ этого истребительнаго пожара, который вспыхнулъ во Франціи, пере-

шелъ черезъ ея границы и началъ распространяться все дальше и дальше на западъ и востокъ съ такой всепожирающей силой, что казалось невозможнымъ остановить его. Но въ жизни, во всѣхъ проявленіяхъ жизни родного писателю народа сказывался тотъ глубокій слѣдъ, который оставило послѣ себя это нашествіе народовъ, это побѣдоносное, неудержимое движеніе впередъ, неожиданное, но безрезультатное появленіе народовъ цѣлой Европы подъ бѣлокаменнымъ московскимъ Кремлемъ, это стремительное, какъ ураганъ, отступленіе. Казалось на первый взглядъ, что желѣзное ярмо наполеоновской тираніи навсегда подавитъ самостоятельность европейскихъ народовъ; но иное судило Провидѣніе. Подъ гнетомъ этого тяжелаго ярма развивалось въ сердцахъ націй еще болѣе сильное противодѣйствіе,— совершилась глубокая, духовная революція. Этотъ гнетъ послужилъ толчкомъ, подъ дѣйствіемъ котораго окончательно сформировалось національное самосознаніе европейскихъ націй: съ любовью и страстью, степени которыхъ никто раньше и не предугадывалъ, стали превозносить націи тѣ преданія, которыя хранились въ ихъ исторіи, языкѣ, культурѣ и религіи; защищать эти преданія готовы были до послѣдней капли крови. И въ Россіи это сознаніе самобытности, стремленіе отстоять свою независимость были не менѣе сильны. Она вдругъ поднялась на всемъ огромномъ пространствѣ своемъ, со всѣмъ обиліемъ своихъ скрытыхъ до тѣхъ поръ, таинственныхъ силъ, со всѣми своеобразными особенностями своей природы и народа, населявшаго ее, и развернула передъ порабощенной Европой величественную картину, образъ богатыря, который расправилъ свои могучіе члены и однимъ ударомъ поставилъ „заставу богатырскую“ на считавшемся открытымъ пути побѣдоноснаго шествія грознаго корсиканца. Именно этотъ моментъ отечественной исторіи увѣковѣчилъ Толстой въ своемъ произведеніи, которое должно отнести къ самымъ смѣлымъ и величественнымъ созданіямъ среди современныхъ романовъ.

Далекимъ кружнымъ путемъ дошелъ Толстой до мысли—написать это главное свое произведеніе, въ ко-

торое онъ вложилъ самыя завѣтныя свои понятія и представленія объ отечествѣ и семьѣ. Несмотря на бурно проведенную молодость, въ немъ сохранилась творческая сила, которой онъ рѣшилъ воспользоваться на служеніе высшимъ духовнымъ цѣлямъ. Онъ нашелъ спутницу жизни, которая понимала всякое даже едва уловимое душевное движеніе его и обѣщала подарить ему цѣлую кучу хорошихъ дѣтей. По своему рожденію, таланту и богатству онъ стоялъ высоко надъ массой и понималъ, что, давши ему такія преимущества передъ милліонами людей, судьба возложила на него тяжелыя обязанности. Принимаясь снова, въ этотъ второй періодъ своей жизни, за писательскій трудъ, Толстой задумалъ было изобразить въ романѣ „Декабристы“ исторію военнаго возстанія въ 1825 году, которое, какъ извѣстно, было немедленно подавлено: мятежные полки, собравшіеся на Исаакіевской площади (Петербургъ), были разсѣяны пушечными выстрѣлами, а вожди возмущенія, ослѣпленные своими идеальными убѣжденіями молодые люди, были частью казнены, частью сосланы въ Сибирь. Толстой принялся за этотъ трудъ, но скоро замѣтилъ, что работа идетъ вяло и вынужденно. Романъ разбивался на отдѣльныя куски, связать которые въ одно цѣлое удовлетворительнымъ образомъ никакъ не удавалось. Несмотря на повторявшіяся попытки, этотъ романъ такъ и не былъ оконченъ. Только три главы изъ него были напечатаны — въ сборникѣ, изданномъ въ 1884 году съ благотворительной цѣлью, на помощь нуждающимся писателямъ и учителямъ. Тутъ мы знакомимся съ однимъ декабристомъ, который, отбывши свой срокъ ссылки въ Сибирь, вернулся опять на родину, но нашелъ здѣсь жизнь, шедшую въ разрѣзъ съ его образомъ мыслей.— Когда Толстой изучалъ исторію того времени на основаніи соотвѣтствующихъ источниковъ, ему пришла на мысль заманчивая и благодарная перспектива: взять нѣсколько болѣе раннее время и изобразить событія, при которыхъ нашли въ Россіи Наполеонъ — могилу своего господства, его армія — гибель. Скоро матеріалъ разросся до такихъ размѣровъ, искушеніе обработать

его такъ сильно дѣйствовало на писателя, что онъ не сталъ оканчивать „Декабристовъ“ и принялся за свой великій національный эпосъ „Война и миръ“. Къ сожалѣнію, до изданія французскаго перевода княгини Паскевичъ (вышелъ въ 1879 году въ трехъ томахъ у Hachette въ Парижѣ) колоссальное впечатлѣніе, оставляемое этимъ романомъ, не выходило изъ предѣловъ Россіи. Тургеневъ, жившій тогда въ Парижѣ и поддерживавшій дружескія отношенія съ руководящими художественными и литературными кругами его, раздалъ десять экземпляровъ перевода такимъ вліятельнымъ писателямъ, какъ Анри Тэнъ, Эдмонъ Абу (About) и другіе. Въ декабрѣ 1879 года онъ писалъ графу Толстому объ этихъ критикахъ и выражалъ увѣренность, что они прочно установятъ въ чужихъ краяхъ его литературную репутацію: „Нужно надѣяться, писалъ онъ, между прочимъ, что они сумѣютъ оцѣнить всю силу и прелесть вашей эпопеи; переводъ слабоватъ, но исполненъ тщательно и съ любовью; за эти дни я, съ все большимъ и большимъ наслажденіемъ, разъ пять или шесть перечиталъ это ваше, по-истинѣ великое произведеніе; общее построеніе его не такое, какое любятъ французы и какого они ищутъ въ книгахъ; но правда всегда восторжествуетъ; я надѣюсь если не на блестящую побѣду, то все же на прочное, хотя и медленное завоеваніе.

Это выраженіе удивленія, свободное даже отъ малѣйшаго оттѣнка завистливыхъ чувствъ, дѣлаетъ честь столько же Тургеневу, сколько и Толстому, который въ то время въ западной Европѣ былъ совершенно неизвѣстенъ. За границей знали тогда только его однофамильца, Алексѣя Толстого, умершаго еще въ 1875 году, автора трилогіи—„Смерть Іоанна Грознаго“, „Царь Өеодоръ Іоанновичъ“ и „Царь Борисъ“. Одинъ экземпляръ романа получилъ, между прочимъ, Флоберъ. Онъ благодарилъ Тургенева за книгу письмомъ, наполненнымъ такими выраженіями удивленія передъ талантомъ Толстого, дальше которыхъ трудно было идти. Между прочимъ, онъ писалъ: „Мѣстами мнѣ казалось, что книга принадлежитъ Шекспиру! Я испускалъ крики удивленія,

когда читалъ ее... а читалъ я ее долго! Да, сильно, очень сильно!“ Въ своихъ разговорахъ о новѣйшей русской литературѣ Тургеневъ обыкновенно называлъ Льва Николаевича величайшимъ изъ всѣхъ живущихъ европейскихъ романистовъ, а объ отдѣльныхъ главахъ изъ „Войны и мира“ говорилъ, что онъ не знаетъ во всей эпической литературѣ ничего такого, что́ могло бы идти въ сравненіе съ ними. Помнится намъ другой отзывъ въ томъ же родѣ, отзывъ Буренина, виднаго критика изъ „Новаго Времени“, назвавшаго романъ Толстого произведеніемъ, которое имѣетъ для русскихъ такое же значеніе, какое „Иліада“ и „Одиссея“ имѣли для древнихъ грековъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что подобныя сопоставленія не столько ведутъ къ ясной и правильной оцѣнкѣ этого романа, сколько вызываютъ путаницу въ сужденіяхъ о немъ. Въ 1885 году вышелъ въ свѣтъ первый нѣмецкій переводъ „Войны и мира“, Эрнста Штренге,—переводъ чрезвычайно плохого качества, изобилующій ошибками въ пониманіи подлинника и произвольными выпусками. Столь же неудачно окончилась попытка Роскошнаго, который сдѣлалъ только половину работы и пользовался, вдобавокъ, одной изъ первыхъ редакцій романа, а въ этой редакціи у автора тянутся цѣлыми страницами *французскіе* разговоры,—ошибка, которую впослѣдствіи авторъ исправилъ самъ и о которой во всякомъ случаѣ не слѣдовало напоминать при переводѣ. Въ третій разъ романъ Толстого былъ изданъ въ Германіи Левенфельдомъ въ 1892 году. Въ предисловіи издатель даетъ мѣткую характеристику этого произведенія, которую мы и воспроизводимъ здѣсь. „Войну и миръ“, эту огромную прозаическую эпопею, говоритъ Левенфельдъ, можно сравнить съ исполинскимъ сооруженіемъ, прекраснымъ въ общемъ, поражающимъ своею величиной, богатымъ большими и малыми переходами, обширными залами и скрытыми уголками. Родственныя искусства, пластика и живопись, придали каждой части этого гигантскаго сооруженія особенную прелесть. Но прошли вѣка; въ поправкахъ и перестройкахъ затерялся первоначальный планъ.

Гдѣ была большая зала, тамъ появилось нѣсколько маленькихъ комнатъ, которыя не входили въ планъ постройки, созданный первымъ художникомъ-строителемъ; въ другомъ мѣстѣ уничтоженъ ходъ, и то что́ заняло его мѣсто, портитъ благородныя соотношенія цѣлаго, гдѣ стояли произведенія пластики минувшихъ вѣковъ; красуется новый монументъ, насмѣхающійся надъ сѣдою стариной сооруженія; и тамъ, гдѣ взоръ зрителя любовался до сихъ поръ достойнымъ удивленія созданіемъ художника, онъ долженъ удовольствоваться только слабымъ эквивалентомъ въ видѣ безцвѣтнаго продукта ремесленной работы. И все-таки, не смотря на эти недостатки, которые мы видимъ и понимаемъ, огромное сооруженіе очаровываетъ насъ, какъ раньше очаровывало оно поколѣнія, жившія до насъ. Точно также обстоитъ дѣло и съ могучимъ планомъ этого романа. То тутъ, то тамъ мы видимъ то слишкомъ много мѣста, то слишкомъ маленькую залу, то украшеніе не на своемъ мѣстѣ, то неподходящую статую. Но цѣлое очаровываетъ всякаго, кто умѣетъ наслаждаться художественными произведеніями и кому даны не только глаза, чтобы видѣть пятна на солнцѣ, но и чувство, способное воспринимать свѣтъ и теплоту подателя жизни.

Планъ, объемъ, содержаніе романа отличаются необыкновенной широтой. Русское изданіе въ восьмую большого формата представляетъ собой книгу почти въ двѣ тысячи страницъ; чтобы одолѣть ихъ, нужно имѣть въ запасѣ цѣлый рядъ свободныхъ дней. Напряженное вниманіе, овладѣвающее сразу же читателемъ, вызывается не искуснымъ сплетеніемъ художественной интриги, а богатствомъ душевной жизни, съ которой мы знакомимся, поразительнымъ развитіемъ характеровъ, въ интимные друзья которыхъ избираетъ насъ авторъ. Не разъ отложишь книгу въ сторону и сейчасъ же опять примешься за нее: только съ трудомъ рѣшишься разстаться съ цѣлымъ рядомъ главъ и тутъ же опять съ увлеченіемъ перечитываешь ихъ; а за ними слѣдуютъ другія главы, способныя привести въ безнадежное настроеніе своими длиннотами, и тяжеловѣсностью изло-

женія. Величественныя группы людей и событій, проходящія передъ нами, на столько разнообразны, что едва хватаетъ времени просто окинуть ихъ взоромъ; и все же онѣ оставляютъ въ насъ неизгладимое впечатлѣніе очарованія. Все въ этомъ романѣ, если угодно, отдѣльные куски; но эти куски изготовлены изъ драгоцѣннаго матеріала. Уже первая глава цѣликомъ переноситъ читателя, переноситъ съ силой, которую можно сравнить развѣ только съ дѣйствіемъ драматическаго представленія, въ ту эпоху, которую авторъ воскрешаетъ передъ нашими глазами; происшествія, наблюденія, описанія сыпятся одно за другимъ въ безпримѣрномъ количествѣ. Смѣшанный гулъ многихъ голосовъ, шумъ различныхъ источниковъ, быстрая смѣна картинъ, охватывающихъ жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, отъ чарующей прелести утонченныхъ наслажденій до самыхъ непосредственныхъ и грубыхъ проявленій народнаго инстинкта—такое впечатлѣніе оставляютъ въ читателѣ три первыхъ тома „Войны и мира". Въ четвертомъ, послѣднемъ томѣ фантазія автора страннымъ образомъ истощается, ея мѣсто заступаютъ сухія разсужденія и измышленія, такъ что едва понимаешь, какимъ образомъ могло случиться, что тотъ же самый художникъ, который въ первыхъ трехъ томахъ своего романа такъ захватываетъ, возбуждаетъ и потрясаетъ читателя, наводитъ на него такую безмѣрную скуку въ послѣднемъ. Не будь, однако, этого противорѣчія въ планѣ и выполненіи, весь романъ не былъ бы романомъ Толстого; нужно понять эту особенность Толстого, но не слѣдуетъ порицать его за это. Что же касается наиболѣе удачныхъ частей романа, то онѣ оставляютъ неизмѣнно одно и то же впечатлѣніе, что это прочное литературное пріобрѣтеніе первостатейнаго качества. Такой колоссальной картины русской жизни за время 1805—1812 годовъ, какая развертывается передъ нами въ „Войнѣ и мирѣ", еще не было въ литературѣ сарматской равнины и, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, никогда не будетъ. Авторъ задался мыслью—дать самую точную картину этого достопримѣчательнаго пе-

ріода, изобразить жизнь той эпохи во всѣхъ ея проявленіяхъ, не опуская ни одной, даже наималѣйшей, подробности, если только она можетъ имѣть значеніе для пониманія цѣлаго. Передъ нами развертывается во всю ширь картина военной жизни—въ лагерѣ, на полѣ битвы, въ военномъ совѣтѣ, на парадѣ и въ лазаретѣ. Толстой съ удовольствіемъ останавливается на великихъ міра сего,—съ удовольствіемъ, въ которомъ нельзя не подмѣтить тонкой ироніи. Но, изображая придворную жизнь, пріемныя залы королей и императоровъ, Толстой такъ же охотно и увѣренно проходитъ и всю лѣстницу человѣческаго общества, спускается въ салонъ знатной дамы, въ дворянскія семьи, противопоставляетъ городской жизни жизнь въ деревнѣ, показываетъ народъ на улицахъ и въ кабакахъ, за работой, среди удовольствій, во время церковной молитвы, не упуская изъ виду ни одного мѣстечка, ни одного момента, въ которыхъ отражаются достойныя вниманія особенности русской жизни. Обиліе и разнообразіе ситуацій, большое число лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ романѣ, въ значительной мѣрѣ затрудняютъ чтеніе. Нужно все время поддерживать вниманіе въ напряженномъ состояніи, чтобы держать твердой рукой нити этой хитро-сплетенной ткани. Если присмотрѣться поближе къ пріемамъ поэтическаго воспроизведенія, легко видѣть, какъ далеко въ глубь дѣйствительной жизни пустило оно свои корни. Знаніе жизни, свѣдѣнія, собранныя авторомъ, даютъ ему возможность говорить о событіяхъ, описанныхъ въ романѣ, какъ о событіяхъ, лично пережитыхъ; а его необыкновенная память предоставляетъ въ его распоряженіе массу отдѣльныхъ характерныхъ особенностей людей, которыми онъ пользуется съ неподражаемымъ умѣньемъ для законченной обрисовки лицъ, выводимыхъ въ романѣ. Сама собой приходитъ на память широкая, сильная манера письма, которой пользуется для своихъ батальныхъ картинъ знаменитый соотечественникъ Толстого, художникъ Верещагинъ; сами собой вспоминаются поразительная иллюзія, которая овладѣваетъ зрителемъ передъ картинами этого художника, порвавшаго

съ традиціей и рѣшившагося взглянуть на жизнь собственными глазами, его искусство вольнаго воздуха и свѣта, отказавшееся отъ блѣднаго освѣщенія мастерской и какъ будто переносящее на полотно настоящій воздухъ и настоящій свѣтъ. Въ романѣ Толстого искусство востока преподноситъ западу нѣчто совершенно новое во многихъ отношеніяхъ—болѣе глубокое проникновеніе въ природу человѣка, болѣе глубокое пониманіе данной расы и народнаго движенія, сопровождаемое безконечнымъ количествомъ тонкихъ освѣщеній и рефлексовъ.

„Ярмарку тщеславія" (Vanity fair), свой первый крупный романъ, событія котораго совершаются почти въ одно время съ событіями, описанными Толстымъ, Уильямъ Тэккерей назвалъ „романомъ безъ героя (A novel without a hero)". Это заглавіе съ полнымъ успѣхомъ можно было бы поставить и на романѣ Толстого: въ немъ нѣтъ героя, нѣтъ и нельзя найти его, сколько бы ни искать—книга писалась съ цѣлью доказать ошибочность именно этой идеи. Ни одинъ отдѣльный человѣкъ, какъ бы великъ и геніаленъ онъ ни былъ, не въ состояніи, по мнѣнію автора, имѣть столько силы и вліянія, чтобы опредѣлять и рѣшать судьбу страны въ такіе важные историческіе моменты, какимъ было нашествіе Наполеона на Россію. А выполняетъ эту задачу таинственный, непостижимый для человѣческаго духа законъ исторіи, во исполненіе котораго работаютъ милліоны воль, работаютъ безсознательно, вызывая чувства и страсти въ нѣдрахъ семьи, въ публичной жизни, вездѣ, гдѣ только для нихъ есть возможность такъ или иначе проявиться. То, что мы называемъ великимъ человѣкомъ, есть только продуктъ, сумма огромнаго количества интеллектовъ и воль, выдвигающихъ его на первый планъ и принуждающихъ его дѣлать то, что на первый взглядъ онъ выполняетъ по собственному побужденію. Не будь этихъ неуловимыхъ по своей ничтожности силъ, сливающихся въ одномъ опредѣленномъ индивидуумѣ, этотъ послѣдній ничего не значилъ бы даже при самыхъ богатыхъ личныхъ дарованіяхъ. Ко-

роль и крестьянинъ одинаково принуждены подчиняться этой таинственной силѣ, ищущей выхода. Принимая то пониманіе исторіи, согласно которому малыя причины влекутъ за собой великія событія, Толстой становится на точку зрѣнія бо́клевской философіи исторіи. По его взгляду, такъ называемые „великіе люди“—только „этикеты, которые даютъ событію имя“. Слова „случай“ и „геній“ мы употребляемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда не знаемъ хорошенько, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ данное явленіе, или же—когда усматриваемъ силу, которая не согласуется съ обыкновенными человѣческими свойствами. Чрезвычайно нагляднымъ образомъ поясняетъ Толстой свой взглядъ на исторію въ „Эпилогѣ“ къ роману, желая помочь своему недоумѣвающему читателю и однимъ ударомъ, примѣромъ изъ жизни животныхъ, уничтожить въ немъ пустившую глубокіе корни вѣру въ героевъ. При этомъ вполнѣ естественнымъ выходитъ у него и потому не должно казаться ни попыткой сострить, ни оскорбленіемъ то, что для примѣра, который долженъ подтвердить правильность его воззрѣнія, онъ беретъ то самое четвероногое, которое, по общему убѣжденію, представляетъ самый рѣзкій контрастъ съ человѣкомъ, какой только можно придумать. Толстой говоритъ: „Для стада барановъ тотъ баранъ, который каждый вечеръ отгоняется овчаромъ въ особый денникъ къ корму и становится вдвое толще другихъ, долженъ казаться геніемъ. И то обстоятельство, что каждый вечеръ именно этотъ самый баранъ попадаетъ не въ общую овчарню, а въ особый денникъ къ овсу, и что этотъ, именно этотъ самый баранъ, облитый жиромъ, убивается на мясо, должно представляться поразительнымъ соединеніемъ геніальности съ цѣлымъ рядомъ необычайныхъ случайностей. Но баранамъ стоитъ только перестать думать, что все, что дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей; стоитъ допустить, что происходящія съ ними событія могутъ имѣть и непонятныя для нихъ цѣли, и они тотчасъ же увидятъ единство, послѣдовательность въ томъ, что происходитъ съ от-

кармливаемымъ барановъ. Ежели они и не будутъ знать, что все случившееся съ барановъ, случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды ни въ понятіи случая, ни въ понятіи генія". Послѣ такого разъясненія нисколько не удивительно, что Толстой даетъ „великимъ людямъ" въ высшей степени умѣренныя характеристики; вездѣ, гдѣ только представляется случай, рѣшительно отрицаетъ ихъ право на безсмертіе; выдвигаетъ на первый планъ ихъ маленькіе недостатки и слабости и повсюду усматриваетъ человѣческія способности только средняго качества. Простой солдатъ, неуклонно выполняющій свой долгъ, кажется нашему писателю столько же достойнымъ имени героя, сколько и знаменитѣйшій полководецъ; и тѣ человѣческія свойства, которыя имѣетъ послѣдній, тѣ же самыя и такъ же устроены, какъ и у самаго послѣдняго человѣка изъ народа. Какъ психологъ и поэтъ, онъ не обращаетъ рѣшительно никакого вниманія ни на ту идеализацію, которая окружаетъ отдѣльныя личности особымъ ореоломъ, ни на тотъ пьедесталъ, на которомъ стоятъ эти личности въ глазахъ толпы. Духъ народа, взятаго въ цѣломъ, во всѣхъ своихъ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ—единственное, что̀ представляетъ собой интересъ для Толстого. Чтобы охарактеризовать этотъ духъ, обрисовываетъ онъ все, въ чемъ проявляется онъ съ наивозможною широтой и ясностью и дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ малое и едва уловимое—великимъ и сразу бросающимся въ глаза.

На почвѣ этихъ взглядовъ выросли характеристики, даваемыя авторомъ въ „Войнѣ и мирѣ"; этими взглядами вполнѣ объясняется и особенность его характеристикъ: онъ возбуждаетъ наше удивленіе передъ людьми, памяти о которыхъ не сохранили для насъ ни монументы, ни хроники, и въ той же мѣрѣ понижаетъ уровень дѣйствительно историческихъ фигуръ. Толстой изображаетъ императора Александра и Наполеона такъ, какъ въ пору развѣ только художнику-жанристу: онъ относится къ первому со всей горячностью патріотическаго чувства русскаго человѣка, который съ трепещущимъ сердцемъ

слѣдитъ за рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи своего народа и чувствуетъ въ глубинѣ души свою неразрывную связь съ царемъ-батюшкой; онъ смотритъ на второго глазами слѣпой ненависти, которая видитъ во врагѣ воплощеніе всѣхъ золъ, достойнаго презрѣнія тирана и опаснаго комедіанта, не стремясь къ болѣе глубокому пониманію демоническаго и сложнаго характера этого человѣка, который, казалось, наложилъ цѣпи на весь міръ. Когда, послѣ объявленія войны, императоръ Александръ прибылъ въ Москву, народъ окружаетъ кремлевскій дворецъ, желая выказать ему свою преданность. Послѣ обѣда императоръ выходитъ на балконъ—показаться ликующей толпѣ. У него въ рукѣ кусокъ бисквита, который разсыпается и падаетъ на землю. Онъ видитъ, какъ бросился народъ подбирать эти крошки и тутъ же разбрасываетъ цѣлое блюдо бисквитовъ въ народъ, который устраиваетъ изъ-за нихъ страшную давку. Отдѣльные характерные случаи, отдѣльныя характерныя черты—предпочтительный пріемъ, которымъ пользуется авторъ и при характеристикѣ императора Александра, блестящая, счастливая юность котораго имѣла такъ мало общаго съ кровью и желѣзомъ, что онъ болѣзненно вздрагиваетъ при видѣ раненаго солдата и чувствуетъ себя глубоко потрясеннымъ, и при характеристикѣ императора Франца, котораго авторъ представляетъ намъ какъ „краснощекаго молодого человѣка съ длиннымъ лицомъ“, и при описаніи Наполеона.

Понятно само собой, что Бонапартъ Толстого далеко не тотъ Бонапартъ, котораго мы знаемъ по историческому труду Тьера. Его пріемъ описанія скорѣе можно сравнить съ тѣми интимными характеристиками, которыя даютъ Сарду въ „Герцогинѣ-прачкѣ“ (Madame sans gêne) и Артуръ Леви въ „Интимной жизни Наполеона“ (Napolen intime). Императоръ французовъ появляется въ романѣ Толстого всегда только эпизодически; получается такое впечатлѣніе, какъ будто маякъ время отъ времени ярко, но только на нѣсколько мгновеній освѣщаетъ стоящую вдали фигуру. Въ такомъ видѣ является онъ передъ нами прежде всего въ концѣ перваго тома, во

время сраженія при Аустерлицѣ; онъ проѣзжаетъ верхомъ мимо князя Андрея Болконскаго, который весь въ крови, испуская тихіе стоны, лежитъ на землѣ; Наполеонъ считаетъ Болконскаго убитымъ, въ то время какъ послѣдній чувствуетъ, какъ понижается вдругъ въ его глазахъ личность этого сильнаго повелителя, въ войнѣ противъ котораго онъ принялъ участіе, но который всегда жилъ въ душѣ его, какъ идеалъ, — понижается настолько, что въ этотъ моментъ Наполеонъ кажется ему совсѣмъ ничтожнымъ. Императоръ, только что сказавшій, что смерть Болконскаго — прекрасная смерть, замѣчаетъ понемногу, что онъ еще живъ, и приказываетъ отправить его на перевязочный пунктъ. Затѣмъ мы видимъ Наполеона вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, и намъ говорятъ, что на лицѣ корсиканца лежитъ противная фальшивая улыбка. Онъ проситъ у своего союзника позволенія наградить храбрѣйшаго изъ его солдатъ орденомъ Почетнаго Легіона. Императоръ снимаетъ перчатку со своей маленькой бѣлой руки, разрываетъ ее при этомъ, беретъ, не глядя, отъ услуживающаго пажа орденъ и кладетъ его на грудь самаго рослаго солдата, въ то время какъ услужливыя руки, французскія и русскія, подхватываютъ и прикрѣпляютъ орденъ. Толстой изображаетъ Наполеона плохимъ кавалеристомъ, неувѣренно чувствующимъ себя на своемъ прекрасномъ, сѣромъ арабѣ. И дальше авторъ касается императора французовъ только мимоходомъ, ставитъ его постоянно на заднемъ планѣ; и только во второй главѣ третьяго тома выступаетъ онъ въ болѣе яркой характеристикѣ, когда, сопровождаемый оглушительными криками восторженнаго привѣтствія, онъ приближается къ Нѣману. По колеблющемуся понтонному мосту переѣзжаетъ онъ верхомъ на другой берегъ, сходитъ съ лошади, садится на бревно, осматриваетъ мѣстность въ подзорную трубу, которая лежитъ на плечѣ пробѣгавшаго мимо, сіяющаго счастьемъ пажа, и отдаетъ приказаніе отыскать бродъ для переправы войскъ. Тутъ происходитъ одинъ необыкновенно характерный случай, который даетъ намъ самое яркое представленіе объ

импонирующей силѣ императора и его безграничномъ презрѣніи къ людямъ. Старый уланскій полковникъ проситъ позволенія переправиться черезъ рѣку, не отыскивая брода. Ему позволяютъ это, и онъ бросается съ своими солдатами верхомъ въ рѣку. Много людей и лошадей захлебнулось на глазахъ императора, который нетерпѣливо ходитъ взадъ и впередъ по берегу, даетъ приказанія своему генералу и съ выраженіемъ скуки и досады кидаетъ время отъ времени взоръ на смертельную борьбу этихъ несчастныхъ созданій съ волнами рѣки.

Когда французскія войска перешли русскую границу, императоръ Александръ письмомъ просилъ Наполеона отступить. Наполеонъ принимаетъ русскаго генералъ-адъютанта, твердымъ, увѣреннымъ шагомъ входя въ комнату аудіенцій. Мы приводимъ здѣсь это мѣсто, такъ какъ оно очень характерно для тѣхъ пріемовъ, которыми пользуется Толстой, описывая своихъ дѣйствующихъ лицъ: „Онъ только что окончилъ свой туалетъ для верховой ѣзды. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, раскрытомъ надъ бѣлымъ жилетомъ, спускавшимся на круглый животъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, обтягивавшихъ жирныя ляжки короткихъ ногъ, и въ ботфортахъ. Короткіе волоса его, очевидно, только что были причесаны, но одна прядь спускалась книзу надъ серединой широкаго лба. Бѣлая, пухлая шея его рѣзко выступала изъ-за чернаго воротника мундира; отъ него пахло одеколономъ. На моложавомъ, полномъ лицѣ его съ выступающимъ подбородкомъ было выраженіе милостиваго величественнаго императорскаго привѣтствія. Онъ вышелъ, быстро подрагивая на каждомъ шагу и откинувъ нѣсколько назадъ голову. Вся его потолстѣвшая короткая фигура съ широкими, толстыми плечами и невольно выставленнымъ впередъ животомъ и грудью имѣла тотъ представительный, осанистый видъ, который имѣютъ въ холѣ живущіе сорокалѣтніе люди. Кромѣ того, видно было, что онъ въ этотъ день находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа“. Пристальный взглядъ Наполеона приводитъ адъютанта въ смущеніе; отрывистая, нервическая рѣчь императора

едва даетъ ему возможность вставить слово. Мы какъ будто видимъ Наполеона, его сверкающіе глаза, его дрожащую лѣвую ногу. Такъ и кажется, что мы слышимъ его голосъ, этотъ повышенный тонъ и ускоренный темпъ рѣчи, когда русскій адъютантъ начинаетъ излагать условія своего императора. Все чаще берется Наполеонъ за свою золотую табакерку, все быстрѣе начинаетъ онъ ходить по комнатѣ, и съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, кричитъ адъютанту: „Знайте, что ежели вы поколеблете Пруссію противъ меня, знайте, что я сотру ее съ карты Европы“. За столомъ онъ опять милостиво обходится съ адъютантомъ и, какъ любознательный туристъ, разспрашиваетъ его о Москвѣ, о церквяхъ и монастыряхъ, находящихся въ этой древней русской столицѣ.

Въ другой разъ мы видимъ Наполеона въ уборной, въ палаткѣ; и тутъ—описаніе, не менѣе характерное для точки зрѣнія Толстого: „Онъ, пофыркивая и покряхтывая, поворачивался то толстою спиной, то обросшею жирною грудью подъ щетку, которою камердинеръ растиралъ его тѣло. Другой камердинеръ придерживая пальцемъ склянку, брызгалъ одеколономъ на выхоленное тѣло императора съ такимъ выраженіемъ, которое говорило, что онъ одинъ могъ знать, сколько и куда надо брызнуть одеколона. Короткіе волосы Наполеона были мокры и спутаны на лобъ. Но лицо его, хотя опухшее и желтое, выражало физическое удовольствіе“. Въ это время въ спальню входитъ адъютантъ и докладываетъ, сколько взято плѣнныхъ. Затѣмъ, въ комнатѣ аудіенцій, Наполеонъ принимаетъ подарокъ императрицы, своей супруги, писанную Жераромъ картину, на которой изображенъ прекрасный, кудрявоголовый мальчикъ, котораго родила ему дочь австрійскаго императора, римскій король, играющій въ мячъ, при чемъ мячемъ служитъ земной шаръ, а палочкой — скипетръ. Наполеонъ одинъ остается передъ картиной, и его глаза заволакиваются. Затѣмъ онъ приказываетъ вынести картину изъ палатки и показать старой гвардіи, встрѣчающей ее оглушительнымъ „Vive l'empereur!“ Толстой цитируетъ

изъ записокъ Наполеона на островѣ св. Елены то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о своемъ намѣреніи создать въ Европѣ систему благоденствія и мира, и замѣчаетъ съ глубокимъ негодованіемъ: „Онъ, предназначенный Провидѣніемъ на печальную, несвободную роль палача народовъ, увѣрялъ себя, что цѣль его поступковъ была благо народовъ и что онъ могъ руководить судьбами-милліоновъ и путемъ власти дѣлать благодѣянія!“ Наконецъ, Наполеонъ на Поклонной горѣ; передъ нимъ раскинулась Москва; имъ овладѣваетъ чувство безпокойнаго любопытства, когда онъ ощущаетъ біеніе пульса и дыханіе этого огромнаго, прекраснаго тѣла, столицы Россіи— тутъ штрихи Толстого грубѣе, краски проще; но и тутъ его описанія дѣйствуютъ такъ же, какъ картины Верещагина за послѣднее время, когда художникъ съ особою любовью обрабатывалъ походъ Наполеона въ Россію. Какъ ни старается романистъ отнять у французскаго императора черты героя, все же онъ производитъ безконечно болѣе сильное, импонирующее впечатлѣніе, чѣмъ неискусные русскіе генералы, мечтательный императоръ Александръ, старый главнокомандующій Кутузовъ, своею медлительностью почти исчерпывающій терпѣніе своего государя и засыпающій на военномъ совѣтѣ, когда принимается самое важное рѣшеніе. Кажущаяся геніальность и неодолимость Наполеона разсыпаются вдребезги объ его противниковъ, которымъ трудно приписать какія-либо заслуги, только потому, думаетъ Толстой, что этого хотѣлъ ходъ исторіи; подтвержденіе этого мнѣнія мы находимъ также въ другомъ мѣстѣ романа, гдѣ Толстой говоритъ: „Какъ солнце и каждый атомъ эѳира есть шаръ, законченный въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго человѣку по огромности цѣлаго, такъ и каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ“.

Въ неподдѣльный восторгъ приводятъ читателя картины изъ военной жизни, которыми богатъ романъ Толстого. Ихъ свѣжесть, наглядность, оригинальность несравненны. На первый взглядъ кажется, что фигуры

проходятъ передъ нами въ самомъ запутанномъ безпорядкѣ; однако, нетрудно замѣтить, какъ объединяются онѣ въ отдѣльныя, рѣзко обособленныя группы. Мастерскимъ произведеніемъ первостепеннаго качества является прежде всего описаніе русской арміи, которая, въ составѣ тридцати пяти тысячъ человѣкъ, отступаетъ въ полномъ безпорядкѣ черезъ мостъ у Браунау и въ это время обстрѣливается французами. Тургеневъ называлъ это описаніе единственнымъ въ своемъ родѣ во всей вообще литературѣ; тонкій знатокъ русской жизни, виконтъ де-Вогюэ, говоритъ въ своей книгѣ „Le roman russe", что только отдѣльныя сцены изъ „Лагеря Валленштейна" можно поставить на-ряду съ этой картиной. Подобную картину можетъ создать только тотъ, кто самъ, съ ружьемъ въ рукѣ, съ почернѣвшимъ отъ пороха лицомъ, стоялъ передъ врагомъ. Вмѣсто блѣдныхъ набросковъ, созданныхъ фантазіей, мы видимъ тутъ суровую, неумолимую, грубую дѣйствительность, какъ переживаетъ ее отдѣльный человѣкъ. Вполнѣ естественно, что кругъ зрѣнія отдѣльнаго участника битвы охватываетъ только очень небольшую часть сраженія, отдѣльную сцену этой потрясающей драмы. Но то, что этотъ кругъ захватываетъ, проникнуто живымъ чувствомъ, необыкновеннымъ возбужденіемъ ума и сердца, душевной тревогой и страхомъ смертельнымъ или честолюбіемъ и мужествомъ, которыя одухотворяютъ каждую фибру его существа. Онъ ведетъ себя, онъ говоритъ совсѣмъ не такъ, какъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Рѣзко запечатлѣвается въ нашемъ воображеніи этотъ обуреваемый сильными чувствами образъ человѣка, сбросившаго съ себя всѣ условности обыденной жизни, и быстро смѣняется другимъ, который не менѣе рельефно характеризуетъ данный моментъ. Мы какъ будто смотримъ на калейдоскопъ, самая малая частица котораго отражаетъ приковывающее вниманіе, богатое оттѣнками общее настроеніе. Въ третій—разъ и опять по новому поводу—приходитъ на память сходство между Толстымъ и Верещагинымъ. На этотъ разъ оно касается не искусства живописать словами и красками и не сходства въ сюже-

тахъ, а пониманія сущности войны. Оба они отрекаются отъ традиціонныхъ образцовъ, создававшихся съ цѣлью превознести боевую славу, и оба изображаютъ страшную строгость смерти отъ пороха и свинца, изображаютъ тщательно, подробно до осязаемости, такъ какъ сами смотрѣли въ глаза смерти. Какъ Толстой, описывая сраженія при Аустерлицѣ, Фридландѣ и Бородино, не щадитъ ужасовъ, чтобы возбудить въ читателѣ самое глубокое состраданіе къ жертвамъ битвы, такъ точно и Верещагинъ, на своихъ картинахъ изъ русско-турецкой войны, рисуетъ раздирающія душу картины страданія раненыхъ въ транспортѣ, въ лазаретѣ, въ безпомощномъ положеніи на опустѣвшемъ полѣ битвы. Толстой заставляетъ насъ самихъ перечувствовать, какъ мучительно сжимаются сердца при атакѣ, какъ унижаетъ бѣгство. Онъ прямо показываетъ намъ не имѣющія названія страданія жертвъ битвы. Даже въ моменты приподнятаго настроенія, когда вокругъ костра завязывается живая и пріятная бесѣда или сознаніе побѣды наполняетъ грудь гордостью, онъ ясно даетъ понять, какъ далеко все это отъ истиннаго идеала гуманности и источника дѣйствительнаго счастья, несмотря на всю свою громкую славу.

Въ трехъ поколѣніяхъ проходитъ передъ нами тогдашнее русское общество,—отъ властолюбивыхъ дѣдовъ, которые всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ принадлежатъ эпохѣ просвѣщенія восемнадцатаго столѣтія, полны безмѣрнымъ самомнѣніемъ и потому презрительно посматриваютъ на окружающую жизнь, до мечтательной молодежи, которая еще вѣритъ въ идеалъ, готова жертвовать жизнью для высокой цѣли и съ полнымъ довѣріемъ подходитъ къ людямъ. Въ салонѣ придворной дамы Анны Шереръ мы видимъ руководящіе круги первой четверти прошлаго столѣтія. Этотъ салонъ—сборное мѣсто для свѣтскихъ людей и карьеристовъ всякаго рода, мѣсто, гдѣ одѣваются по новѣйшимъ модамъ и обсуждаютъ салонныя свѣжія вѣсти; гдѣ все клонится къ тому, что угодно при дворѣ, и держатъ плащъ по вѣтру; гдѣ молодыя дѣвушки ищутъ себѣ мужа, а замужнія женщины—любовника; гдѣ золотая молодежь засиживается

до тѣхъ поръ, пока не найдетъ менѣе стѣснительнаго общества за карточнымъ столомъ, за попойкой или у пріятныхъ дамъ. Въ этомъ кружкѣ петербургской придворной фрейлины мы встрѣчаемъ членовъ двухъ фамилій, Болконскихъ и Ростовыхъ, судьба которыхъ составляетъ главное содержаніе романа, а затѣмъ замѣчательную фигуру Пьера Безухова. Писатель имѣлъ въ виду изобразить русскую жизнь, какъ она развивалась подъ вліяніемъ особыхъ политическихъ и соціальныхъ условій въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, въ ея здоровыхъ и больныхъ элементахъ. Представителями здороваго духа являются Пьеръ Безуховъ, Андрей Болконскій и Николай Ростовъ; представительницы его—Наташа Ростова и Марія Болконская. Путемъ упорной духовной работы надъ собой подъ вліяніемъ окружающихъ условій переходятъ Безуховъ и Болконскій отъ шаткаго и пустого существованія къ познанію того, что одно только даетъ жизни смыслъ и цѣну. Но въ то время, какъ Пьеръ дѣлами можетъ доказать, что онъ вышелъ изъ тяжелаго испытанія цѣльнымъ человѣкомъ, это просвѣтлѣніе приходитъ къ его другу только тогда, когда онъ готовъ уже заплатить смертью за свою храбрость и свой патріотизмъ.

Въ лицѣ Пьера Безухова Толстой даетъ оригинальный характеръ, который одновременно воплощаетъ въ себѣ специфическія духовныя свойства русскаго народа и исчерпываетъ важнѣйшія черты духовнаго образа своего творца. Онъ дурно воспитанъ и нерѣшителенъ, по временамъ дикъ и горячъ. Въ немъ кипитъ такая сила чувствъ, волнуется такая бездна ощущеній, о которыхъ нельзя съ увѣренностью сказать, къ чему приведутъ онѣ своего обладателя—дадутъ ему высшую духовную жизнь или свергнутъ его въ пропасть. Въ салонѣ придворной дамы Шереръ онъ играетъ роль полуукрощеннаго медвѣдя, который всякую минуту можетъ ринуться на своихъ враговъ, но ослѣпленъ блескомъ общества и чувствуетъ себя смущеннымъ. То тутъ, то тамъ разражается онъ не кстати, неумѣло своими демократическими взглядами, привезенными изъ-за границы, говоритъ о возможности республики въ Россіи, о побѣдѣ надъ Наполео-

номъ. Проживши нѣкоторое время съ своей женой, безсердечной Эленъ, которая обманываетъ его, онъ начинаетъ размышлять о жизни. Что хорошо? Что дурно? Что нужно любить? Что—ненавидѣть? Къ чему мы живемъ и что мы такое? Что означаетъ смерть и какая сила дѣйствуетъ во всемъ томъ, что окружаетъ насъ? Вотъ вопросы, отвѣта на которые онъ ищетъ, и въ концѣ концовъ онъ отчетливо сознаетъ, что именно это сомнѣніе и составляетъ настоящую причину его несчастья и недовольства. Встрѣча съ однимъ масономъ производитъ на него столь глубокое впечатлѣніе, что онъ сразу склоняется къ гуманнымъ идеямъ этого союза и рѣшаетъ такъ устроить свою жизнь, какъ требуютъ того заповѣди религіи и филантропія. Онъ сбрасываетъ съ себя недостойныя цѣпи своего несчастнаго брака и приходитъ къ пониманію самого себя и тѣхъ задачъ, которыя жизнь поставила его народу. При посѣщеніи своихъ имѣній въ Кіевской губерніи онъ думаетъ о положеніи своихъ крестьянъ, о необходимости помочь имъ, освободить ихъ отъ крѣпостного состоянія, въ которомъ они томятся, отмѣнить тѣлесныя наказанія, устроить для нихъ школы и больницы. Могучая волна національнаго движенія, которому суждено было выбросить за предѣлы имперіи корсиканскаго завоевателя, какъ море выбрасываетъ обломки корабля, захватила все существо Пьера. Онъ покидаетъ легкомысленный міръ салоновъ, чтобы совершить великое дѣло освобожденія своего народа. Пьеръ остается въ опустѣвшей Москвѣ и ждетъ вступленія враговъ, твердо рѣшившись убить императора французовъ. Тутъ его берутъ въ плѣнъ и присуждаютъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими преступниками, къ разстрѣлянію; но его помиловали; и тутъ изъ устъ крестьянина, раненаго солдата Каратаева, онъ слышитъ евангеліе любви къ ближнимъ и чистоты сердца, которое вызываетъ въ немъ полное нравственное перерожденіе. Опять весь, „разумъ разумныхъ“ оказывается безсильнымъ передъ простымъ чувствомъ близкаго къ природѣ человѣка, который въ сознаніи долга, въ трудѣ, въ самоотверженіи и кротости нашелъ глубокое содержаніе жизни. Такимъ

путемъ достигаетъ Пьеръ своей цѣли, послѣ продолжительной борьбы; и, въ твердомъ упованіи на Бога, онъ чувствуетъ въ себѣ силу начать новое существованіе рядомъ съ давно желанной женой. Мистическіе и религіозные моменты, принимающіе участіе въ перерожденіи характера Пьера, вполнѣ въ духѣ того времени, которое видѣло въ Наполеонѣ антихриста и въ которое не послѣднее мѣсто занимала вѣра, что Наполеонъ будетъ побѣжденъ оружіемъ православія.

На-ряду съ грубоватымъ, самобытнымъ Пьеромъ князь Андрей Болконскій является опытнымъ свѣтскимъ кавалеромъ, который такъ же чувствуетъ себя въ салонѣ, какъ и дома, и мужественно, какъ герой, держится на полѣ битвы. Но его жизнь тратится на мелочи, такъ какъ его аристократическое чувство мѣшаетъ ему любить людей, стоящихъ ниже его, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни великой идеи, ни сильной страсти, которыя могли бы поглотить его. Болконскій—типъ современнаго скептика и эгоиста, потерявшаго вѣру и въ себя, и въ своихъ ближнихъ. Онъ испытываетъ тяжелое разочарованіе въ своемъ чувствѣ къ Наташѣ Ростовой; въ сраженіи при Бородино получаетъ смертельную рану; и только тутъ, на одрѣ смерти, когда за нимъ ухаживаетъ та самая женщина, которую онъ надѣялся назвать своею, приходитъ къ нему болѣе глубокое пониманіе жизни. Онъ умираетъ въ тотъ самый моментъ, когда для него становится вполнѣ яснымъ, что жить стоитъ. Бурный натискъ идей, которыя со времени эпохи просвѣщенія и французской революціи начали проникать съ запада въ Россію, живетъ въ обоихъ этихъ людяхъ, но только одному даетъ силу для жизненной битвы, а другой умираетъ какъ разъ тогда, когда солнце славы и любви готово озарить его лицо. Совсѣмъ иначе созданъ третій, не менѣе интересный характеръ—юный Николай Ростовъ. Онъ является энергичнымъ человѣкомъ, который счастливъ тѣмъ, что достижимо, и не мучаетъ себя недостижимымъ. Онъ остается дѣятельнымъ человѣкомъ и въ мирное время, женится на княжнѣ Марьѣ и чувствуетъ себя въ кругу семьи не хуже, чѣмъ раньше—на полѣ сраженія, подъ грохотъ выстрѣловъ.

Но Толстой не только умѣетъ создавать мужчинъ, которые заставляютъ насъ проникнуться всѣми особенностями ихъ жизненныхъ условій, которымъ мы можемъ безгранично сочувствовать во всѣхъ и дѣлахъ и мысляхъ: онъ владѣетъ даромъ такъ живо изображать женскіе характеры, описывать ихъ любовь, ихъ страстныя стремленія съ такими тонкими оттѣнками, что намъ кажется, будто мы прямо кладемъ руку на трепещущее сердце и пылающее чело. Обыкновенно Тургенева считаютъ величайшимъ пѣвцомъ души, если нужно воспроизвести исчерпывающимъ образомъ душевное состояніе дѣвушки или женщины, когда въ ней волнуется кровь и страстное стремленіе къ любви и счастью переполняетъ ея душу. Въ „Войнѣ и мирѣ“ Толстой до такой степени идеально разрѣшаетъ эту задачу, что мы не удивились бы, еслибы даже самый преданный почитатель Тургенева отдалъ предпочтеніе безграничной правдивости и естественности созданнымъ Толстымъ женскимъ характерамъ. Мы говоримъ здѣсь о Марьѣ Болконской, которая потомъ стала супругой Николая Ростова, и сестрѣ послѣдняго Наташѣ, двухъ женскихъ лицахъ романа, широко и роскошно очерченныхъ этихъ несравненныхъ типахъ мечтательной идеалистки и страстной женщины, вращающейся среди реальныхъ интересовъ жизни. Самыя тонкія средства искусства употребляетъ Толстой, чтобы сдѣлать понятными и осязательными кроткую нѣжную душу одной и острую нервозность другой. Особенностью своею лишеннаго самостоятельности, угнетеннаго существованія, своимъ внутреннимъ самоотреченіемъ Марья Болконская тѣмъ рѣзче отличается отъ другихъ лицъ романа, что рядомъ съ ней стоитъ ея отецъ, старый князь Николай Болконскій, желѣзная натура стараго закала, въ которой все—воля, который убѣжденъ, что окружающіе его люди—только безвольный и мягкій матеріалъ, которому онъ можетъ давать форму по своему усмотрѣнію. Князь—типъ знатнаго человѣка временъ Екатерины Второй. Будь онъ на тронѣ, онъ, подобно Іоанну Грозному, повѣсилъ бы бичъ надъ цѣлымъ народомъ, ужасными казнями и страхомъ держалъ бы народъ въ

покорности. Онъ—тиранъ въ кругу своей семьи, импонирующій всѣмъ своимъ презрѣніемъ къ міру; безмѣрная вспыльчивость приводитъ его къ ошибкамъ; но у него бываютъ моменты величія души, освѣщающія необычныя свойства этого характера. Онъ является блестяще очерченной фигурой. Настроеніе, съ которымъ онъ отпускаетъ своего сына въ походъ, его смерть отъ разрыва сердца, постигающая его въ тотъ моментъ, когда непріятель вторгается въ страну, заканчиваютъ характеристику этого человѣка съ такимъ совершенствомъ, что въ каждой чертѣ его характера сразу узнаешь руку мастера. Бурную, страстную жизнь въ домѣ отца, постоянныя униженія, которыя приходится переносить, княжна Марья сопровождаетъ неизмѣнной миной терпѣнія, такъ какъ она ясно сознаетъ всю невозможность бороться съ неотвратимымъ. Совсѣмъ иной является передъ нами Наташа Ростова. Въ ней все—плѣнительные непонятные и опасные капризы и настроенія, увлекающія впередъ эту очаровательную женственную натуру; острое опьяняющее предчувствіе всѣхъ тѣхъ радостей, которыя можетъ дать жизнь молодой, хорошенькой, богатой и избалованной дѣвушкѣ; она вся соткана изъ тѣхъ неясныхъ и непродуманныхъ ощущеній, съ которыми такое созданное для любви существо, предчувствуя впечатлѣніе, которое должно вызвать одно только ея появленіе, идетъ на первый балъ и прямо всасываетъ комплименты кавалеровъ, какъ измученный жаждой путникъ освѣжающую влагу лѣсного источника. Она не можетъ руководить своими чувствами и расточаетъ свои симпатіи по всѣмъ направленіямъ. Мимолетное впечатлѣніе, произведенное тѣмъ или другимъ мужчиной, она принимаетъ за безповоротное рѣшеніе сердца. Сначала ей кажется, что она влюблена въ князя Бориса; затѣмъ ей кажется, что она влюблена въ Денисова—кажется потому, что она не знаетъ еще, что такое настоящая любовь. Обручившись, затѣмъ, съ княземъ Андреемъ Болконскимъ, она замѣчаетъ скоро, что тѣ грезы, которыя, быстро смѣняясь, какъ игра цвѣтовъ въ калейдоскопѣ, преслѣдовали ее,—что эти грезы разсѣялись,

какъ дымъ; замѣчаетъ, что ея женихъ можетъ дать ей только очень немногое въ отношеніи романтики чувства и истинной страсти, къ чему она стремится съ такой тоской. Не имѣя яснаго представленія о томъ, какъ быть и что дѣлать, она не въ силахъ противиться сближенію съ безсовѣстнымъ и къ тому же женатымъ человѣкомъ, Анатолемъ Курагинымъ, который пытается одурачить дѣвушку и проэктируетъ бѣжать съ ней. Но задуманный планъ своевременно раскрывается. Наташа расплачивается за свою непредусмотрительность опасной болѣзнью. Физическія страданія пробуждаютъ спавшія въ ней до сихъ поръ духовныя силы и даютъ возможность ея характеру распуститься пышнымъ цвѣтомъ. Съ каждымъ ударомъ, падающимъ на нее изъ рукъ судьбы, превращается постепенно это смѣющееся, жизнерадостное дитя міра сего въ серьезную, вдумчивую натуру, созрѣвающую для исполненія своего призванія. Два печальныхъ событія служатъ для нея школой жизни: смерть ея бывшаго жениха, князя Андрея, къ смертному одру котораго она спѣшитъ, чтобы ухаживать за нимъ, и смерть ея младшаго брата, Пети, павшаго въ сраженіи. Нельзя оцѣнить по достоинству перелива красокъ и прелести линій, которыми исполнены портреты этихъ двухъ женщинъ. Прослѣдите каждое въ отдѣльности изъ многихъ психическихъ превращеній, пережитыхъ Наташей, бывшей вѣтреной, опрометчивой дѣвушкой и ставшей женой своего мужа и матерью своихъ дѣтей; не избранное ли художественное наслажденіе даетъ эта картина развитія?

На-ряду съ главными лицами, писанными во весь ихъ ростъ, мы видимъ въ романѣ Толстого нѣсколько другихъ фигуръ, охарактеризованныхъ съ не меньшею прелестью, хотя и не съ такой подробностью, какъ тѣ, доходящей до едва уловимыхъ мелочей. Сюда относятся, между прочими, первая жена Пьера, Эленъ, которая любитъ только свою красоту и падаетъ нравственно все глубже и глубже; умный, простой Денисовъ, всѣми своими чувствами отдавшійся эпохѣ и ея воинственному теченію; буйный Долоховъ, бреттеръ и шуллеръ, заслужившій славу на полѣ битвы своимъ отчаяннымъ му-

жествомъ; наконецъ, упоминавшійся уже Анатоль Курагинъ. Сцена во время дикой попойки, когда Долоховъ заключилъ и выигралъ сумасшедшее пари, что онъ выпьетъ бутылку рома, сидя на подоконникѣ третьяго этажа, принадлежитъ къ разряду геніально и смѣло выполненныхъ разсказовъ, которые никогда не могутъ изгладиться изъ памяти читателя. Прекрасно описаніе волчьей травли у Ростовыхъ, когда пойманный звѣрь съ заткнутой глоткой былъ привязанъ на спину лошади, которую вели впереди возвращавшейся компаніи охотниковъ. Геніаленъ эпизодъ съ несчастнымъ, принятымъ за измѣнника, Верещагинымъ, котораго растерзалъ народъ, съ позволенія Растопчина. Что касается картины горящаго города, то она могла бы быть богаче красками, „разнообразнѣе и подробнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ въ романѣ Толстого. Но и здѣсь авторъ имѣлъ въ виду свои особыя цѣли,—тѣ самыя, которыя мы уже видѣли у него при описаніи сраженія—охарактеризовать индивидуальную жизнь, не вдаваясь въ театральные эффекты. Общее мнѣніе приписываетъ пожаръ Москвы, которымъ Наполеонъ былъ принужденъ къ отступленію, геройскому самопожертвованію графа Растопчина; Толстой оспариваетъ эту точку зрѣнія, основанную, по его мнѣнію, на той же вѣрѣ въ героевъ и великихъ людей, и пытается дать этой грозной катастрофѣ совсѣмъ иное и болѣе естественное объясненіе. Онъ говоритъ: „Французы приписывали пожаръ Москвы au patriotisme féroce de Rostopchine; русскіе—изувѣрству французовъ. Въ сущности же, причинъ пожара Москвы, въ томъ смыслѣ, чтобы отнести пожаръ этотъ на отвѣтственность одного или нѣсколькихъ лицъ, такихъ причинъ не было и не могло быть. Москва сгорѣла вслѣдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорѣть, независимо отъ того, имѣются ли или не имѣются въ городѣ сто тридцать плохихъ пожарныхъ трубъ. Москва должна была сгорѣть вслѣдствіе того, что изъ нея выѣхали жители, и такъ же неизбѣжно, какъ должна загорѣться куча стружекъ, на которую въ продолженіе нѣсколькихъ дней

будутъ сыпаться искры огня. Деревянный городъ, въ которомъ, при жителяхъ-владѣльцахъ домовъ и при полиціи, бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорѣть, когда въ немъ нѣтъ жителей, а живутъ войска, курящія трубки, раскладывающія костры на Сенатской площади изъ сенатскихъ стульевъ и варящія себѣ ѣсть два раза въ день. Стоитъ въ мирное время войскамъ расположиться на квартирахъ по деревнямъ въ извѣстной мѣстности, и количество пожаровъ въ этой мѣстности тотчасъ увеличивается. Въ какой же степени должна увеличиться вѣроятность пожаровъ въ пустомъ, деревянномъ городѣ, въ которомъ расположится чужое войско. Le patriotisme féroce de Rostopchine и изувѣрство французовъ тутъ ни въ чемъ невиноваты. Москва загорѣлась отъ трубокъ, отъ кухонъ, отъ костровъ, отъ неряшливости непріятельскихъ солдатъ, жителей—не хозяевъ домовъ. Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всякомъ случаѣ хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, такъ какъ безъ поджоговъ было бы тоже самое". Описывая отступленіе французской арміи, Толстой такъ-же далеко стоитъ отъ общепринятаго мнѣнія, которое въ переходѣ черезъ Березину видитъ рѣшительный моментъ, опредѣлившій окончательно гибель великой арміи. Толстой не видитъ въ этомъ эпизодѣ ничего рѣшающаго и считаетъ его просто одной изъ промежуточныхъ ступеней въ уничтоженіи французской арміи. Если позднѣе о Березинѣ писали такъ много, то случилось это только потому, что съ этого момента преслѣдованіе французскаго войска, довольно умѣренное до тѣхъ поръ, развернулось въ исполненную трагизма драму, которая осталась у всѣхъ въ памяти, и потому еще, что въ Петербургѣ, вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, былъ составленъ планъ заманить на этой рѣкѣ Наполеона въ стратегическую ловушку. Въ дѣйствительности же потери французовъ отъ выстрѣловъ въ другихъ мѣстахъ были значительнѣе, чѣмъ даже при Березинѣ.

Мы уже упоминали въ началѣ своего анализа „Войны и мира“, что „эпилогъ“ романа отнюдь не является достойнымъ художественнымъ завершенiемъ этого произведенiя, что скорѣе напротивъ—онъ ясно даетъ понять, какъ исчерпалась фантазiя автора, какъ безнадежна попытка автора искусственно расширить фабулу, сводящаяся въ заключенiе къ голымъ этическимъ и историко-философскимъ разсужденiямъ. Описанiе семейнаго счастья вѣнчаетъ это величественное сооруженiе, жизнь и работа въ собственномъ домѣ, мысль о существѣ, которое мы любимъ, которое опять дѣлаетъ насъ молодыми, давая намъ нашъ собственный портретъ, и съ которымъ мы связаны тысячью интересовъ, хотя чадъ любви давно уже прошелъ. То же, что мы видѣли въ повѣсти „Семейное счастье“ въ тѣсныхъ рамкахъ, составляетъ и въ этой великой народной эпопеѣ устой, который держитъ на себѣ счастье и судьбу людей. Какъ художникъ и поэтъ, Толстой не только описываетъ судьбы людей, которыя интересуютъ и волнуютъ насъ, но создаетъ еще нравственный идеалъ, вѣра въ который только съ трудомъ давалась его великому сопернику изъ-за перваго мѣста въ новѣйшей русской художественной литературѣ, Тургеневу, у порога котораго этотъ соперникъ почти неизмѣнно останавливается въ своихъ произведенiяхъ. У Тургенева любовь оканчивается въ большинствѣ случаевъ печальнымъ самоотверженiемъ и разочарованiемъ. Розы вянутъ; сладкiе звуки замираютъ; остается только сѣрый покровъ повседневной жизни, который разстилается надъ всѣмъ прекраснымъ и дающимъ счастье и рано или поздно душитъ его. А Толстой находитъ, что всякое истинное чувство вознаграждается прочнымъ прiобрѣтенiемъ, если люди свои страсти, свои надежды и стремленiя переносятъ на новое, грядущее поколѣнiе. Онъ какъ будто хочетъ крикнуть своимъ читателямъ: въ сыновьяхъ и дочеряхъ вашихъ можете вы лучше всего провѣрить, насколько выполнили вы свои обязанности строгой, свободной и прекрасной человѣчности!

Походъ Наполеона на Россiю опять воскресилъ идею нацiональности, неоцѣненную и забытую эпохой просвѣщенiя въ восемнадцатомъ вѣкѣ. За попытку объединить

въ одной всемірной монархіи различныя народныя группы свобода и цивилизація заплатили самыми страшными жертвами. Но тотъ же самый гнетъ, которымъ разсчитывали окончательно задавить національное самосознаніе, возродилъ его съ новой, непредвидѣнной силой. Въ пылающей Москвѣ зародился новый принципъ образованія и исторіи европейскихъ государствъ, коренившійся въ патріотизмѣ, готовомъ на всѣ крайности и въ единодушномъ взрывѣ національнаго чувства. Съ тѣхъ поръ этотъ принципъ господствуетъ въ Европѣ. Но провозглашенъ былъ онъ впервые подъ стѣнами Кремля.

„Анна Каренина“.

„Анна Каренина“, второй большой романъ Толстого, характеризуетъ русскую жизнь съ существенно иной стороны, чѣмъ „Война и миръ“. Грозный ураганъ, взволновавшій, какъ море въ непогоду, народную душу, пронесся надъ огромной имперіей и давно затихъ. Историческія событія, подготовившія паденіе первой французской имперіи, были далеко позади. Мы ощущаемъ дыханіе современной жизни и вступаемъ въ тѣсный кругъ семейныхъ отношеній, въ характеристикѣ которыхъ стоитъ на первомъ планѣ вопросъ объ отношеніяхъ между полами, какъ складываются они подъ вліяніемъ всесокрушающей силы любви и среди спокойной, уравновѣшенной обстановки семейной жизни. Новый романъ, печатавшійся въ первый разъ довольно долго, въ теченіе 1875—1878 годовъ, и въ полномъ собраніи сочиненій автора занимающій три тома, въ національномъ и культурно-историческомъ отношеніяхъ не имѣетъ такого значенія, какъ „Война и миръ“, но стоитъ выше послѣдняго романа по богатству личной жизни и по своему внутреннему значенію для пониманія личности писателя. „Анна Каренина“ отличается удивительной художественной правдой, полнымъ отсутствіемъ всего искусственнаго и абстрактнаго, цвѣтущей силой фантазіи, которая прямо заставляетъ насъ непосредственно переживать все то, о чемъ пишетъ авторъ; и въ то же время романъ

этотъ — полная исповѣдь, изложеніе окончательно сложившагося міросозерцанія Толстого. Сильнымъ шагомъ взошелъ онъ на вершину своего развитія и видитъ съ высоты его иную панораму, чѣмъ та, которая разстилалась передъ нимъ раньше, широкую, безграничную равнину, гдѣ въ непрерывной борьбѣ между свѣтомъ и тѣнью сливаются контуры и солнце понемногу склоняется къ западу. Но его глазъ еще можетъ хорошо различать предметы; его рука можетъ точно изобразить то, что видитъ глазъ. Онъ съ энергіей принимается за дѣло и заставляетъ насъ читать въ глубинѣ его души. Бурное влеченіе мужчины къ женщинѣ, которая принадлежитъ ему душой и тѣломъ, нѣжная чувствительность и безпокойство женщины, мечтающей предаться болѣе сильной волѣ и не находящей удовлетворенія, проходятъ черезъ весь романъ короткими, быстро смѣняющимися взрывами. А на-ряду съ этимъ—картина счастья, какое только достижимо для двухъ предназначенныхъ другъ для друга людей, и самоотверженія, на которое они должны быть готовы, въ здоровомъ бракѣ, — счастья, обусловленнаго разумно установленными отношеніями между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми. Обработкой обоихъ вопросовъ Толстой доказываетъ, что ничто человѣческое ему не чуждо, что онъ глубоко знаетъ жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Область чувственной жизни знакома ему съ рѣдкимъ совершенствомъ; голосу крови онъ повсюду предоставляетъ его дѣйствительныя права. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него нѣтъ ничего общаго съ утонченнымъ искусствомъ французскихъ романистовъ, стремящихся вызвать въ фантазіи своихъ читателей раздраженіе и замѣшательство. Не будучи педантичнымъ и безчувственнымъ моралистомъ, онъ остается тѣмъ не менѣе по-истинѣ нравственнымъ человѣкомъ, который никогда не упускаетъ изъ виду основныхъ принциповъ нашего общежитія и обязанностей индивидуума по отношенію къ обществу.

Романъ разыгрывается попеременно то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то въ окрестностяхъ этихъ двухъ русскихъ столицъ, мастерски охарактеризованныхъ со

всѣми часто несходными особенностями ихъ общественнаго быта. Въ сѣни Кремля царствуетъ во всей своей ширинѣ неподдѣльный русскій духъ, съ своей душевной привязанностью къ историческому прошлому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ своей односторонностью и неподвижностью; въ городѣ Петра Великаго — стремленіе къ западной Европѣ, перевѣсъ чиновничества и вліяніе двора. Между этими двумя центрами приблизительно равномѣрно распредѣляется содержаніе романа. Чужихъ краевъ авторъ касается только слегка, при описаніи одного нѣмецкаго курорта, куда путешествуетъ одно семейство, чтобы лѣчить дочь отъ болѣзни, вызванной неудачной любовью. Въ общемъ же содержаніе романа — исключительно русское и національное; дѣйствіе происходитъ въ кругу высшаго общества, воспроизводя жизнь его со всѣми особенностями, какія могли развиться только на огромной равнинѣ между Вислой и Ураломъ, заимствуя свою силу и оригинальность въ неисчерпаемомъ источникѣ самобытной народной жизни. Жена высокопоставленнаго петербургскаго чиновника, Анна Каренина, измѣняетъ своему мужу; неодолимая любовь къ молодому офицеру, Алексѣю Вронскому, охватываетъ ее съ такой силой, что она совершенно забываетъ свою семью и не обращаетъ никакого вниманія на общественное мнѣніе; полной чашей пьетъ она этотъ одуряющій напитокъ, но, когда этотъ очаровательный сонъ проходитъ, она не въ силахъ вынести ужаса пробужденія и въ отчаяніи сама покапчиваетъ со своимъ выбитымъ изъ колеи существованіемъ. Помѣщикъ изъ окрестностей Москвы, Константинъ Левинъ, любитъ молодую, избалованную дѣвушку, Китти Щербацкую; отвергнутый ею сначала, онъ всетаки добивается впослѣдствіи того, чтобы его выслушали; сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ переживаетъ рядъ благодѣтельныхъ метаморфозъ въ своемъ характерѣ, въ которыхъ самымъ несомнѣннымъ образомъ нашла свое отраженіе собственная душевная жизнь Толстого. Эти два кружка связаны другъ съ другомъ самымъ естественнымъ образомъ: Стефанъ Облонскій, предсѣдатель московскаго суда, братъ Анны Корениной;

его жена — сестра Китти Щербацкой. Вотъ основныя черты плана, который въ подробностяхъ разработанъ Толстымъ при помощи самыхъ богатыхъ поэтическихъ средствъ, со всей полнотой его рѣдкаго художественнаго дарованія. Его намѣреніе состоитъ не въ томъ, чтобы вывести на сцену цѣлую массу людей и поставить ихъ среди самаго смѣлаго и запутаннаго стеченія обстоятельствъ, которое въ концѣ концовъ разрѣшается само собой, какъ игра общественныхъ условій, безъ всякаго отношенія къ характерамъ этихъ людей; какъ разъ напротивъ, задача его—такъ изобразить внутреннюю жизнь небольшого числа людей, чтобы читатель могъ видѣть, какъ возникаютъ и замираютъ ихъ чувства, могъ понимать тѣ метаморфозы, которыя происходятъ съ ними. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ началъ Толстой писать „Анну Каренину", когда идея и образы этого романа уже давно созрѣли въ немъ. На его письменномъ столѣ, говорятъ, лежалъ томъ Пушкина, раскрытый на „Отрывкахъ изъ Египетскихъ ночей", одинъ изъ которыхъ начинается словами „Гости отправились на дачу". Толстой прочиталъ это мѣсто и пришелъ въ восторгъ: „Прелестно, такъ и нужно писать. Пушкинъ сразу принимается за дѣло. Другой сначала сталъ бы описывать героевъ и комнаты, а онъ сейчасъ же начинаетъ съ дѣйствія". Затѣмъ онъ тутъ же принялся за работу и написалъ первыя строки своего романа: „Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ". Какъ извѣстно, анекдотъ этотъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: „Анна Каренина" начинается предложеніемъ общаго содержанія, которое гласитъ: „Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему". Положимъ, непосредственно за этимъ открывается дѣйствіе, такъ что Толстой въ самомъ дѣлѣ могъ начать писать романъ подъ вліяніемъ Пушкина. Душевная теплота и глубина, доставляющая намъ при чтеніи столько удовольствія, и жизненность наблюденій, заставляющая насъ самихъ видѣть и чувствовать, до такой степени свойственны самому Толстому, что достаточно было легкаго толчка из-

внѣ, чтобы заставить дѣйствовать тѣ силы, которыя скрывались въ немъ.

Несмотря на свое высокое положенiе судьи Облонскiй грѣшитъ противъ супружеской вѣрности—вступаетъ въ любовную связь съ француженкой-гувернанткой, жившей раньше въ его домѣ. Его жена открываетъ обманъ и, подъ влiянiемъ справедливаго возмущенiя, хочетъ покинуть своего мужа. Семейный разладъ принялъ такую острую форму, что Облонскiй рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству—вызвать изъ Петербурга въ Москву сестру, Анну Каренину, разсчитывая, что ей удастся примирить его съ женой. Прелестная женщина проводитъ роль примирительницы такъ удачно, что легкомысленный супругъ въ концѣ концовъ получаетъ прощенiе отъ своей добродушной жены. Изъ Петербурга Каренина ѣдетъ вмѣстѣ съ Вронской, которую ожидаетъ на вокзалѣ сынъ-офицеръ, Алексѣй. Дорогой дамы вступаютъ въ разговоръ, о дѣтяхъ; бѣглое знакомство завязывается прочнѣе. При выходѣ изъ поѣзда встрѣчаются Каренина и Вронскiй, женщина выдающейся красоты и изящества, связанная съ дѣльнымъ и способнымъ, но корректнымъ до сухости и скучнымъ бюрократомъ, и молодой богатый офицеръ, только тутъ, въ древней столицѣ впервые послѣ бурной петербургской жизни замѣтившiй на свѣтѣ существованiе тонкихъ женскихъ натуръ и ухаживающiй за молодой, стремящейся къ замужеству дѣвушкой, Китти Щербацкой. Но эта встрѣча на вокзалѣ сразу даетъ его чувству совсѣмъ другое направленiе и становится таковой для него и для этой женщины, встрѣтившей его очаровательной улыбкой. Описанiе поѣзда, влетающаго подъ навѣсъ дебаркадера, съ спрыгивающими кондукторами, служащими дороги, выходящими пассажирами ожидающей публикой, которая безпокойно двигается взадъ и впередъ и здоровается съ прiѣзжими, проведено отчетливо и характерно, и надо думать, что это—не простая случайность: среди этой обстановки зарождается гибельная страсть въ началѣ романа; среди той же обстановки совершается страшная развязка въ концѣ романа. При

выѣздѣ Карениной съ вокзала въ городъ происходитъ несчастье: шедшій заднимъ ходомъ локомотивъ раздавилъ сторожа. Она слышитъ, какъ говорятъ о смерти этого несчастнаго человѣка, единственнаго кормильца большой семьи, и говоритъ: „Дурное предзнаменованіе".

Почти въ концѣ романа, незадолго до самоубійства Карениной, мы видимъ эту женщину въ чрезвычайно угнетенномъ состояніи, въ полномъ разладѣ съ самой собой и съ обществомъ, охваченной недовѣріемъ и ревностью къ любимому человѣку, съ разбитыми нервами, въ почти невмѣняемомъ состояніи. Порѣшивъ разстаться съ Вронскимъ, она хочетъ повидаться съ нимъ въ послѣдній разъ и посылаетъ ему разомъ письмо и телеграмму. Безъ всякой опредѣленной мысли она садится въ экипажъ, чтобы ѣхать къ родственникамъ. Дорогой въ ея разстроенномъ, смятенномъ воображеніи поднимаются другъ за другомъ мучительныя картины и воспоминанія: вся прежняя жизнь еще разъ проносится передъ ней. Въ это время Вронскій былъ въ деревнѣ. Карениной вдругъ захотѣлось неожиданно явиться къ нему. Съ этой сумасшедшей мыслью она направляется на нижегородскій вокзалъ. Равнодушная депеша Вронскаго повергаетъ ее въ полное отчаяніе. Стоя среди смѣющейся и болтающей толпы, она видитъ, какъ катятся мимо желѣзныя колеса товарнаго поѣзда. Тутъ лучше всего предоставить слово самому автору. Съ необыкновенной правдоподобностью, со всѣмъ богатствомъ личныхъ наблюденій, не прибавляя и не убавляя ни одного слова, слѣдующимъ образомъ описываетъ онъ страшную катастрофу: „Она хотѣла упасть подъ поровнявшійся съ нею серединою первый вагонъ, но красный мѣшечекъ, который она стала снимать съ руки, задержалъ ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать слѣдующаго вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти въ воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жестъ крестнаго знаменія вызвалъ въ душѣ ея цѣлый рядъ дѣвичьихъ и дѣтскихъ воспоминаній, и вдругъ мракъ, покрывавшій для нея все, ра-

зорвался, и жизнь предстала ей на мгновенiе со всѣми своими свѣтлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глазъ съ колесъ подходящаго второго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поровнялась съ нею, она откинула красный мѣшечекъ и, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки, и легкимъ движенiемъ, какъ бы готовясь тотчасъ же встать, опустилась на колѣни. И въ тоже мгновенiе она ужаснулась тому, что дѣлала. „Гдѣ я? Что я дѣлаю? Зачѣмъ". Она хотѣла подняться откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее въ голову и потащило за спину. „Господи, прости мнѣ все!"—проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. Мужичекъ, приговаривая что-то, работалъ надъ желѣзомъ. И свѣча, при которой она читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала, стала меркнуть и на всегда потухла".

Въ рѣдкой степени владѣетъ Толстой искусствомъ изображать сильныя страсти безъ ложнаго паѳоса и театральныхъ преувеличенiй, искусствомъ—реализмомъ повѣствованiя представлять идею въ живой и наглядной формѣ, возвышенностью своихъ нравственныхъ стремленiй дѣлать дѣйствительность частью нѣкотораго идеальнаго порядка. Нелегко найти сюжетъ, который былъ бы разработанъ съ такой неподкупной правдивостью, съ такой поражающей серьезностью, какъ эта исторiя несчастной любви Карениной къ Вронскому, съ ея внезапнымъ возникновенiемъ, ея всепожирающимъ пыломъ, ея постепеннымъ охлажденiемъ и страшнымъ концомъ. Она производитъ на читателя такое впечатлѣнiе, какъ будто передъ нимъ совершается величественное явленiе природы—бушуетъ гроза, неожиданно собравшаяся и разражающаяся страшными громовыми ударами. Какъ будто смотришь прямо въ мозгъ и душу этихъ двухъ людей, нашедшихъ другъ въ другѣ идеалъ, фантазiя которыхъ заставляетъ ихъ мысль и волю дѣйствовать только въ одномъ направленiи. Съ каждой встрѣчей

сильнѣе и сильнѣе поддаются они искушенію; и, наконецъ, оно овладѣваетъ ими съ такой силой, какъ будто какая-то внѣшняя неодолимая сила сталкиваетъ ихъ. Окончивши свою примирительную миссію въ Москвѣ, Анна Каренина возвращается въ Петербургъ; мысль о красивомъ офицерѣ не покидаетъ ее; она и не думаетъ, что онъ ѣдетъ въ одномъ поѣздѣ съ ней. Ея воображеніе все время занято имъ; онъ твердо рѣшилъ, какой бы то ни было цѣной, добиться ея любви. На одной станціи они встрѣчаются; по пріѣздѣ въ Петербургъ Вронскій исподтишка наблюдаетъ встрѣчу супруговъ, скучно корректнаго Каренина съ его переваливающейся походкой и торчащими ушами и его цвѣтущей прекрасной жены, у которой невольно напрашивается сравненіе между этими двумя мужчинами. На одномъ балу въ Петербургѣ Вронскій откровенно заявляетъ Карениной, что́ привело его къ ней, что онъ хочетъ отъ нея не дружбы, а любви, что онъ хочетъ обладать ею. Сближеніе даетъ обществу богатый матеріалъ для сплетенъ; почтенный супругъ, для котораго спокойствіе и порядокъ—главное въ жизни, не преминулъ предостеречь любовно свою жену, напомнить ей объ ея обязанностяхъ супруги, матери и женщины изъ лучшаго общества. Но эта слабая попытка потушить пламя только усиливаетъ его. Вслѣдъ за этимъ Анна Каренина отдается соблазнительному Вронскому. Никакихъ заманчивыхъ картинъ и перспективъ не рисуетъ Толстой по этому поводу. Напротивъ! Онъ показываетъ намъ Каренину въ угнетенномъ состояніи; она чувствуетъ, что она согрѣшила, признаетъ себя виновной; она хочетъ молить о прощеніи и сравниваетъ мужа съ убійцей, который смотритъ на загубленную его рукой жертву—ея любовь. Страсть сковавшая Каренину и Вронскаго, разростается и, наконецъ, съ такой силой вырывается наружу, что происходитъ скандалъ. Происходитъ онъ на скачкахъ въ Красномъ Селѣ, при описаніи которыхъ Толстой еще разъ проявилъ всю силу своего таланта. Удивительно живописная картина дружно начинающейся весны предшествуетъ этому описанію. „На утро, поднявшееся яркое

солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній отжившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная, облетавшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледѣнѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси".

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе самыхъ скачекъ, со всѣми приготовленіями и обстановкой ихъ въ казино, въ конюшнѣ, на скаковомъ кругу и въ трибунахъ, картина бьющей обильнымъ, роскошнымъ ключемъ жизни, детальная и живая, снятая авторомъ прямо съ натуры. Предметомъ особаго вниманія наѣздниковъ и собравшейся публики служитъ лошадь, настоящей благородной породы, съ крѣпкими, какъ кости, мускулами, которыя выдаются подъ испещренной тонкими жилками кожей, съ изящной головой, сверкающими глазами, энергичной и въ то же время деликатной фигурой, „одно изъ тѣхъ животныхъ, которыя, кажется, не говорятъ только потому, что механическое устройство ихъ рта не позволяетъ имъ этого". Въ скачкахъ принимаетъ участіе и Вронскій, чувства котораго переполнены образомъ женщины, которую онъ называетъ своей, съ которой строитъ всевозможные планы бѣгства, чтобы хоть какъ-нибудь положить конецъ ея недостойному положенію любовницы. Мы какъ будто сами переживаемъ эту скачку съ препятствіями въ которой участвуютъ семнадцать офицеровъ, со всѣмъ возбужденіемъ спорта, чувствами зависти и честолюбія, съ самымъ крайнимъ напряженіемъ страстей. Вронскій дѣлаетъ фальшивое движеніе и падаетъ на землю. Каренины также присутствуютъ на скачкахъ. Когда Вронскій падаетъ, Каренина приходитъ въ такое возбужденное состояніе, что мужъ самымъ настойчивымъ образомъ предлагаетъ ей оставить ложу и ѣхать домой. Дорогой она не можетъ подавить въ себѣ страсть,

несмотря даже на присутствіе мужа. У нея вырываются слова: „Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу васъ... Дѣлайте со мной, что хотите“. Оскорбленный супругъ рѣшаетъ не требовать удовлетворенія за свою поруганную честь, а направить опять заблудшую женщину на путь добродѣтели. Онъ одинаково отклоняетъ какъ мысль о поединкѣ съ опозорившимъ его человѣкомъ, такъ и возможность развода или даже только жизни врозь съ женой. Онъ хочетъ удержать ее при себѣ, чтобы тѣмъ избѣжать скандала; его отношенія къ женѣ, ставшей для него чужой, нисколько не измѣнились по внѣшности; онъ хочетъ только одного—чтобы Анна прекратила свои сношенія съ любовникомъ и прежде всего перестала принимать его въ ихъ домѣ. Но Анна не въ состояніи выполнить эти условія и видится съ Вронскимъ, противъ собственнаго желанія. Тутъ начинаютъ появляться тѣни и взаимное непониманіе—она потеряла общественное положеніе, онъ—виды на блестящую карьеру. Положеніе становится еще хуже, когда у Карениной появляется дочь. Въ бреду родильной горячки она имѣетъ одно только желаніе—примирить Вронскаго съ Каренинымъ. Это на самомъ дѣлѣ удается ей, когда врачи по ошибкѣ признали ея положеніе безнадежнымъ. Великодушіе обманутаго мужа вызываетъ въ любовникѣ такое сильное внутреннее потрясеніе и такой глубокій стыдъ, что онъ рѣшаетъ покончить съ собой. Но пуля револьвера, направленнаго въ грудь, только ранитъ его опасно. Выздоровѣвши, онъ отправляется вмѣстѣ съ своей возлюбленной въ Германію и Италію; между тѣмъ обманутый мужъ и теперь не хочетъ поднимать скандала и покоряется неизбѣжному.

Но логика фактовъ, требующая наказанія за вину, неумолима. Сѣмя зла даетъ страшные всходы и губитъ тѣхъ, кто посѣялъ его. Страшно отомстила судьба этимъ двумъ людямъ, которые, повидимому, созданы были другъ для друга и такъ любили другъ друга. Въ первое время пребываніе на югѣ даетъ обоимъ внутреннее успокоеніе, какъ бы предчувствіе долгаго счастья. Венеція,

Римъ, Неаполь проходятъ передъ ними съ своей роскошной природой, со своими несравненными художественными сокровищами и не даютъ возможности Вронскому, сдѣлавшему попытку заняться живописью, замѣтить, что послѣ отставки ему нечѣмъ наполнить свое существованіе. Въ концѣ концовъ Каренину начинаетъ тянуть опять въ Петербургъ: кромѣ дочери отъ Вронскаго, у нея есть еще сынъ Сережа, отъ брака съ нелюбимымъ мужемъ. Какъ она тоскуетъ по немъ, такъ и мальчикъ стремится къ ней всѣмъ сердцемъ; онъ ни на волосъ не вѣритъ увѣреніямъ отца, будто она умерла. Тайкомъ прокрадывается она къ мальчику утромъ въ день его рожденія, застаетъ его еще въ постели и приноситъ ему красивыя игрушки. Но это свиданіе приводитъ болѣзненно настроенные нервы Карениной въ такое раздраженное состояніе, что она опять всѣми силами стремится покинуть Петербургъ. Столичное общество начинаетъ все рѣшительнѣе отворачиваться отъ нея, такъ что въ оперѣ дѣло доходитъ даже до тяжелой сцены. Но не приноситъ счастья и жизнь въ деревнѣ, которую они стараются обставить по возможности пріятнѣе. Для Вронскаго чадъ страсти давно уже миновалъ, и думы о потерянной карьерѣ, какъ червь, точатъ его сердце; Каренина живетъ только воспоминаніями о своей любви; сомнѣніе и ревность во всѣхъ видахъ начинаютъ мучить ее. Она не можетъ стать женою Вронскаго: съ непонятнымъ упорствомъ Каренинъ отказываетъ въ разводѣ. Въ ней происходитъ внутренній переломъ; ей кажется даже, что ей пріятнѣе было бы видѣть около себя сына отъ непоэтичнаго брака съ Каренинымъ, чѣмъ ребенка отъ любовника. У нея нѣтъ точки опоры; она не знаетъ къ чему приведетъ все это; безпомощно мечется ея разстроенное воображеніе изъ стороны въ сторону; и во внезапномъ порывѣ покончиваетъ она съ своимъ существованіемъ, какъ съ чѣмъ-то лишнимъ, тяжелымъ и вреднымъ, что стало въ концѣ концовъ невыносимымъ.

Въ пониманіи любви, въ той формѣ ея, какую мы видимъ въ „Аннѣ Карениной“, Толстой близко сходится

съ своимъ великимъ товарищемъ въ новѣйшей русской литературѣ, Тургеневымъ. У обоихъ любовь играетъ роль не золотой небесной лѣстницы, по которой восходятъ и нисходятъ блаженныя пары, а какой-то страшной демонической силы, для которой совершенно безразлично счастье людей, которая желаетъ только проявиться и владычествовать, которая мало заботится о разумѣ и морали и появляется какъ что-то стихійное. „Любовь, говорится въ одной оригинальной повѣсти Тургенева („Переписка"), даже вовсе не чувство; она—болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково: обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли—ни дать, ни взять холера или лихорадка... Подцѣпитъ его, голубчика, какъ коршунъ цыпленка, и понесетъ его, куда угодно, какъ онъ тамъ ни бейся и ни упирайся". Подъ властью такой именно страсти, совершенно покоряющей человѣка, отнимающей у него волю, заставляющей молчать его разсудокъ, и находится Анна Каренина. Ея чувство, заставляющее ее забыть все на свѣтѣ и даже стать во враждебныя отношенія къ обществу, безконечно выше и благороднѣе, чѣмъ супружескій грѣхъ какого-нибудь Облонскаго или княгини Бетси, которымъ къ тому же такъ легко прощаютъ, въ то время, какъ Каренина погибаетъ изъ-за него, счастьемъ и жизнью расплачивается за свою вину. Героиня нашего романа глубоко и на самомъ дѣлѣ любитъ; только фарисейское высокомѣріе и черствость сердца могутъ отказывать ей въ этомъ. Мужъ, который сумѣлъ бы отнестись съ бо̀льшей хоть немного чуткостью къ потребностямъ ея души, чѣмъ этотъ неповоротливый, сухой, надутый чиновникъ министерства, весь ушедшій во внѣшнія отношенія, сдѣлалъ бы изъ ея живого чувства, ея изящной подвижности, ея стремленія къ настоящему счастью прелестнѣйшее украшеніе счастливой семейной жизни. Именно поэтому выставилъ Толстой, какъ ограждающій щитъ, противъ лицемѣрнаго и не имѣющаго любви свѣта библейское изреченіе, по-

ставивши эпиграфомъ къ своему роману мѣсто изъ посланія апостола Павла къ римлянамъ: „Мое дѣло—месть, и Я отплачу“. Между прочимъ, съ этой цитатой связано смѣшное недоразумѣніе, приключившееся съ нѣмецкимъ переводчикомъ этого романа. Эпиграфъ взятъ на славянскомъ языкѣ: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Не зная, что „Азъ“ славянская форма „Я“, онъ какимъ-то невѣроятнымъ путемъ дошелъ до мысли, что тутъ идетъ рѣчь объ игрѣ въ карты и смѣло перевелъ: „Mein ist die Rache, ich spiele Ass!“ (Мнѣ принадлежитъ месть, хожу съ туза). Благодаря этому смѣшному недоразумѣнію маленькое изданіе „Анны Карениной“ сдѣлалось библіографической рѣдкостью: Лейпцигскій издатель, заслужившій всеобщую извѣстность у себя на родинѣ и за границей доступными изданіями лучшихъ произведеній, принужденъ былъ изъять изъ продажи все изданіе и наново отпечатать первый листъ, на которомъ стоялъ этотъ конфузный эпиграфъ. Впрочемъ, первый переводъ романа вышелъ еще въ 1885 году, нѣсколькими годами раньше этого плачевнаго событія, но переводъ—плохой и неполный: опущена была цѣлая треть. И только въ 1897 году берлинскій издатель Августъ Дейбнеръ далъ нѣмецкой публикѣ романъ Толстого въ такомъ видѣ, что можно стало составить правильное понятіе объ его содержаніи.

Если на примѣръ Карениной и Вронскимъ Толстой убѣдительно доказываетъ, какъ мало значитъ даже изысканное соединеніе молодости, красоты, любви, высокаго общественнаго положенія и богатства для того, чтобы съ успѣхомъ вести борьбу противъ нравственнаго принципа общественной жизни, если эту часть своей исторіи онъ заканчиваетъ тѣмъ, что мы видимъ двѣ разбитыхъ жизни, то въ бракѣ, въ который вступили Константинъ Левинъ и Китти Щербацкая, авторъ даетъ намъ какъ разъ противоположные результаты. Въ сердцахъ ихъ нѣтъ ничего, даже хоть сколько-нибудь, похожаго на то грозное пламя, которое пожираетъ Каренину и Вронскаго. Ихъ попытка завоевать чистое и ровное счастье, о какомъ мечтаетъ каждая молодая чета, оканчивается

неудачей; ихъ настоящая совмѣстная жизнь кажется имъ въ часы серьезныхъ размышленій далекой отъ этого идеала. Но супруги счастливы на свой манеръ; они и не задаются особенно широкими мечтами. Сознаніе обязанностей и привычка дѣлаютъ свое дѣло сближенія супруговъ. Чувство благодарности, сознаніе взаимной зависимости получаютъ все больше и больше значенія въ ихъ глазахъ. Все больше и больше сживаются они, благодаря сообща пережитымъ веселымъ и печальнымъ минутамъ, а прежде всего благодаря дѣтямъ, такъ что въ концѣ концовъ воля обоихъ сливается въ одинъ гармоническій аккордъ. И Китти Щербацкая одно время была ослѣплена блестящимъ Вронскимъ. Она разсчитываетъ, что онъ сдѣлаетъ ей предложеніе и потому сразу же отказываетъ нѣсколько грубоватому и неуклюжему Левину, который явился изъ своего имѣнія въ Москву съ единственной цѣлью—просить ея руки. Когда Вронскій начинаетъ ухаживать за Карениной, Китти чувствуетъ себя глубоко оскорбленной и заболѣваетъ. Врачи предписываютъ ей поѣздку на нѣмецкій курортъ. Левинъ опять удаляется въ уединеніе деревенской жизни и занимается улучшеніемъ хозяйства. Уже теперь онъ чувствуетъ желаніе выяснить себѣ смыслъ и цѣль жизни, вмѣсто безцѣльнаго существованія изо дня въ день, которое велъ онъ раньше, подобно остальнымъ помѣщикамъ. Спасеніе отъ своихъ сомнѣній онъ надѣется найти въ трудѣ, не въ томъ трудѣ, которымъ пріобрѣтается абстрактное знаніе, а въ практической дѣятельности, въ которой работа мысли соединялась бы съ физическимъ напряженіемъ и ловкостью. Онъ заглядываетъ въ избы своихъ крестьянъ и слышитъ, какъ много умныхъ вещей говорятъ они между собой. Онъ выходитъ въ поле и тамъ наблюдаетъ каждаго за его обыденной работой. Радость наполняетъ его сердце, когда оказывается, что и онъ умѣетъ взять косу въ руки и скосить сѣно на лужайкѣ передъ домомъ. Онъ продолжаетъ наблюдать, какъ дѣлаютъ другіе и какъ они счастливы при этомъ. Особенно врѣзывается ему въ память слѣдующая картина: „Левинъ внимательнѣе присмотрѣлся къ Ванькѣ

Парменову и его женѣ. Они не далеко отъ него навивали копну. Иванъ Парменовъ стоялъ на возу, принимая, разравнивая и отаптывая огромныя навалины сѣна, которыя сначала охапками, а потомъ вилами ловко подавала ему его молодая красавица-хозяйка. Молодая баба работала легко, весело и ловко. Крупное слежавшееся сѣно не бралось сразу на вилы. Она сначала расправляла его, всовывала вилы, потомъ упругимъ и быстрымъ движеніемъ налегала на нихъ всею тяжестью своего тѣла, и тотчасъ же, перегибая перетянутую краснымъ кушакомъ спину, выпрямлялась, и, выставляя полную грудь изъ-подъ бѣлой занавѣски, съ ловкою ухваткой перехватывала руками вилы и вскидывала навилину высоко на возъ. Иванъ поспѣшно, видимо стараясь избавиться отъ всякой минуты лишняго труда, подхватывалъ, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлялъ ее на возу. Подавъ послѣднее сѣно граблями, баба отряхнула засыпавшуюся ей за шею труху, и, оправивъ сбившійся надъ бѣлымъ, незагорѣлымъ лбомъ красный платокъ, полѣзла подъ телѣгу увязывать возъ. Иванъ училъ ее, какъ цѣплять за лисицу, и чему-то сказанному ею громко расхохотался. Въ выраженіяхъ обоихъ лицъ была видно сильная молодая, недавно проснувшаяся любовь“. Запахомъ свѣжаго сѣна вѣетъ отъ этой картины.—Эта картина вливаетъ въ душу Левина неодолимое стремленіе устроить свою жизнь по возможности ближе къ природѣ, стремленіе къ бодрящему труду и семейному очагу. Народъ съ пѣснями удаляется и скрывается отъ его глазъ. Онъ остается на сѣнѣ и цѣлую ночь мечтаетъ о томъ, что́ мучитъ его и какъ любитъ онъ Китти. Наконецъ, они встрѣчаются въ домѣ Облонскихъ въ Москвѣ и тутъ находятъ сердца, которыхъ они искали такъ долго. Обстановка, въ которой связываютъ они себя на всю жизнь, имѣетъ для почитателей Толстого тѣмъ бо̀льшій интересъ, что, какъ уже сказано, писатель при такихъ же точно обстоятельствахъ объяснился въ любви своей будущей супругѣ. Левинъ и Китти сидятъ за карточнымъ столомъ и разсуждаютъ о положеніи женщинъ. Дѣвушка

беретъ мѣлокъ и чертитъ на новомъ зеленомъ суквѣ нѣсколько концентрическихъ круговъ. Левинъ собирается сказать что-то и заставляетъ ее угадать его мысль: онъ пишетъ на сукнѣ начальныя буквы словъ: „к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т?“ т. е:, когда вы мнѣ отвѣтили: этого не можетъ быть, значило ли это—никогда, или тогда?“ Она сейчасъ же угадываетъ. Затѣмъ онъ быстро стираетъ написанное, подаетъ ей мѣлокъ, и она пишетъ: „т, я, н, м, и, о!“ Онъ также быстро отгадываетъ значеніе этихъ начальныхъ буквъ; онѣ значатъ: „тогда я не могла иначе отвѣтить“ Китти говоритъ: „Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала“, и пишетъ на сукнѣ слѣдующія буквы: „ч, в, м, з, и, п, ч, б!“ Это значитъ: „чтобы вы могли забыть и простить, что было“. Левинъ хочетъ говорить о своей любви, опять пишетъ три буквы, но она не даетъ ему кончить, а прямо написала: „Да“.

Однако, Левинъ сомнѣвается и мучается: передъ самой свадьбой его преслѣдуетъ мысль, въ самомъ ли дѣлѣ невѣста любитъ его, достаточно ли выяснила она себѣ свои чувства по отношенію къ нему. Описаніе самой свадьбы—маленькая культурная картинка, выписанная необыкновенно тонко и тщательно... Переходъ отъ холостой жизни къ положенію женатаго человѣка оказывается не совсѣмъ простымъ. Разныя мелочи, надъ которыми онъ прежде свысока посмѣивался, пріобрѣтаютъ теперь непредвидѣнное значеніе; ему приходится считаться съ ними, часто безъ всякаго удовольствія. Нѣтъ недостатка въ молодомъ семействѣ и въ недоразумѣніяхъ. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ устанавливается болѣе ровная и спокойная совмѣстная жизнь. Мысль о бренности всего земного, страхъ смерти встаютъ передъ нимъ. Онъ ѣдетъ въ провинціальный городъ, гдѣ умираетъ его несчастный, чахоточный братъ, видитъ неизлѣчимую болѣзнь, медленную и мучительную смерть. Въ эти минуты впервые почувствовалъ онъ, что значитъ для мужчины любовь сильной и хорошей женщины. Еще дороже становится для него Китти, когда она чувствуетъ, что готова сдѣлаться матерью. Роды

описываются съ такими подробностями и такою обстоятельностью, какъ будто дѣло идетъ о томъ, чтобы дать молодой четѣ наставленія на тотъ случай, когда судьба впервые благословляетъ ихъ счастье новымъ гражданиномъ міра. Но, читая эти страницы, мы видимъ не только полную жизненной правды обстановку, среди которой проходятъ роды, но и ярко воспроизведенное настроеніе всѣхъ присутствующихъ. Тутъ Левинъ замѣчаетъ въ себѣ совсѣмъ неожиданное качество. Онъ, человѣкъ, ни во что до сихъ поръ не вѣровавшій, оказывается способнымъ молиться—и молиться не только устами, а всѣмъ сердцемъ, съ глубокой вѣрой. На минуту раздвоенность исчезаетъ изъ его души, онъ чувствуетъ себя примиреннымъ съ самимъ собой и съ міромъ. Но ему предстоитъ еще много работы, чтобы окончательно стать господиномъ всѣхъ сомнѣній и разочарованій, которыя преслѣдуютъ его. Намъ показываютъ этого человѣка со всѣхъ сторонъ—какъ онъ охотится, какъ пробуетъ новую косилку, какъ онъ принимаетъ участіе въ дворянскихъ выборахъ. И все-таки есть въ этомъ человѣкѣ что-то неясное. Состоятельнаго землевладѣльца, который успѣшно трудится вмѣстѣ со своими людьми и для нихъ, усердно помогаетъ вездѣ, гдѣ только помощь нужна, эту скромную, вѣрную долгу, во всѣхъ отношеніяхъ счастливую натуру, человѣка, имѣющаго жену, которая казалась ему недосягаемой, но которая теперь навсегда принадлежитъ ему и подарила уже залогъ любви,—такого человѣка можно назвать не иначе, какъ только счастливымъ. Но знакомство съ различными слоями общества оскорбляетъ живущее въ немъ чувство правды и добра. Имъ овладѣваетъ мучительная философія, мѣшающая ему наслаждаться дарами жизни и заставляющая его безпокойно метаться изъ стороны въ сторону. Онъ—другъ и товарищъ Пьера Безухова. Какъ послѣдній слышитъ слова высочайшей мудрости изъ устъ простого человѣка,—слова, дѣлающія его совсѣмъ другимъ человѣкомъ, такъ точно и для Левина духовный свѣтъ, давшій новую твердость и силу всему его существу, просіялъ въ словахъ крестьянина: „Онъ

для души живетъ, Бога помнитъ". Умерщвленіе эгоизма, выполненіе обязанностей по отношенію къ семьѣ и обществу—вотъ къ чему стремится теперь Левинъ. Все это, однако, не разрѣшаетъ вполнѣ той загадки, которой окружена для многихъ читателей личность Левина; дѣло въ томъ, что жестокая, доходящая даже до мысли о самоубійствѣ внутренняя борьба Левина отнюдь не стоитъ въ прямой связи съ содержаніемъ этихъ идей. Чувствуется, что есть что-то недосказанное въ этомъ образѣ; мы ищемъ въ характеристикѣ его такой моментъ, который могъ бы разъяснить намъ эту недосказанность. И такой моментъ есть, но не столько въ романѣ, сколько въ личности автора, въ томъ удивительномъ переворотѣ, который совершился въ душѣ Толстого. Пьеръ Безуховъ и Константинъ Левинъ—любили не образы нашего писателя; они живутъ въ томъ кругѣ идей, который цѣликомъ соотвѣтствуетъ самымъ завѣтнымъ личнымъ убѣжденіямъ его. Поскольку развивались тогда эти идеи, постольку воплощены онѣ авторомъ въ этихъ двухъ образахъ—въ Пьерѣ, который, подобно позднѣйшимъ нигилистамъ „идетъ въ народъ" и не отступаетъ передъ мыслью убить Наполеона, и, въ еще болѣе сильной степени, въ Левинѣ, который доходитъ до мысли убить себя самого и въ концѣ концовъ находитъ успокоеніе отъ своихъ душевныхъ мукъ въ томъ, что живетъ, мыслитъ и работаетъ, какъ мужикъ. Левинъ—самъ Толстой. Мы не могли бы придти къ такому выводу на основанiи романа, но мы знаемъ это изъ тѣхъ религіозныхъ и философскихъ произведеній, которыя началъ съ этого времени обнародывать Толстой.

Толстой драматургъ.

Соприкосновенie Толстого со сценой и драматической литературой является только эпизодомъ въ богатомъ творчествѣ этого писателя. Такъ ужъ сложилась его жизнь, такимъ путемъ шло развитie его характера, что только въ позднie сравнительно годы онъ дошелъ до пониманiя тѣхъ важныхъ услугъ, которыя могло ему оказать театральное искусство въ смыслѣ распространенiя его идей. Въ молодые годы Толстой жилъ въ Москвѣ и Петербургѣ; но болѣе, чѣмъ очевидно, что въ тѣ годы увлеченiя удовольствiями большихъ городовъ и прожиганiя жизни, по обычаю всей вообще русской молодежи изъ дворянскихъ семействъ, сцена имѣла для него значенie просто болѣе или менѣе поверхностнаго развлеченiя, за которымъ онъ не могъ признать болѣе важной роли. Въ своемъ имѣнiи онъ вращался среди народа и изучалъ деревенскую жизнь и хозяйственный укладъ, то, что впослѣдствiи дало столь рѣшительное направленie его духовной жизни. Военную службу онъ провелъ на Кавказѣ и въ Крыму; слѣдовательно, опять не имѣлъ времени думать о сценѣ и драмѣ. Пожалуй, слишкомъ сильна была драма, которая совершалась на его глазахъ въ дѣйствительной жизни, чтобы на-ряду съ ней онъ могъ интересоваться прекрасной иллюзiей, которую вызываютъ передъ разряженными зрителями въ закрытомъ помѣщенiи загримированные люди въ придуманныхъ костюмахъ, созданныя при помощи красокъ декорацiи и затверженныя рѣчи. Заграницей онъ стремился удовлетворить свою потребность въ знанiи; его не тянуло тамъ

ни къ искусству вообще, ни къ театру въ частности. Когда, наконецъ, жившая въ немъ творческая сила потребовала исхода, стало ясно, что наиболѣе подходитъ къ его таланту повѣствовательная форма, эпическая ширь и свобода характеристикъ. Сцена требуетъ особой технической ловкости, умѣнья владѣть опредѣленной тѣсной формой, умѣнья концентрировать сюжетъ и расчленять его по строгимъ правиламъ этой формы; всѣ эти требованія, которыя драматическое искусство ставитъ всѣмъ безъ исключенія своимъ послѣдователямъ, могли казаться Толстому неудобными и стѣснительными. Съ другой стороны, сценическое представленіе отличается нѣкоторыми такими особенностями, которыя мало привлекательны для серьезнаго человѣка, стремившагося прежде всего установить нравственное равновѣсіе въ своей душѣ и въ человѣческомъ обществѣ. Толстой не приходилъ въ соприкосновеніе съ главными центрами драматическаго творчества и театральнаго искусства въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ. Но и въ самой Россіи историческія драмы Алексѣя Толстого, разработавшія достопримѣчательные моменты русской исторіи, драмы Островскаго могли бы пробудить въ немъ стремленіе къ драматическому творчеству. Однако, онъ сразу понялъ, какъ должно быть трудно для писателя, такъ беззавѣтно стремящагося къ правдѣ, какъ стремился къ ней онъ, разрабатывать для сцены историческія событія безъ уступокъ современному вкусу.

Тѣмъ не менѣе и онъ отдалъ свою дань стремленію къ драматическому творчеству, какъ ни поздно зародилось въ немъ это стремленіе. Толстому было около шестидесяти лѣтъ, когда онъ написалъ свою первую театральную пьесу, „Власть тьмы“, за которой въ скорости послѣдовали еще двѣ, „Плоды просвѣщенія“ и „Первый винокуръ“, которыя, впрочемъ, по своему значенію много уступаютъ первой. Въ 1887 году появилась въ Москвѣ, въ изданіи „Посредника“, небольшая книжка съ красной облажкой, плохо напечатанная, на плохой бумагѣ. Благодаря имени автора, своему содержанію и дешевизнѣ, книжка нашла удивительно быстрый сбытъ.

Въ отличіе отъ другихъ изданій фирмы, предназначавшихся преимущественно для юношества, на книжкѣ была сдѣлана на заглавномъ листѣ помѣтка—„Для взрослыхъ". Это была пятиактная драма Толстого „Власть тьмы"; рядомъ съ этимъ заглавіемъ стояло другое заглавіе—пословица: „Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть". Драма-картина изъ русской народной жизни, превосходящая своимъ натуралистическимъ предпочтеніемъ отвратительныхъ и ужасныхъ сторонъ жизни все, что было написано до тѣхъ поръ. Какой шагъ отъ картинъ изъ крестьянской жизни, созданныхъ Бертольдомъ Ауэрбахомъ и Жоржемъ Зандомъ, этихъ новѣйшихъ идиллій, рисующихъ намъ простыхъ людей, окруженныхъ дружественной природой, къ этимъ угнетеннымъ, забитымъ, нравственно безнадежнымъ людямъ, которыхъ животныя побужденія наталкиваютъ на гнусное преступленіе! Не заглушенная культурой близость къ природѣ и душевная теплота тѣхъ людей, могли бы, по мнѣнію ихъ авторовъ, освѣжить физически и нравственно города. „Власть тьмы" обнаруживаетъ такія страсти, которыя какъ будто зародились въ самомъ адѣ. Нужды нѣтъ, что въ своихъ произведеніяхъ Толстой часто вкладываетъ въ уста представителей простого народа слова глубочайшей мудрости и чистѣйшаго добра, которыя приводятъ въ стыдъ образованныхъ людей; и все-таки нигдѣ онъ не выказываетъ склонности къ той идеализаціи, которая не прочь видѣть въ крестьянской избѣ вмѣстилище райской жизни. Напротивъ, онъ даетъ понять въ своей драмѣ, какія страшныя послѣдствія для окружающихъ влечетъ за собой столь естественная въ этой средѣ порча характеровъ; онъ рисуетъ съ безпощадной правдивостью, какъ животная сила мужчины заключаетъ дьявольскій союзъ съ уступчивой слабостью женщины. Такъ же, какъ Золя въ „Землѣ", Толстой разрушаетъ сказку о чистотѣ людей въ первобытномъ состояніи, которая будто бы погибаетъ только вслѣдствіе соприкосновенія съ культурой, показываетъ намъ настоящее чудовище эгоизма, похотливости, алчности и преступленія, не отступающееe ни передъ какой гнусностью, пока совѣсть не

начинаетъ, наконецъ, казнить его и не заставляетъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ.

Въ этой драмѣ все очерчено крупными, грубыми штрихами, авторъ избѣгаетъ болѣе или менѣе тщательной мотивировки. Читателя, который держитъ эту книгу въ рукѣ, зрителя, который слѣдитъ за сценическимъ представленіемъ, эта драма глубоко волнуетъ и потрясаетъ. Пропасть звѣрской грубости и преступленія разверзается передъ нашими глазами въ драмѣ Толстого; силы, толкающія людей въ эту пропасть—съ одной стороны чувственность, съ другой—алчность. Мы—въ большомъ русскомъ селѣ, въ домѣ болѣзненнаго богатаго мужика, Петра; Анисья, его вторая жена, не чаетъ избавиться отъ него. Она—въ любовной связи съ работникомъ Никитой, молодымъ, занятымъ собой парнемъ, за которымъ бѣгаютъ бабы и который проводитъ роль деревенскаго Донъ-Жуана съ пошлымъ самодовольствомъ. Мать Никиты, пятидесятилѣтняя Матрена, одинъ изъ наиболѣе рѣзко очерченныхъ характеровъ драмы; это—вѣдьма, у которой всѣ человѣческія чувства опустились до степени животной дикости. Она знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ Никита и Анисья; она видитъ, какъ они обнимаются; но тутъ же находитъ и оправданіе имъ: „А я что и видѣла, не видала, что и слышала, не слыхала. Съ бабочкой поигралъ,—что жъ? И теленокъ, вѣдашь, и тотъ играетъ. Отчего не поиграть? — дѣло молодое“.

„Анисья въ отчаяніи, когда ей говорятъ, что Никита долженъ покинуть ихъ село и жениться. Но у Матрены совсѣмъ иные планы. Она—настоящій демонъ, но такой, который умѣетъ скрывать свои дьявольскіе инстинкты подъ личиной благочестія. Она пользуется случаемъ высватать своему сыну богатую невѣсту и даетъ охваченной чувственными порывами Анисьѣ средство и способъ отдѣлаться отъ надоѣвшаго мужа и навсегда приковать къ себѣ красиваго, франтоватаго парня. Она говоритъ Анисьѣ: „Всѣ семьдесятъ семь увертокъ знаю. Вижу, ягодка, зачиврилъ, зачиврилъ твой-то старикъ. Съ чѣмъ, тутъ жить? Его вилами ткни — кровь не пойдетъ. Глядишь, на весну похоронишь.

И тутъ же даетъ ей слѣдующій совѣтъ: „Была я, вѣдашь, у старичка этого за порошками, — онъ мнѣ на двѣ руки далъ снадобья. Глянь-ка сюда. Это, говоритъ, сонный порошокъ. Дай, говоритъ, одинъ; сонъ такой возьметъ, что хоть ходи по немъ. А это говоритъ, такое снадобье, если, говоритъ, давать пить — никакого духа нѣтъ, а сила большая. На семь, говоритъ, разовъ, по щепоти на разъ. До семи разовъ давай. И свобода, говоритъ, ей скоро откроется“.

Насколько отвратительна эта старая вѣдьма, настолько богобоязливъ и порядоченъ ея мужъ, Акимъ, отецъ Никиты, пятидесятилѣтній мужикъ, невзрачный на видъ, человѣкъ, который едва въ состояніи связно выразить свою мысль: онъ постоянно повторяетъ одни и тѣ же слова, постоянный кашель прерываетъ его рѣчь. Грязно и отвратительно его занятіе: онъ чиститъ въ городѣ выгребныя ямы; но сердце у него — на своемъ мѣстѣ. Никита, раньше еще, когда работалъ на желѣзной дорогѣ, соблазнилъ Марину, сироту, обѣщалъ ей жениться, но не сдержалъ слова. Акимъ заставляетъ его сказать правду. Наглый, упрямый парень не сознается; онъ даже клянется Христомъ-Богомъ, что никакихъ дѣлъ съ Мариной не имѣлъ. Марина и заканчиваетъ первый актъ: она попрекаетъ Никиту его неправдой, плачетъ и уходитъ со слезами: „Звѣрь ты! Не дастъ тебѣ Богъ счастья“. Во второмъ актѣ Анисья даетъ мужу ядъ, который она получила отъ Матрены, въ чаѣ. Петръ знаетъ, что онъ долженъ умереть. Матрена и Анисья пользуются моментомъ, чтобы завладѣть деньгами, которыя больной спряталъ гдѣ-то; онѣ боятся, что онъ отдастъ ихъ своей сестрѣ. Наконецъ, Анисья находитъ ихъ на самомъ Петрѣ и отдаетъ Никитѣ спрятать. Въ концѣ акта умираетъ Петръ.

Въ третьемъ актѣ мы видимъ Никиту хозяиномъ дома и мужемъ Анисьи. Онъ — горькій пьяница и мотъ, суровый господинъ дома, „учитъ“ жену и обольщаетъ Акулину, дочь Петра отъ перваго брака. Простоватая, немного тугая на ухо Акулина носится по всему дому съ подарками, полученными отъ отчима, и ссорится съ

мачихой. Она прямо въ глаза говоритъ Анисьѣ, что она отравила мужа; Анисья попрекаетъ Акулину тѣмъ, что она живетъ съ чужимъ мужемъ. Никита пытается усмирить спорящихъ женщинъ, но неудачно. Тогда онъ, пьяный, выгоняетъ Анисью изъ ея же собственной избы. Теперь Акулина чувствуетъ себя настоящей хозяйкой дома. Она не хочетъ больше жить вмѣстѣ съ Анисьей, называетъ ее душегубкой, которую она сгонитъ со двора. Опять появляется на сцену на первый взглядъ простоватый, заикающійся и кашляющій Акимъ. Безпорядочная, безобразная жизнь, которая идетъ въ домѣ сына, возмущаетъ его. Онъ остался безъ своей лошаденки; нужда заставила его просить у сына денегъ; и тотъ деньги даетъ. Но когда Акимъ видитъ, какую позорную жизнь ведетъ его сынъ, онъ высчитываетъ Никитѣ его грѣхи, отдаетъ назадъ деньги и не хочетъ остаться въ этомъ домѣ хоть на часъ: скорѣе онъ пойдетъ побираться, чѣмъ станетъ пользоваться деньгами Никиты. Затѣмъ идетъ четвертый актъ. Акулину сватаютъ. Въ одинъ осенній день во дворъ заходитъ сватъ. Его принимаетъ Матрена. Она никакъ не можетъ нахвалиться прекрасными качествами Акулины. Сватъ спрашиваетъ, отчего не видно дѣвушки,—ужъ не больна ли она. Матрена и тутъ находитъ объясненіе. Она заводитъ рѣчь о колдовствѣ: когда-де прошелъ слухъ, что Акулину хотятъ сватать, кто-то испортилъ ее дурнымъ глазомъ, такъ что теперь она не можетъ показаться. Но она, Матрена, знаетъ средство отъ этого колдовства, и завтра Акулина встанетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А въ дѣйствительности было совсѣмъ не то: отношенія съ Никитой не прошли Акулинѣ даромъ—она родила ребенка; и теперь надо было во что бы то ни стало незамѣтно устранить его. Авторъ рисуетъ Никиту легкомысленнымъ и пустымъ человѣкомъ; но все-таки совѣсть не совсѣмъ еще заглохла въ немъ: онъ понимаетъ, какой грѣхъ взялъ онъ на душу, и съ тревогой ищетъ выхода. Онъ съ удовольствіемъ отправилъ бы ребенка въ воспитательный домъ. Но Анисья совѣтуетъ ему вырыть въ погребѣ яму и закопать въ нее ребенка. Никита проти-

вится этому дьявольскому совѣту. Матрена настойчиво заставляетъ его скрыть всѣ слѣды этого событія, чтобы Акулина не осталась у нихъ на шеѣ и могла выйти замужъ. Смущенный Никита спрашиваетъ, въ самомъ ли дѣлѣ ребенокъ мертвый. Матрена отвѣчаетъ: „Извѣстно померъ. Только живѣй надо. А то народъ не полегся. Услышатъ, увидятъ,—имъ все, подлымъ, надо. А урядникъ вечоръ приходилъ. А ты вотъ что (*Подаетъ скребку*). Слѣзь въ погребъ-то. Тамъ въ уголку выкопай ямку, землица мягкая, тогда опять заровняешь. Земля-матушка никому не скажетъ, какъ корова языкомъ слижетъ. Иди же, иди, родной". Подходитъ Анисья и всовываетъ Никитѣ въ руки лопату. Онъ все еще медлитъ спуститься въ погребъ. Анисья грозитъ, что созоветъ людей и все откроетъ. Вмѣстѣ съ Никитой Матрена съ фонаремъ спускается въ погребъ и напоминаетъ Анисьѣ, что ребенка надо сначала окрестить.

Ужасная сцена, равной которой нельзя найти ни въ одной драмѣ всего міра, слѣдуетъ затѣмъ. Анисья приноситъ закутаннаго ребенка, насильно отнятаго у родильницы, и бросаетъ его Никитѣ, голова котораго торчитъ изъ погреба. Никита подхватываетъ ребенка и замѣчаетъ, что онъ еще живъ. Анисья вырываетъ у него ребенка и со словами: „Задуши скорѣй, не будетъ живой. Твое дѣло, ты и прикончи", бросаетъ его въ погребъ, куда сталкиваетъ мужа на позорное преступленіе. Уже при чтеніи чувствуешь, какъ леденѣетъ кровь; въ театрѣ же эта сцена ужасна свыше всякаго описанія, даже для тѣхъ, кто знакомъ съ театромъ лѣтъ двадцать и имѣлъ за это время достаточно случаевъ насмотрѣться на всякіе драматическіе ужасы. Мы предоставляемъ дальше слово самому автору:

Анисья: Доской прикрылъ, на доску сѣлъ. Кончилъ, должно.

Матрена: О-охъ! И радъ бы не грѣшить, да что сдѣлаешь?

Никита (*вылѣзаетъ, трясется весь*): Живъ все! Не могу! Живъ!

Анисья: А живъ, такъ куда же ты? (*Хочетъ остановить его*).

Никита *(бросается на нее):* Уйди ты, убью я тебя! *(Схватываетъ ее за руку, она вырывается, онъ бѣжитъ за ней съ скребкой. Матрена бросается къ нему навстрѣчу, останавливаетъ его. Анисья убѣгаетъ на крыльцо. Матрена хочетъ отнять скребку).*

Никита *(на мать):* Убью, и тебя убью, уйди! *(Матрена убѣгаетъ къ Анисьѣ на крыльцо. Никита останавливается).* Убью! Всѣхъ убью!

Матрена: Съ испугу это... Ничего, сойдетъ это съ него...

Никита: Что-жъ это они сдѣлали? Что они со мной сдѣлали? Пищалъ какъ... Какъ захруститъ подо мной. Что они со мной сдѣлали?!.. И живъ все, право живъ. *(Молчитъ и прислушивается).* Пищитъ... Во пищитъ. *(Бѣжитъ къ погребу).*

Матрена *(къ Анисьѣ)*: Идетъ, видно зарыть хочетъ. Микита, тебѣ бы фонарь.

Никита *(не отвѣчая, слушаетъ у погреба).* Не слыхать. Примѣтилось. *(Идетъ прочь и останавливается).* И какъ захрустятъ подо мной косточки!.. Кр... Кр... Что они со мной сдѣлали? *(Опять прислушивается).* Опять пищитъ, право пищитъ... Что же это? Матушка, а матушка! *(Подходитъ къ ней).*

Матрена: Что, сынокъ?

Никита: Матушка, родимая, не могу я больше! Ничего не могу. Матушка, родимая, пожалѣй ты меня!

Матрена: Охъ, напугался же ты, сердечный! Поди, поди, винца, что-ли, выпей для смѣлости.

Никита: Матушка, родимая, дошло видно до меня. Что вы со мной сдѣлали? Какъ захрустятъ эти косточки, да какъ запищитъ!.. Матушка, родимая, что вы со мной сдѣлали! *(Отходитъ и садится на сани).*

Матрена совѣтуетъ ему выпить: ночное время, говоритъ она, пугаетъ его, а днемъ онъ обо всемъ забудетъ. Она хочетъ спуститься въ погребъ и засыпать ребенка землей. Несчастный продолжаетъ свое: „Не зарывай, живой онъ. Развѣ не слышишь? Живой! Во пищитъ... Во... внятно...“—„Да гдѣ же пищать-то?“—спрашиваетъ мать: „Вѣдь ты его въ блинъ расплющилъ. Всю головку

раздребезжилъ". Никита въ ужасѣ настораживается и заключаетъ четвертый актъ слѣдующими словами: „Все пищитъ! Рѣшился я своей жизни, рѣшился... Что они со мной сдѣлали?!.. Куда уйду я?.."

Заключительный актъ драмы распадается на двѣ картины. На сцену выходятъ дѣвушки и говорятъ, что свадебный поѣздъ уже проѣхалъ. Къ нимъ подходитъ Марина, но не за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на свадьбу, а чтобы услышать, при случаѣ, какъ поживаетъ Никита. Ему хотѣлось получше устроиться; и онъ не постѣснялся отдать ее на позоръ. Въ первое время ей приходилось тяжело; но теперь все это—пережитое. Она вышла замужъ за мужика; она разсказала ему все, и онъ простилъ ей все. Мужъ обращается съ ней мягко и ласково; она ухаживаетъ за его дѣтьми. Никита—посаженый отецъ; но онъ—въ мучительномъ настроеніи, оставляетъ гостей и жалуется такъ позорно обманутой имъ женщинѣ на свое тяжелое настроеніе, какъ все опротивѣло ему, какъ тоска грызетъ его, такъ что въ пору хоть повѣситься. Онъ долженъ благословить жениха и невѣсту; но не можетъ, бросается въ отчаяніи на солому и, только уступая настоятельнымъ уговариваніямъ матери и жены, онъ обѣщаетъ, наконецъ, показаться къ гостямъ. Въ послѣдней картинѣ мы видимъ опять ту самую избу, что и въ первомъ актѣ; въ ней полно гостей. Пьютъ водку, женщины начинаютъ пѣть. Наконецъ, среди нихъ появляется Никита, не затѣмъ чтобы благословить молодыхъ. На немъ нѣтъ сапогъ; онъ бросается на колѣни. „Міръ православный! кричитъ онъ:—виноватъ я, каяться хочу". Во всеуслышаніе кается онъ передъ Мариной, въ томъ, что соблазнилъ ее и обѣщалъ ей жениться, передъ Акулиной, что ея отецъ умеръ не своей смертью, а былъ отравленъ, что ея ребенка онъ задушилъ доской. Староста приказываетъ связать Никиту, а старый Акимъ торжественно обращается къ сыну со словами: „Богъ проститъ, дитятко родимое", обнимаетъ его и прибавляетъ: „Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ, Богъ-то, Богъ-то... Онъ во..."

Такимъ образомъ заканчивается эта потрясающая драма чисто русской исповѣдью, публичнымъ призна-

ніемъ вины, — конецъ драмы, напоминающій собой то мѣсто изъ „Преступленія и наказанія“, гдѣ Соня говоритъ Раскольникову: „Поди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи всѣмъ вслухъ: „я убилъ!“ Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ. Пойдешь? Пойдешь?“.

Такъ именно и поступаетъ Никита въ трагедіи Толстого, значеніе которой заключается въ вѣрной до мелочей характеристикѣ народной жизни и страшномъ реализмѣ дѣйствія. Въ Январѣ 1890 года состоялись первое русское и первое нѣмецкое представленія этой драмы, первое—въ частномъ домѣ, у Приселковыхъ, и не безъ затрудненій. Но отъ перваго частнаго представленія этой замѣчательной драмы до перваго публичнаго представленія прошло не мало времени.

Въ январѣ 1890 года драма Толстого была представлена въ „Berliner Lessingtheater“; она произвела потрясающее впечатлѣніе, несмотря на то, что далеко не вездѣ правильно былъ схваченъ русскій колоритъ: зрители были подавлены трагизмомъ событія, разработаннаго авторомъ. Первое представленіе въ Вѣнѣ дано было лѣтомъ 1899 года, берлинской труппой, которая гастролировала тогда въ австрійской столицѣ и имѣла огромный успѣхъ главнымъ образомъ благодаря пьесѣ Толстого. По этому поводу Фридрихъ Шютцъ помѣстилъ въ „Neue Freie Presse“ отъ 22 іюля 1899 года интересную статью, въ которой онъ, пользуясь данными, сообщенными однимъ изъ друзей дома Толстыхъ разсказалъ, какъ создалась эта замѣчательная драма. „Власть тьмы“, говоритъ онъ, создана самой жизнью. Фактическая сторона драмы разработана согласно съ истиннымъ происшествіемъ, о которомъ авторъ узналъ отъ тульскаго прокурора. Подвиги Никиты цѣликомъ взяты изъ актовъ судебнаго производства. Съ неутомимымъ терпѣніемъ Толстой прежде всего снялъ съ нихъ копію. Вскорѣ затѣмъ онъ заболѣлъ. Болѣзнь ноги свалила его въ постель; такъ какъ онъ удалилъ струпъ раны слишкомъ преждевре-

менно, то грозила опасность зараженія крови. Когда онъ началъ выздоравливать, онъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся за работу. Ни одно изъ его произведеній не было написано съ такой быстротой. Никогда не представлялось ему болѣе удобнаго случая писать прямо съ натуры; его драма стояла передъ нимъ совсѣмъ готовой въ обвинительномъ актѣ его друга—юриста. Толстой измѣнилъ только одинъ изъ указанныхъ въ этомъ актѣ мотивовъ, именно тотъ, который заставляетъ Никиту публично каяться. Въ дѣйствительности неожиданное несчастье съ младшей дочерью произвело нравственный переворотъ въ убійцѣ. Перепуганная, охваченная жалостью, предчувствуя недоброе слышитъ дѣвочка изъ погреба визгливые стоны ребенка и пристаетъ къ отцу съ опасными вопросами. Въ гнѣвѣ тотъ схватилъ оглоблю и свиснулъ дѣвочку по головѣ. Дѣвочка упала, обливаясь кровью. Она явилась ангеломъ мести. Испугавшись этого новаго убійства, Никита отдаетъ себя въ руки правосудія. Послѣ скопленія страшныхъ грѣховъ въ драмѣ такая развязка казалась Толстому уже не подходящей. Борьба въ душѣ Никиты производитъ катастрофу въ драмѣ. Не только эта сила, вызвавшая катастрофу, но и среда, въ которой она разражается, влекли къ себѣ Толстого. Онъ всегда имѣлъ особенное влеченіе къ художественному воспроизведенію крестьянской русской жизни, ихъ отношеній къ природѣ, ихъ обычаевъ, едва затронутыхъ непрерывнымъ движеніемъ окружающей жизни, смѣси истинной набожности и лицемѣрія, жалкой ограниченности и яснаго разсудка, уступчивой слабости и неодолимаго упрямства. Эта склонность развилась въ немъ подъ вліяніемъ Ауэрбаха, котораго Толстой до сихъ поръ высоко цѣнитъ и почитаетъ. Какъ ни странно звучитъ утвержденіе, а все-таки оно вѣрно, что первобытные угрюмые, степные образы Толстого являются потомствомъ высококультурныхъ, идеализированныхъ крестьянъ нѣмецкаго поэта“.

Присутствуя на представленіяхъ своей драмы, Толстой настойчиво требовалъ, чтобы актеры отказались отъ традиціонныхъ пріемовъ, чтобы они не играли роли

въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а старались схватить внутреннюю сущность, цѣликомъ уходили въ данные характеры. Характеренъ для реализма, котораго требовалъ онъ отъ сцены, тотъ фактъ, что онъ предложилъ режиссеру для тѣхъ сценъ, которыя происходятъ на открытомъ воздухѣ и изображаютъ внутренность крестьянскаго двора, привезти въ театръ навоза, полагая, что для полноты иллюзіи въ данномъ случаѣ необходимо участіе и обонятельныхъ нервовъ; вполнѣ естественно, что требованіе это не было удовлетворено.—Среди произведеній Толстого „Власть тьмы“ занимаетъ весьма видное мѣсто и всегда будетъ служить доказательствомъ того, что его творческая сила могла бы обогатить и театръ, если бы онъ хорошо ознакомился съ драматическимъ искусствомъ въ болѣе ранніе годы.

Вторая пьеса Толстого, „Плоды просвѣщенія“, не имѣетъ ничего общаго съ потрясающимъ трагизмомъ, которымъ такъ богата „Власть тьмы“, и вводитъ насъ, въ ряды добродушно веселыхъ сценъ, въ богатый московскій домъ, къ людямъ, принадлежащимъ къ образованному классу и пользующимся завиднымъ благосостояніемъ. Трагедія рисуетъ намъ невѣжество и грубость низшаго класса, комедія—глупости и чудачества высшаго. Въ ней не менѣе тридцати трехъ дѣйствующихъ лицъ; и каждое охарактеризовано авторомъ такъ же мѣтко, какъ у Гоголя въ „Ревизорѣ“. Богатый помѣщикъ, отставной поручикъ конной гвардіи, здоровый, добродушный мужчина лѣтъ шестидесяти, наполовину помѣшался изъ-за гипнотическихъ и спиритическихъ опытовъ; онъ вѣритъ въ чудеса четвертаго измѣренія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше поддерживаетъ въ немъ эту вѣру одинъ извѣстный профессоръ, и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы поговорить о своихъ опытахъ въ этой таинственной области и вызвать общее изумленіе своими разсказами. Въ его передней стоятъ крестьяне изъ Курской губерніи; они явились съ просьбой и съ подарками. Имъ нужно купить у помѣщика землю, безъ которой они никакъ не могутъ обойтись; но они не могутъ уплатить сразу всю сумму и обѣщаютъ вы-

платить ее частями. Помѣщикъ готовъ помочь крестьянамъ; но онъ не можетъ рѣшить дѣла, не посовѣтовавшись предварительно со своими духами. Его сынъ, юристъ, членъ разныхъ обществъ, въ родѣ общества разведенія борзыхъ собахъ, но ничѣмъ собственно не занимающійся, разговариваетъ съ крестьянами съ видомъ превосходства. Затѣмъ на сцену выходитъ жена помѣщика, „полная, молодящаяся дама, озабоченная свѣтскими приличіями, презирающая своего мужа и слѣпо вѣрящая доктору“, превосходно очерченная фигура, со всей ея способностью раздражаться и взбалмошностью. Она помѣшана на микробахъ, какъ ея мужъ на духахъ. Каждая складка платья, каждое дуновеніе воздуха съ улицы кажется ей очагомъ заразы, который можетъ занести въ ея домъ оспу, скарлатину, дифтеритъ. Какъ же не выйти ей изъ себя, когда она видитъ въ своемъ домѣ крестьянъ изъ Курской губерніи,—мѣстности, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія дифтерита. О продажѣ земли она и слышать не хочетъ. Крестьянамъ приходится немедленно очистить комнату; вездѣ, гдѣ они стояли, производится самая тщательная дезинфекція салициловой кислотой.

Крестьяне въ большомъ затрудненіи; ихъ выручаетъ горничная Таня, умная, изворотливая особа, напоминающая своимъ темпераментомъ и проворствомъ мольеровскихъ слугъ. Она выдумываетъ уловку, чтобы помочь себѣ и другимъ. Она любитъ кухоннаго мужика Семена и съ удовольствіемъ пошла бы за него замужъ. Чтобы добиться своего, она продѣлываетъ ловкую комедію съ духами, въ которой Семену приходится помогать ей. Второй актъ проходитъ на кухнѣ; тутъ цѣлый рядъ мѣтко очерченныхъ народныхъ типовъ и необыкновенно живой и естественный діалогъ; но собственно дѣйствія онъ почти не подвигаетъ впередъ. Третій актъ— настоящій спиритическій сеансъ и вмѣстѣ съ тѣмъ козырь, которымъ ловко пользуется умная Таня, чтобы однимъ ударомъ выиграть партію. Она навязала своему Семену роль медіума и точно объяснила ему, когда онъ долженъ дѣлать соотвѣтствующія движенія, засыпать и

просыпаться. Огни потушены; профессоръ произноситъ столько же ученую, сколько и глупую рѣчь. Въ то время, когда присутствующіе съ напряженіемъ ждутъ появленія духовъ, Таня поднимаетъ стукъ и, наконецъ бросаетъ на столъ купчую. Помѣщикъ убѣжденъ, что высшая воля повелѣваетъ ему удовлетворить просьбу крестьянъ.

Третья пьеса Толстого—небольшой фарсъ, въ которомъ больше назидательности, чѣмъ поэзіи. Своими простыми, сочными штрихами онъ напоминаетъ пьесы Ганса Закса, съ тѣмъ только различіемъ, что отъ каждаго предложенія въ немъ вѣетъ чистѣйшимъ русскимъ народнымъ духомъ. Эта маленькая пьеса называется „Первый винокуръ“ или „Какъ чертенокъ краюшку выкупилъ“ и состоитъ изъ шести такъ называемыхъ дѣйствій, которыя въ сущности можно назвать только коротенькими сценами. Въ первой сценѣ мы видимъ мужика, который только что прошелъ послѣднюю борозду и думаетъ пообѣдать у колодца хлѣбомъ, который дала ему жена. Онъ усталъ и голоденъ, но веселъ, доволенъ и благодаренъ своему Творцу. Показывается тихонько чортъ; онъ удивляется благочестивому мужику и уноситъ хлѣбъ: онъ почти увѣренъ, что мужикъ разсердится и начнетъ сыпать проклятія. Но мужикъ не доставляетъ ему этого удовольствія: онъ мирится съ судьбой и говоритъ: „Ну да не умру съ голоду? Видно, тому нужно было, кто ее унесъ. Пускай ѣстъ на здоровье“. Мужикъ засыпаетъ, а чортъ уходитъ, въ дурномъ настроеніи: ему не удалось, уловить въ сѣти ада душу мужика. Картина мѣняется: мы видимъ главнаго чорта, князя ада, которому отдаютъ отчетъ въ добычѣ, пріобрѣтенной за послѣднее время. Отчетъ сдаютъ черти разныхъ сословій и званій; всѣ они хвастаются богатой поживой. Только мужицкій чортъ въ полномъ отчаяніи: его преслѣдуетъ неудача. Къ мужику никакъ нельзя подступиться: онъ съ утра до вечера за работой и безъ Бога не начинаетъ никакого дѣла. Старшій чортъ въ бѣшенствѣ; онъ обзываетъ своего слугу лѣнтяемъ и приказываетъ стражѣ бить его до тѣхъ поръ, пока тотъ

не обѣщаетъ, наконецъ, выдумать такую штуку, которая предастъ въ его руки всѣхъ мужиковъ. Чортъ одѣвается работникомъ, поступаетъ въ услуженіе къ мужику и служитъ уже третій годъ. Урожай такъ обиленъ, что хлѣба некуда дѣвать. Мужикъ—добрый человѣкъ; онъ охотно дѣлится своимъ богатствомъ съ сосѣдями, хотя работникъ осуждаетъ его доброе сердце; онъ говоритъ: что давать взаймы—катить подъ гору, а требовать обратно—катить на гору. Работникъ обѣщаетъ мужику приготовить изъ избытка зерна напитокъ, сладкій какъ медъ, который придаетъ силъ и утоляетъ голодъ. Сцена измѣняется: мы видимъ сарай. На серединѣ стоитъ покрытый сажей котелъ съ краномъ и желѣзнымъ горшкомъ. Мужику нравится напитокъ; онъ приходитъ въ веселое настроеніе. Онъ зоветъ жену и дочь; онѣ слѣдуютъ его примѣру и начинаютъ плясать и пѣть подъ звуки балалайки. Наконецъ, приходятъ дѣдъ и бабка. Бабка тоже поддается искушенію; но старикъ опрокидываетъ вино, и когда мужикъ начинаетъ упрекать его за это, онъ въ гнѣвѣ кричитъ, зажигая горящей лучиной разлитую жидкость, что ничего хорошаго въ этомъ напиткѣ нѣтъ: Богъ далъ много хлѣба, чтобы кормиться людямъ, а онъ сдѣлалъ изъ него дьявольскій напитокъ, который принесетъ имъ только зло. Это огонь, а не напитокъ, говоритъ старикъ: и этотъ огонь сожжетъ того, кто къ нему прикоснется. Теперь работникъ, тщательно и съ трудомъ скрывающій свои рога и когти, торжествуетъ. Тотъ самый мужикъ, который раньше съ радостью отдавалъ послѣднюю краюху хлѣба, хочетъ бить свою жену за пролитый стаканчикъ вина. Чѣмъ больше пьютъ, тѣмъ сварливѣе становятся всѣ, безтолково кричатъ другъ другу; ихъ тянетъ въ драку. Въ послѣднемъ дѣйствіи мы видимъ, какъ музыка и танцы раззадориваютъ крестьянъ, какъ они, пьяные, шумятъ и кричатъ, какъ въ избѣ становится все хуже и хуже и какъ, наконецъ, пьяные валяются на улицѣ. Такое дѣйствіе напитка какъ разъ по сердцу главному чорту; онъ говоритъ объ опьянѣвшихъ мужикахъ, что сдѣлались сначала лисицами, затѣмъ волками, наконецъ свиньями, и заканчиваетъ пьесу похвалой работнику.

Очевидно, что драматическая форма придана этой штукѣ только случайно; тутъ дѣленіе матеріала на сцены—вещь второстепенная. На сценѣ можетъ произвести особое впечатлѣніе развѣ то явленіе, гдѣ спиртъ впервые производитъ на мужиковъ свое охмѣляющее дѣйствіе и старикъ съ угрозой говоритъ имъ, что они глотаютъ огонь. Но ради одной этой сцены едва ли стоитъ приводить въ дѣйствіе сложный сценическій аппаратъ, чтобы вызвать то же самое впечатлѣніе, которое вполнѣ даетъ простое чтеніе пьесы. Вообще же при общей характеристикѣ литературной дѣятельности Толстого его драматическія произведенія можно поставить только на второмъ или третьемъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ послѣ его эпическихъ и морально-философскихъ произведеній, хотя было бы ошибкой не ознакомиться съ ними: и въ нихъ мы находимъ характерныя черты его міросозерцанія; особенно важна въ этомъ отношеніи первая драма, „Власть тьмы“. За послѣднія десять лѣтъ она неразъ ставилась не только въ Россіи, но и въ Германіи, и во Франціи, вызывая съ каждымъ разомъ все болѣе оживленныя и противорѣчивыя сужденія.

Міросозерцаніе и личность Толстого.

Когда говорятъ о графѣ Львѣ Толстомъ и дѣлаютъ попытку выяснить себѣ то глубокое духовное теченіе, которое исходитъ отъ него, передъ большинствомъ самъ собой поднимается вопросъ, кто собственно имѣется тутъ въ виду, теперешній или прежній Толстой. Слишкомъ ужъ склонны видѣть въ его личности два совершенно различныхъ существа, между которыми нѣтъ прямой связи. Многіе думаютъ, что художественный талантъ Толстого былъ уже исчерпанъ болѣе или менѣе, когда онъ началъ провозглашать міру свои философскія ученія. Что во всемъ его существѣ замѣчаются признаки прогрессирующаго упадка, этого, конечно, нельзя отрицать. Ошибочно только предположеніе, будто упадокъ этотъ наступилъ вдругъ и безвозвратно и будто эти двѣ натуры находятся въ непримиримомъ противорѣчіи. То, что въ настоящее время составляетъ существенное содержаніе его жизни, подготовлялось въ немъ самымъ послѣдовательнымъ образомъ; возникновеніе этихъ идей можно прослѣдить уже въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ; а что творческія силы еще не оставили его, онъ доказалъ въ сравнительно недавнее время, когда праздновалъ семидесятый годъ своего рожденія. Вѣрно во всемъ этомъ только то, что графъ Толстой, доживши приблизительно до пятидесяти лѣтъ, началъ въ рядѣ произведеній публично исповѣдываться въ удивительной метаморфозѣ, которая совершалась въ немъ, при чемъ отвергъ почти все, что мы до сихъ поръ знали о немъ, и принялъ воззрѣнія, исходившія изъ совершенно новаго круга идей. Измѣнились краски въ той картинѣ міра,

которую онъ носилъ въ своей головѣ. Самъ онъ пересталъ смотрѣть на жизнь глазами поэта и художника и началъ относиться къ ней критически, съ точки зрѣнія философа и моралиста. Вѣрно, затѣмъ, то, что именно эта странная метаморфоза создала ему чрезвычайную популярность. „Войну и миръ“, „Анну Каренину“ читали, можетъ быть, только два или три человѣка изъ нѣсколькихъ тысячъ; но каждому изъ тѣхъ же тысячъ стало извѣстно, что въ глубинѣ Россіи есть человѣкъ знатнаго происхожденія, съ широкимъ образованіемъ, который отказался отъ всѣхъ удовольствій жизни и имѣетъ одно только стремленіе—жить въ своемъ имѣніи съ крестьянами по-крестьянски. Обитатель Ясной Поляны, отшельникъ и филантропъ, сразу оказался въ глазахъ широкой публики окруженнымъ привлекательной дымкой романтизма; и чѣмъ настойчивѣе отрекался онъ отъ своихъ прежнихъ воззрѣній, тѣмъ интереснѣе казался онъ ей. То, что графъ и извѣстный писатель въ мужицкомъ зипунѣ ходилъ по улицамъ Москвы и пытался устроить свою жизнь такъ, какъ живетъ самый простой человѣкъ изъ народа, было для массъ возбуждающимъ зрѣлищемъ. Къ тому, что онъ поступилъ въ мастерскую сапожника и пробовалъ самъ изготовить сапогъ, что дома его заставали, когда онъ былъ занятъ кладкой печи, что онъ раннимъ утромъ вмѣстѣ съ пастухами гонялъ стадо въ поле, что онъ собственными руками таскалъ воду и къ другимъ фактамъ въ томъ же родѣ относились просто какъ къ фактамъ анекдотическаго характера. Въ концѣ концовъ начали неодобрительно и съ сожалѣніемъ покачивать головами.

Въ одномъ изъ своихъ произведеній Толстой подробно характеризуетъ то душевное состояніе, въ которомъ онъ находился тогда. У меня была, говоритъ онъ добрая, достойная уваженія, прекрасная, любящая и любимая жена, добрыя дѣти, большое состояніе, которое росло и увеличивалось безъ всякихъ усилій съ моей стороны. Больше чѣмъ когда-либо меня уважали мои близкіе и знакомые, хвалили чужіе и безъ особаго высокомѣрія я могъ думать, что мое имя знаменито. При всемъ томъ

я не былъ не только что не разстроенъ физически и здоровъ духомъ—напротивъ, я обладалъ такимъ духовнымъ и физическимъ здоровьемъ, какое я рѣдко встрѣчалъ у людей, подобныхъ мнѣ. Физически я могъ работать на сѣнокосѣ, не отставая отъ мужиковъ. Духовно я могъ работать по восемнадцати часовъ подъ рядъ, не чувствуя отъ такого напряженія какихъ-либо послѣдствій. И при такомъ состояніи я пришелъ къ убѣжденію, что я не могу жить и что, при своей боязни смерти, я долженъ употреблять хитрость противъ себя самого, чтобы не отнять у себя жизни, чего я боялся". Еще раньше появилась въ немъ склонность считать все свое литературное творчество продуктомъ пустоты и тщеславія; уже въ 1861 году онъ писалъ: „Литература такъ же, какъ и откупа, есть только искусная эксплоатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа" и затѣмъ: „То, что культурные люди называютъ прогрессомъ, выгодно по большей части только для нихъ, но противорѣчитъ пользѣ народныхъ массъ".

Изъ различныхъ источниковъ, которые къ тому же далеко не всегда можно прослѣдить съ точностью, проистекаетъ, думается намъ, это мрачное и враждебное культурѣ міросозерцаніе, которое стоитъ въ столь рѣшительномъ противорѣчіи со всѣмъ прежнимъ литературнымъ творчествомъ его и надъ выработкой котораго онъ неутомимо трудится почти уже четверть вѣка. Раньше, чѣмъ бываетъ это обыкновенно съ молодыми людьми его воспитанія и общественнаго положенія, пришлось ему познакомиться съ великой тайной, въ которую рано или поздно жизнь посвящаетъ всѣхъ людей, съ неотвратимостью смерти. Въ юности мысль о смерти приходитъ къ людямъ вообще рѣдко. Если и приходится время отъ времени терять навсегда родныхъ и друзей, то въ тѣ годы, когда надежды и богатыя жизненныя силы бьютъ въ жилахъ, очень легко склоняются къ тому, чтобы видѣть въ фактѣ индивидуальнаго уничтоженія нѣчто такое, что въ существѣ дѣла мало касается насъ. Мы печалимся по этому поводу, потому что видимъ печальными другихъ; и только гораздо позднѣе приходимъ

къ ясному пониманію того, что собственно означаетъ мрачная и загадочная сила смерти. Иначе обстояло дѣло у Толстого. Его раннее развитіе было реакціей сильнаго духа противъ бурныхъ и разнузданныхъ требованій крови. Самыми горькими словами жалуется онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній, разсказывая о своихъ юныхъ годахъ: „Безъ ужаса, отвращенія и сердечной боли я не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Нѣтъ такихъ пороковъ, которымъ я не предавался бы въ тѣ годы; нѣтъ такого преступленія, котораго я не совершилъ бы. Ложь, воровство, прелюбодѣяніе во всѣхъ видахъ, пьянство, насиліе, убійство — все это я совершилъ; я только желалъ добра и мои сверстники считали меня за это относительно нравственнымъ человѣкомъ и теперь еще считаютъ. Я жилъ въ своемъ имѣніи и пропивалъ, проигрывалъ и проматывалъ то, что вырабатывали мужики, я наказывалъ и мучилъ ихъ, пользовался ими для своихъ распутствъ, продавалъ и обманывалъ ихъ, и за все это меня хвалили; и безъ исключенія меня презирали и надо мной смѣялись ради того добра, которое я пытался сдѣлать“.

Прежде всего на Кавказѣ и въ Крыму Толстой воочію убѣдился, какъ мало стоитъ человѣческая жизнь, когда одинъ народъ съ оружіемъ въ рукахъ наступаетъ на другой и цѣлые потоки крови являются какъ нѣчто повседневное и само собой понятное. Во время своего путешествія по западной Европѣ онъ видѣлъ медленную и мучительную кончину любимаго брата, видѣлъ, какъ понемногу уходила жизнь изъ той самой крови, изъ которой былъ созданъ и онъ. Въ глубинѣ души онъ никогда не могъ преодолѣть это впечатлѣніе. Онъ глубоко волновался всякій разъ, какъ вспоминалъ объ этомъ. Онъ началъ слѣдить за состояніемъ своего здоровья; и ему пришло въ голову, что, можетъ быть, и онъ страдаетъ чахоткой, какъ братъ. Это убѣжденіе такъ сильно укрѣпилось въ немъ, что онъ началъ подумывать о средствѣ, чтобы вырвать изъ своего тѣла зародышъ этой опасной болѣзни, пока есть еще время. Онъ прибѣгъ къ средству, въ дѣйствительность котораго внѣ

Россіи мало вѣрили въ то время: онъ отправился въ Нижній-Новгородъ, а отсюда по Волгѣ въ Самару, на кумысъ. Цѣлительное молоко кобылъ изъ приволжскихъ степей сдѣлало съ нимъ чудеса: онъ возвратился домой, существенно укрѣпивши свое здоровье. Случилось это незадолго до женитьбы. Однако, боязнь, что и онъ можетъ пасть жертвой той же болѣзни, отъ которой умеръ его братъ, не покидала его даже и въ болѣе поздніе годы. Вездѣ, гдѣ въ его произведеніяхъ заходитъ рѣчь о смерти, его изложеніе становится необыкновенно торжественнымъ. Непосредственно отразилась смерть брата въ „Аннѣ Карениной", гдѣ нѣсколько главъ заняты описаніемъ подобнаго же событія. Онъ всегда интересовался вопросомъ объ отношеніи индивидуума къ смерти, о благодѣтельныхъ и вредныхъ послѣдствіяхъ различія въ общественномъ положеніи, которыя сказываются при смерти. Въ небольшомъ разсказѣ „Три смерти" проглядываетъ мысль, что кончина тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ дальше стоитъ человѣкъ отъ природы. Какъ мучительно угасаетъ больная баронесса! Мужикъ лежитъ на печи и отказываетъ новые сапоги почтальону, надѣясь, что онъ поставитъ на его могилѣ камень; для этого мужика смерть — простое событіе, въ которомъ ничего нельзя измѣнить. Дерево дрожитъ подъ ударами топора всѣмъ своимъ тѣломъ, качается изъ стороны въ сторону и съ трескомъ падаетъ, въ то время, какъ сосѣднія деревья расправляютъ свои вѣтви въ освободившемся пространствѣ. Къ гораздо болѣе позднему времени относится сильный психологическій этюдъ „Смерть Ивана Ильича"; тутъ мы видимъ, какъ медленно и съ тяжелыми страданіями умираетъ сильный, жизнерадостный человѣкъ отъ болѣзни, казавшейся сначала совсѣмъ незначительной. Эти постоянныя размышленія о смерти, доходившія до мучительнаго самоистязанія, все чаще и чаще вызывали за собой вопросъ, правильно ли пользуется онъ своею жизнью. Какое значеніе можетъ имѣть литературный успѣхъ и литературная слава въ странѣ, въ которой только ничтожный сравнительно процентъ жителей умѣетъ читать и писать? Положимъ, его произве-

деніями живо интересуется образованное общество; повторяющіеся переводы ихъ вызываютъ удивленіе заграницей. Но для людей, ближе всего стоящихъ къ нему, для жителей его имѣнія, о воспитаніи которыхъ онъ не перестаетъ заботиться, они все равно, что не существуютъ. Нужно было подумать о другомъ средствѣ, чтобы поднять ихъ въ духовномъ отношеніи. Еще въ то время, когда ему было только двадцать лѣтъ, Толстой устроилъ въ своемъ имѣніи школу. Но тогда онъ чувствовалъ себя недостаточно зрѣлымъ для того, чтобы руководить воспитаніемъ своихъ крестьянъ; къ тому же вскорѣ послѣ этого начались его поѣздки заграницу, такъ что на этотъ разъ его просвѣтительныя начинанія окончились ничѣмъ. Иначе обстояло дѣло въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Отмѣна крѣпостного права вынуждала помѣщиковъ принять соотвѣтствующія мѣры для перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Толстой принадлежалъ къ небольшому классу просвѣщенныхъ людей, которые дали своимъ крестьянамъ свободу раньше, чѣмъ законъ потребовалъ отъ нихъ этого. Вопросъ состоялъ теперь въ томъ, чтобы выяснить получившимъ свободу крестьянамъ перемѣну въ ихъ положеніи, ихъ обязанности по отношенію къ государству, обществу и ихъ прежнимъ господамъ. Въ видахъ раздѣла земли и разрѣшенія различныхъ затрудненій, возникшихъ между помѣщиками и крестьянами, была учреждена должность мировыхъ посредниковъ. Эту должность принялъ, между прочимъ, и Толстой и справился съ своими обязанностями необыкновенно удачно. Крестьяне довѣряли ему и охотно слушали его; неизмѣннымъ терпѣніемъ и дружелюбіемъ онъ сумѣлъ побѣдить ихъ неподвижность и неуступчивость. Онъ понялъ тутъ окончательно, что безпомощность этихъ людей зависитъ исключительно отъ ихъ невѣжества и что только учрежденіе народныхъ школъ можетъ улучшить жизненную обстановку подростающаго поколѣнія.

Все побуждало Толстого снова приняться въ полномъ цвѣтѣ силъ зрѣлаго возраста, за то дѣло, которое начиналъ онъ и оставилъ въ ранней юности. Осенью 1861 года

три школы уже были въ ходу. Онъ пригласилъ нѣмецкаго учителя и далъ ему достойныхъ помощниковъ въ лицѣ четырехъ студентовъ московскаго университета. Постепенно затѣмъ возникали новыя школы; и черезъ два года ихъ было уже двѣнадцать. Около господскаго дома въ Ясной Полянѣ находилась главная школа, съ двумя классными комнатами и физическимъ кабинетомъ. Въ домѣ жили два учителя; стояли гимнастическіе приборы и верстакъ. Обращеніе съ дѣтьми характеризовалось большой свободой, которая была предоставлена имъ. Главная задача заключалась въ томъ, чтобы пробудить въ дѣтяхъ охоту къ тому, что имъ нужно было изучать; избѣгали принудительныхъ мѣръ, чтобы не вызвать отвращенія къ занятіямъ. Въ восемь часовъ утра раздавался съ крыши школьнаго дома звукъ колокола; отъ деревни направлялись къ школѣ цѣлыя кучи дѣтей. Не бранили, если кто-нибудь опаздывалъ. Дѣти, жившія слишкомъ далеко, даже ночевали въ школѣ. Дѣти не носили съ собой книгъ; ихъ не мучили домашними работами. Вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы внимательно слушать, когда былъ съ ними учитель; разъ онъ уходилъ, они могли безъ помѣхи развлекаться, какъ имъ было угодно. Книги имъ раздавались въ началѣ урока. Никакихъ правилъ относительно размѣщенія учениковъ не было. Далеко не всегда сидѣли дѣти на скамьяхъ: если кому приходила охота усѣсться на подоконникѣ, на столѣ и даже на полу, никто не мѣшалъ ему въ этомъ. Смотрѣли только за тѣмъ, чтобы маленькія были какъ можно ближе къ учителю и чтобы тѣ, кто сидѣлъ дальше, могли видѣть черезъ головы сидящихъ впереди. Что касается содержанія обученія, то и тутъ господствовала полнѣйшая свобода. Учитель могъ толковать, сколько ему угодно, на тему, которую онъ признаетъ подходящей, онъ могъ цѣлыми часами заниматься однимъ и тѣмъ же вопросомъ, если видѣлъ, что данный предметъ возбуждаетъ въ ученикахъ особый интересъ. Дѣти тоже имѣли право вмѣшиваться. Они просто кричали: „Еще! еще!“ или: „Дальше! дальше!“, если имъ казалось, что учитель переставалъ говорить слишкомъ

рано, и пересиливали тѣхъ, кто готовъ былъ признать вопросъ исчерпаннымъ.

Любимыми предметами были чтенiе и опыты. Система отмѣтокъ сначала была принята; но скоро отказались и отъ этого обычая. Учителя вели дневники, которыми они обмѣнивались каждую субботу; согласно съ данными этихъ дневниковъ составлялся планъ на слѣдующую недѣлю. Понятно само собой, что обученiе было безплатное. Метода настолько оправдала себя, что на-ряду съ дѣтворой отъ семи до тринадцати лѣтъ въ классныхъ комнатахъ скоро появились и взрослые Учебный годъ продолжался съ октября до начала весны. Цѣлое лѣто тянулись каникулы. Однако, и въ это время Толстой не переставалъ заниматься со своими маленькими людьми, какъ называлъ онъ ихъ. На каникулахъ онъ игралъ съ ними, водилъ ихъ гулять, ходилъ съ ними купаться и училъ плавать, разсказывалъ имъ о своей жизни на Кавказѣ и тѣмъ еще больше привлекалъ ихъ къ себѣ. И зимой онъ любилъ играть съ ними. Одинъ управляющiй разсказываетъ, въ какомъ видѣ засталъ онъ однажды графа при своемъ посѣщенiи Ясной Поляны. Графъ выскочилъ изъ воротъ; за нимъ толпа дѣтей съ веселымъ смѣхомъ. Малыши держали въ рукахъ снѣжки и бомбардировали ими графа, который сначала пытался было убѣжать, но затѣмъ, увидавши гостя, сдался, какъ побѣжденный, ликующей маленькой компанiи. Толстой далъ отчетъ объ этомъ методѣ и о результатахъ своего обученiя. Этотъ отчетъ, какъ вполнѣ правильно замѣчаетъ Левенфельдъ, содержитъ не сухое изложенiе фактическихъ данныхъ, а цѣлую характеристику умственной работы человѣка, который думаетъ, что ему приходится все создавать самому, такъ какъ онъ считаетъ несостоятельными традицiонные взгляды: „Онъ даетъ настолько живое изображенiе жизни дѣтей, настолько глубокое наблюденiе постепеннаго пробужденiя въ нихъ жизни души, что сейчасъ же признаешь превосходство этого писателя по сравненiю съ педагогами. Никогда еще жизнь школы, какъ общества развивающагося молодого человѣчества, не была описана съ такой любовью, съ такой

поэзіей, съ такой живостью, какъ въ этихъ отчетахъ". Своебразность постановки дѣла побудила графа издавать педагогическій журналъ, въ которомъ можно было бы трактовать всѣ относящіеся къ дѣлу вопросы и бороться съ противными воззрѣніями. Этотъ журналъ появился впервые въ январѣ 1862 года, подъ заглавіемъ „Ясная Поляна". Въ первой книжкѣ рѣчь идетъ о системѣ принудительнаго обученія, какъ она практикуется въ западной Европѣ, при чемъ защищается то мнѣніе, что эта система не можетъ быть примѣнена въ Россіи. Толстой полагаетъ, что въ Англіи, Франціи и Германіи и родители, и дѣти мирятся со школой только по неволѣ и что и тѣ, и другіе ждутъ не дождутся того момента, когда они развяжутся съ ней. Онъ требуетъ, чтобы школа шла вровень съ жизнью, его идеалъ—такое положеніе: „Всему учить, долженъ быть отвѣтъ на вопросъ, который ставитъ жизнь". По его мнѣнію, въ иностранныхъ принудительныхъ школахъ—не пастухъ для стада, а стадо для пастуховъ. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ вооружается противъ методы Песталоцци, такъ какъ въ ней всѣ высшія способности, отступаютъ на задній планъ передъ бездушнымъ искусствомъ жизни, счетомъ и такъ дальше. „Что же намъ, русскимъ дѣлать въ настоящую минуту?"—спрашиваетъ онъ и даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: „Перестанемъ смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію какъ на враждебный элементъ педагогики, а, напротивъ, будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которою одной должна руководиться наша дѣятельность". Учащійся долженъ отказываться отъ образованія, которое не удовлетворяетъ его—критеріумомъ педагогики должна быть свобода и только свобода. По мнѣнію Толстого, нѣтъ необходимости въ подготовкѣ учителей. Онъ ни во что ставитъ учительскія семинаріи Германіи, нормальныя школы Франціи и Англіи и вообще держится того взгляда, что создать учителей, особенно учителей для народныхъ школъ, такъ же невозможно, какъ создать художника или поэта. Онъ предостерегаетъ отъ слишкомъ высокой оцѣнки умѣнья чи-

тать и писать, если одновременно съ этимъ не научаютъ понимать прочитанное. Въ противномъ случаѣ ложное представленіе о недоступности науки, неохота къ дальнѣйшему образованію, ложное самомнѣніе и привычка къ безсмысленному чтенію принесутъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Въ видѣ дополненія къ своему журналу Толстой издалъ нѣсколько дѣтскихъ и народныхъ книгъ, составленныхъ мужчинами и женщинами, близко стоявшими къ нему, а частью даже учениками; Толстой находилъ, что кое-кто изъ его мальчугановъ умѣлъ отлично выражать свои мысли и прекрасно обрабатывать любыя темы изъ собственной жизни.

Къ числу писателей, оказавшихъ глубокое вліяніе на Толстого, принадлежитъ Жанъ-Жакъ Руссо. Насколько Толстой почиталъ его, можно судить по слѣдующему признанію его: онъ хотѣлъ вставить портретъ этого писателя въ медальонъ и носить на груди. Подобно автору „Новой Элоизы", и русскій писатель—неутомимый борецъ противъ отчужденія отъ природы, къ которому ведетъ современная жизнь; подобно Руссо, и онъ требуетъ, чтобы мы отказались отъ культуры со всѣми ея пороками и вернулись къ простотѣ жизни и простодушію. На вопросъ, предложенный въ 1749 году дижонской академіей, облагораживаетъ или портитъ нравы развитіе наукъ и искусствъ, Толстой не задумался бы отвѣтить, совсѣмъ въ духѣ Руссо, что мы должны отказаться именно отъ этой духовной дѣятельности и поставить на мѣсто ея простоту естественнаго состоянія, ежели желаемъ быть счастливыми. Руссо выставилъ положеніе, что земля принадлежитъ всѣмъ и что все зло въ мірѣ создано тѣмъ человѣкомъ, который впервые огородилъ поле, назвалъ его своимъ и нашелъ другихъ, достаточно простодушныхъ для того, чтобы повѣрить ему: различая мое и свое, право собственности создало положительное право и явилось причиной всѣхъ споровъ, которые разрѣшались путемъ насилія. Толстой могъ бы обѣими руками подписаться подъ этимъ положеніемъ. У обоихъ одна и та же теорія, что образованіе и собственность противоестественны; у обоихъ оди-

наковое отвращеніе къ государству и его принудительнымъ учрежденіямъ. Подобно Руссо, Толстой издалъ свою исповѣдь, въ которой нѣтъ недостатка въ тяжкихъ самообвиненіяхъ. Оба много думали о воспитаніи и много цѣннаго написали объ этомъ предметѣ; оба восхваляютъ физическое развитіе, какъ неизбѣжное предварительное условіе здоровой духовной дѣятельности; у обоихъ мечтательная любовь къ природѣ. И у того, и у другого—неодолимое отвращеніе къ большимъ городамъ: у французскаго писателя—къ Парижу, у русскаго—къ Петербургу и Москвѣ; и тотъ, и другой счастливы только тогда, когда могутъ жить въ деревнѣ. Общимъ, наконецъ, для обоихъ является и то обстоятельство, что ихъ глубокое стремленіе къ естественности не соединено ни съ какимъ опредѣленнымъ указаніемъ пути и средствъ, которые могли бы доставить побѣду ихъ взглядамъ, что оба они страдаютъ обиліемъ неясностей и односторонностей, что у нихъ много бросающихся въ глаза преувеличеній, которыя въ свою очередь ведутъ къ ненавистному для нихъ отчужденію отъ природы, къ противоестественности. Но именно эти противорѣчія послужили причиной огромнаго вниманія, которое возбудилъ Толстой своими ученіями: читатели увидѣли въ нихъ самихъ себя. Къ новому міросозерцанію стремились всѣ; относительно практическихъ вопросовъ всѣ держались различныхъ мнѣній. Если велико сходство между Толстымъ и Руссо, то не менѣе рѣзко и различіе между ними. Руссо всю свою жизнь былъ человѣкомъ съ неустойчивымъ характеромъ и неособенно большой любовью къ правдѣ, воплощеннымъ противорѣчіемъ между теоріей и практикой; онъ писалъ замѣчательныя вещи о реформѣ воспитанія и отправлялъ своихъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Въ этомъ отношеніи на сторонѣ Толстого неизмѣримое преимущество: русскій писатель неуклонно стремился къ тому, чтобы разъ признанное истиннымъ и хорошимъ испробовать прежде всего на себѣ самомъ и своемъ образѣ жизни; онъ истинно добрый и хорошій человѣкъ, образцовый отецъ семейства, характеръ, готовый на самопожертвованіе.

Къ числу людей, которыхъ превращеніе Толстого въ религіознаго мистика серьезно озабочивало, которые боялись, что такимъ образомъ русская литература можетъ потерять одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей, принадлежалъ прежде всего Тургеневъ. Мы уже упоминали, съ какой любовью этотъ писатель принималъ своего болѣе молодого товарища въ Петербургѣ и заграницей, какъ высоко цѣнилъ онъ его повѣсти и разсказы.

Начало и конецъ этой дружбы носятъ по-истинѣ трогательный характеръ. Но эта же дружба богата непріятностями и огорченіями; къ счастью, все скоро проходило и забывалось; и только одно время непріятныя отношенія приняли угрожающій характеръ. Тургеневъ выросъ на интернаціональныхъ воззрѣніяхъ; онъ былъ человѣкомъ съ обширнымъ образованіемъ, космополитомъ въ лучшемъ смыслѣ слова, съ мягкимъ и уступчивымъ характеромъ. Толстой былъ прежде всего русскимъ, человѣкомъ съ рѣзко опредѣленными взглядами, съ неумолимымъ характеромъ, который часто проявлялся въ непріятныхъ и рѣзкихъ формахъ. Такимъ образомъ, напередъ даны были всѣ условія для разногласій; съ теченіемъ времени взаимное несходство могло только обостриться. Пока эти два человѣка обмѣнивались мыслями путемъ переписки, они еще могли понимать другъ друга. Но когда они сходились, дѣло нерѣдко доходило до крупныхъ сценъ. Въ іюнѣ 1861 года они встрѣтились у Фета, который праздновалъ день рожденія своей жены. Гости собрались за завтракомъ около самовара; разговоръ коснулся вопросовъ воспитанія. Жена Фета спросила, доволенъ ли Тургеневъ англійской гувернанткой, которую онъ пригласилъ къ своей дочери. Тургеневъ отвѣтилъ, что его дочь, по приказанію гувернантки, сама ходитъ къ бѣднякамъ за рванымъ платьемъ и сама же относитъ его, и выразилъ свое удовольствіе по поводу такой методы воспитанія, когда благотворительница приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ настоящей нуждой. По этому поводу Толстой насмѣшливо замѣтилъ, что это просто комедія, когда избалованная

роскошью дѣвочка держитъ у себя на колѣняхъ грязные зловонные лохмотья. Это замѣчаніе было по меньшей мѣрѣ безтактно; Толстой отлично зналъ, что рѣчь идетъ о незаконной дочери Тургенева; зналъ, что неделикатно коснуться вопроса значило вдвойнѣ обидѣть его. Рѣзкія слова посыпались съ той и съ другой стороны. Хозяину и хозяйкѣ дома не удалось примирить спорившихъ. Въ концѣ концовъ Тургеневъ всталъ изъ-за стола и уѣхалъ; а Толстой вслѣдъ ему послалъ вызывающее письмо. Тургеневъ съ достоинствомъ отвѣтилъ на это посланіе, даже извинился въ томъ, что все это вышло, и далъ понять, что онъ приметъ вызовъ на дуэль. Но въ концѣ концовъ случай это принялъ нѣсколько юмористическій характеръ. Тотъ и другой склонны были рѣшить споръ съ оружіемъ въ рукахъ; но ни тотъ, ни другой не хотѣлъ дѣлать вызовъ, а предпочиталъ каждый поставить другого въ такое положеніе, чтобы вызовъ сдѣлалъ тотъ. Понемногу случай этотъ такъ и заглохъ. Отозвался онъ впослѣдствіи: услужливые друзья сообщили Тургеневу, будто Толстой распространяетъ по Россіи списки оскорбительнаго для него письма; Тургеневъ твердо рѣшилъ на слѣдующее лѣто, если будетъ въ Россіи, требовать удовлетворенія; но дѣло опять кончилось ничѣмъ, такъ какъ слухъ о распространеніи письма оказался чистѣйшимъ вымысломъ. Воспоминаніе объ этомъ недоразумѣніи помѣшало Тургеневу и Толстому увидѣться въ теченіе ближайшихъ годовъ. Наконецъ, Толстой, какъ младшій, предложилъ Тургеневу руку примиренія. Тургеневъ съ радостью принялъ ее; и съ тѣхъ поръ дружеская переписка между ними не прерывалась до самой смерти Тургенева. Когда въ 1883 году, въ Буживалѣ, Тургеневъ, при смерти больной, тщетно боролся съ безсонницей и перебиралъ въ душѣ все, что было дорого ему въ жизни, передъ его глазами всталъ почтенный образъ Льва Толстого. Онъ не могъ понять, какъ можетъ такой писатель, какъ Толстой, отрицать свое искусство, и не могъ примириться съ этимъ. Онъ не могъ уже писать перомъ, взялъ поэтому карандашъ и дрожащей рукой написалъ слѣдующія строки своему

другу, товарищу и сосѣду: „Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! Я давно уже не писалъ вамъ; я лежалъ и лежу, коротко говоря, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу; объ этомъ нечего и думать. Я пишу вамъ затѣмъ, чтобы сказать вамъ, какое удовольствіе доставляетъ мнѣ быть вашимъ современникомъ, и чтобы предложить вамъ свою послѣднюю и искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературѣ. Ахъ, какъ счастливъ былъ бы я, если бы я могъ думать, что моя просьба будетъ имѣть успѣхъ у васъ. Со мной—дѣло конченное... Другъ мой, великій писатель земли русской—обратите вниманіе на мою просьбу!“

Но совѣтъ друга не могъ пересоздать настроеніе Толстого, не могъ отклонить его отъ того пути, которымъ онъ шелъ къ мистикѣ и нравственной философіи послѣднихъ лѣтъ. Неутомимо изображаетъ и осуждаетъ Толстой жизнь людей въ большихъ городахъ съ ихъ погоней за выгодой и наслажденіями, съ противоестественностью ихъ обычнаго труда и съ преждевременнымъ истощеніемъ силъ. Онъ оцѣниваетъ эту жизнь съ точки зрѣнія того, что́ люди всѣ и всегда называютъ счастьемъ, и находитъ, что они страшно несчастны въ дѣйствительности. Въ чемъ заключаются истинныя, безспорныя условія счастья? По его мнѣнію, такихъ условій пять; онъ разсматриваетъ ихъ по порядку, чтобы на нихъ доказать, насколько люди живутъ не согласно съ собственной выгодой. Первымъ условіемъ счастья онъ считаетъ такую жизнь, когда люди поддерживаютъ правильныя отношенія съ природой, т. е. жизнь подъ открытымъ небомъ, на солнечномъ свѣтѣ и вольномъ воздухѣ, общеніе съ землей, съ растеніями и животными. Взгляните теперь на жизнь людей, которые живутъ по ученію міра! „Многіе изъ нихъ — почти всѣ женщины—доживаютъ до старости, разъ или два въ жизни увидавъ восходъ солнца и утро и никогда не видавъ полей и лѣсовъ иначе, какъ изъ коляски или изъ вагона, и не только не посѣявъ и не посадивъ чего-нибудь, не вскормивъ и не воспитавъ коровы, лошади, курицы, но не имѣя даже понятія о томъ, какъ родятся, ростутъ и

живутъ животныя. Люди эти видятъ только ткани, камни, дерево, обдѣланные людскимъ трудомъ, и то не при свѣтѣ солнца, а при искусственномъ свѣтѣ, слышатъ они только звуки машинъ, экипажа, пушекъ, музыкальныхъ инструментовъ, обоняютъ они спиртовые духи и табачный дымъ; подъ ногами и руками у нихъ только ткани и дерево; ѣдятъ они по слабости своихъ желудковъ, большею частію несвѣжее и вонючее. Переѣзды ихъ съ мѣста на мѣсто не спасаютъ ихъ отъ этого лишенія. Они ѣдутъ въ закрытыхъ ящикахъ. И въ деревнѣ, и заграницей, куда они уѣзжаютъ, у нихъ тѣ же камни и дерево подъ ногами, тѣ же гардины, скрывающія отъ нихъ свѣтъ солнца, тѣ же лакеи, кучера, дворники, не допускающіе ихъ до общенія съ землей, растеніями и животными. Гдѣ бы они ни были, они лишены, какъ заключенные, этого условія счастія. Какъ заключенные утѣшаются травкой, выросшей на тюремномъ дворѣ, паукомъ, мышью, такъ и эти люди утѣшаются иногда чахлыми комнатными растеніями, попугаемъ, собачкой, обезьяной, которыхъ все-таки ростятъ и кормятъ не они сами“.

Вторымъ условіемъ счастья Толстой считаетъ трудъ, прежде всего пріятный и свободный трудъ, затѣмъ — физическій трудъ, который даетъ аппетитъ и крѣпкій, успокаивающій сонъ. „Всѣ счастливцы міра, чиновники и богачи, или, какъ заключенные, вовсе лишены труда и безуспѣшно борятся съ болѣзнями, происходящими отъ отсутствія физическаго труда, и еще болѣе безуспѣшно со скукой, одолѣвающею ихъ (я говорю: „безуспѣшно“, — потому, что работа тогда только радостна, когда она несомнѣнно нужна; а имъ ничего не нужно), или работаютъ ненавистную имъ работу, какъ банкиры, прокуроры и имъ подобные, устраивающіе гостиныя, посуды, наряды себѣ и дѣтямъ. (Я говорю: „ненавистную“,—потому, что никогда еще не встрѣтилъ изъ нихъ человѣка, который хвалилъ бы свою работу и дѣлалъ бы ее хоть съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ дворникъ счищаетъ снѣгъ передъ домомъ)“.

Третье условіе счастья, по Толстому,—семья. Какъ же въ мірѣ обстоитъ дѣло съ этимъ условіемъ? „Большинство—прелюбодѣи, и сознательно отказываются отъ радостей семьи, подчиняясь только ея неудобствамъ. Если же они и не прелюбодѣи, то дѣти для нихъ — не радость, а обуза. Если же у нихъ есть дѣти, они лишены радости общенія съ ними. Они по своимъ законамъ должны отдавать ихъ чужимъ, большею частію совсѣмъ чужимъ, сначала иностранцамъ, а потомъ воспитателямъ, такъ что отъ семьи имѣютъ только горе-дѣтей, которыя съ молоду становятся такъ же несчастны, какъ родители, и которыя по отношенію къ родителямъ имѣютъ одно чувство — желаніе ихъ смерти, для того, чтобы наслѣдовать имъ“.

Четвертое условіе счастья заключается въ свободномъ, любовномъ общеніи со всѣми разнообразными людьми. Но и съ этимъ условіемъ дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ съ предыдущими. „Чѣмъ выше, тѣмъ уже, тѣснѣе тотъ кружекъ людей, съ которыми возможно общеніе, и тѣмъ ниже по своему умственному и нравственному развитію тѣ нѣсколько людей, составляющіе этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода“.

Пятое и послѣднее условіе счастья—здоровье и безболѣзненная смерть. „И опять, чѣмъ выше люди на общественной лѣстницѣ, тѣмъ болѣе они лишены этого условія счастія. Возьмите средняго богача и его жену и средняго крестьянина и его жену, несмотря на весь голодъ и непомѣрный трудъ, который несетъ крестьянинъ, и сравните ихъ. Вы увидите, что чѣмъ ниже, тѣмъ здоровѣе, и чѣмъ выше, тѣмъ болѣзненнѣе мужчины и женщины. Переберите въ своей памяти тѣхъ богачей и ихъ женъ, которыхъ вы знаете и знали, и вы увидите, что большинство — больные. Изъ нихъ здоровый человѣкъ, не лѣчащійся постоянно или періодически лѣтомъ,—такое же исключеніе, какъ больной въ рабочемъ сословіи. Всѣ эти счастливцы, безъ исключенія, начинаютъ онанизмомъ, сдѣлавшимся въ ихъ быту естественнымъ условіемъ развитія; всѣ беззубые, всѣ сѣдые или плѣшивые бываютъ въ тѣ года, когда рабочій человѣкъ

начинаетъ входить въ силу. Почти всѣ одержимы нервными, желудочными, половыми болѣзнями отъ объѣденія, пьянства, разврата и лѣченія, и тѣ, которые не умираютъ молодыми, половину жизни своей проводятъ въ лѣченіи, во впрыскиваніяхъ морфина, или обрюзгшими калѣками, неспособными жить своими средствами, но могущими жить только какъ паразиты или тѣ муравьи, которыхъ кормятъ ихъ рабы. Переберите ихъ смерти: кто застрѣлился, кто сгнилъ отъ сифилиса. Одинъ за другимъ они гибнутъ во имя ученія міра. И толпы лѣзутъ за ними и, какъ мученики, ищутъ страданія и гибели".

Интересно видѣть, какъ въ столь прославленной „Крейцеровой сонатѣ" борятся въ груди автора его двѣ души: душа художника и душа философа-моралиста. Тема этого разсказа та самая, которую Толстой уже пытался обработать въ „Семейномъ счастьи". Но какъ измѣнился съ тѣхъ поръ авторъ. Изъ безпристрастнаго наблюдателя и бытописателя жизни онъ превратился въ страстнаго защитника даннаго тезиса; изъ психолога, которому доставляло удовольствіе описаніе едва замѣтныхъ постепенныхъ переходовъ и измѣненій, онъ сдѣлался художникомъ звѣрскаго злодѣянія. Разсказъ—трагедія ревности, которую авторъ заканчиваетъ тѣмъ, что мужъ убиваетъ жену, хотя та клянется, что она невинна. Позднышевъ молодой помѣщикъ; онъ мечтаетъ страстно о чистомъ, вѣрно преданномъ ему женскомъ существѣ и думаетъ, что нашелъ свой идеалъ въ дочери сосѣда, когда миленькая дѣвушка сидитъ рядомъ съ нимъ во время катанья на лодкѣ при лунномъ свѣтѣ. Но романическія мечты, которымъ онъ далъ увлечь себя въ рѣшительный моментъ, быстро увяли послѣ свадьбы; и дѣйствительная жизнь преподнесла ему мучительную смѣсь радости, что онъ обладаетъ этой женщиной, которая дѣлаетъ его отцомъ, и страха, что ея любовь можетъ дать опьяняющее наслажденіе и другимъ. Онъ отдается этой мысли, и она укрѣпляется въ немъ все глубже, стоитъ только его женѣ перекинуться съ кѣмъ-либо третьимъ хотя бы только однимъ ласковымъ словомъ. Съ другой стороны, его мучаетъ то, что

онъ питаетъ въ себѣ столь отвратительное подозрѣніе. Скоро оно овладѣваетъ имъ съ новой силой; онъ не можетъ подавить его и разражается упреками и угрозами, на которые жена отвѣчаетъ жалобами на свою судьбу. Отношенія становятся настолько натянутыми, что жена уходитъ къ родственникамъ; однако, скоро она возвращается, повидимому, успокоившейся. Но Позднышеву приходится еще разъ пережить все это и въ несравненно болѣе сильной степени, когда онъ встрѣчается съ другомъ юности, скрипачомъ Трухачевскимъ, и вводитъ его въ свой домъ, несмотря на мрачное предчувствіе, которое овладѣваетъ имъ при видѣ этого опаснаго для женщинъ человѣка. Онъ подозрительно наблюдаетъ за обоими, за ихъ взглядами, словами. Трухачевскій—скипачъ, жена Позднышева играетъ на фортепіано. На одномъ вечерѣ они играютъ сонату Бетховена, написанную для этихъ двухъ инструментовъ. Несчастному мужу кажется, что въ сливающейся гармоніи ихъ онъ слышитъ признаніе двухъ душъ, неудержимо стремящихся другъ къ другу; онъ увѣренъ, что жена больше не принадлежитъ ему. Онъ уѣзжаетъ по дѣламъ въ уѣздъ и получаетъ отъ жены письмо, въ которомъ она пишетъ, что заходилъ скрипачъ и принесъ ноты, о которыхъ, какъ ему помнилось, не было рѣчи при послѣднемъ свиданіи. Неожиданно Позднышевъ возвращается домой и застаетъ жену и друга вмѣстѣ за ужиномъ. Музыкантъ убѣгаетъ. Увѣренія жены, что она вѣрна ему, еще больше раздражаютъ Позднышева. Ударомъ кинжала онъ убиваетъ ее. Что интересуетъ насъ въ этомъ разсказѣ прежде всего, такъ это—не фабула, конструкція которой отнюдь не отличается особой оригинальностью. Равнымъ образомъ не останавливаемся мы и на отдѣльныхъ, мастерски схваченныхъ психологическихъ чертахъ, которыя у Толстого разумѣются сами собой и которыми онъ такъ избаловалъ насъ въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ, что мы начинаемъ уже предъявлять требованія. Мы ставимъ на первомъ планѣ тенденцію этой повѣсти, которая торчитъ, какъ кость въ мясѣ, и въ глазахъ большинства читателей отнюдь не

повышаетъ цѣны повѣсти. Позднышевъ — исключительная натура; его разсужденія объясняются его возбужденнымъ состояніемъ; такъ что здѣсь рѣчь можетъ идти не о томъ, правильны они или неправильны, а только о томъ, точно ли они воспроизводятъ состояніе его души: чувственная любовь—грѣхъ, а такъ какъ бракъ основывается на чувственной любви, то бракъ—тоже грѣхъ; мужчина, по той жизни, которую онъ ведетъ до брака, вообще недостоинъ женщины; женщина должна имѣть одинаковыя права съ мужчиной, но можетъ достигнуть этого только сохраненіемъ своей невинности; поэтому не смѣяться нужно надъ старыми дѣвами, а удивляться имъ, задача человѣчества на землѣ—взаимное единеніе: если мужчины и женщины не будутъ заключать браковъ и рожать дѣтей, они будутъ равноправны; человѣчество выполнитъ свою земную миссію и исчезнетъ съ лица земли, на которой ему нéчего уже будетъ дѣлать. Насколько отражаются въ этихъ пожеланіяхъ собственные взгляды Толстого, можно судить по „Послѣсловію къ Крейцеровой сонатѣ", въ которомъ онъ опредѣленно требуетъ, чтобы отношеніе между мужчинами и женщинами было измѣнено коренным образомъ и чтобы оно сдѣлалось отношеніемъ брата къ сестрѣ, требуетъ, чтобы какъ до брака, такъ и послѣ брака влюбленность и связанная съ ней чувственная любовь разсматривались не какъ поэтическое, возвышенное состояніе, а какъ унижающее человѣчество животное состояніе; требуетъ, наконецъ, чтобы нарушеніе супружеской вѣрности, обязательной въ бракѣ, по меньшей мѣрѣ такъ же каралось общественнымъ мнѣніемъ, какъ караются имъ нарушеніе денежныхъ обязательствъ и обманъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, а не воспѣвалось въ романахъ, стихахъ, пѣсняхъ и операхъ. Какъ мыслитъ и чувствуетъ смятенный, болѣзненно настроенный Позднышевъ, который колеблется, пользуется хитростью и внезапнымъ нападеніемъ, неспособенъ къ здравому обсужденію и рѣшенію и въ припадкѣ истеріи совершаетъ гнусное преступленіе, такъ, по мнѣнію Толстого, должны мыслить и чувствовать и всѣ другіе люди, должны на-

учиться смотрѣть на естественныя потребности какъ на что-то нечистое и вредное, должны взвалить на свои плечи аскетизмъ, котораго не встрѣтить даже въ монастыряхъ, не то что въ свободномъ и дѣятельномъ обществѣ.

Уже самое заглавіе послѣдняго романа Толстого даетъ понять, насколько содержаніе его тѣсно связано съ религіозными и философскими воззрѣніями автора. Романъ называется „Воскресенье", эпиграфомъ ему служатъ мѣста изъ Евангелія, въ которыхъ осуждается фарисейство и проповѣдуется снисходительное отношеніе къ грѣхамъ нашихъ ближнихъ. Запутанныя измышленія позднѣйшихъ годовъ жизни писателя не могли убить въ немъ окончательно творческой силы художника, и его фантазія время отъ времени, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко, вырывается изъ того заключенія, въ которомъ держитъ онъ ее столь неестественнымъ образомъ, и рисуетъ передъ нами опять живую жизнь, со всѣмъ богатымъ запасомъ наблюденій надъ природой и людьми. Такимъ плодомъ, мелькающимъ на старомъ деревѣ среди сухихъ сучьевъ его теорій, является этотъ послѣдній романъ Толстого, напечатанный въ первый разъ въ „Нивѣ" и сразу приманившій къ себѣ цѣлое полчище переводчиковъ заграницей.

Появленіе „Воскресенья" въ „Нивѣ" было для Россіи важнымъ литературнымъ событіемъ: до тѣхъ поръ не было случая, чтобы писателю позволили высказать почти передъ милліономъ читателей—„Нива" имѣетъ круглымъ числомъ 200.000 подписчиковъ—взгляды относительно основныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій съ такой неумолимой рѣзкостью. „Воскресенье" рисуетъ частью жизнь Москвы и Петербурга, частью деревенскую жизнь, въ имѣніяхъ аристократа, являющагося главнымъ лицомъ въ романѣ. Это никто другой, какъ хорошо знакомый читателямъ Толстого князь Нехлюдовъ, въ образѣ котораго авторъ обрисовалъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ путь нравственнаго развитія, которымъ шелъ онъ самъ. Въ „Воскресеньи" описывается многознаменательный моментъ въ жизни Нехлюдова, когда онъ понялъ, какъ пусто и ничтожно было

до сихъ поръ его существованіе, и рѣшаетъ побѣдить въ себѣ эгоизмъ и искать счастья въ томъ, чтобы жить для другихъ. Сначала онъ былъ чистымъ, хорошимъ человѣкомъ; стремился внести въ міръ и жизнь свои идеальныя понятія и мечты. Проѣздомъ на войну, онъ заѣзжаетъ въ имѣніе своихъ тетушекъ и тутъ соблазняетъ молодую, красивую дѣвушку, уѣзжаетъ и забываетъ о ней. Катюша Маслова родила ребенка; его отдали въ воспитательный домъ, гдѣ онъ скоро умеръ. Дѣвушка теряетъ мѣсто, опускается все ниже и ниже въ бездну разврата; наконецъ, послѣ одной ночной оргіи, попадаетъ на скамью подсудимыхъ, вмѣстѣ съ двумя другими обвиняемыми, по подозрѣнію, въ отравленіи и кражѣ. Дѣло заканчивается четырьмя годами каторжныхъ работъ, хотя Маслова невиновна: вещь была подарена ей и она давала надоѣвшему ей человѣку только сонный порошокъ.

Среди присяжныхъ, обвинившихъ Маслову, находится и князь Нехлюдовъ, изящный, жизнерадостный аристократъ, жизнь котораго проходитъ во всевозможныхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ. Онъ только что порвалъ связь съ женой предводителя дворянства и думаетъ жениться на одной княжнѣ, мать которой осыпаетъ его всевозможными знаками вниманія. Неожиданное событіе въ судѣ переворачиваетъ вверхъ дномъ всѣ его мысли и намѣренія. Понемногу онъ приходитъ къ той мысли, что та павшая, несчастная, но все еще красивая дѣвушка на скамьѣ подсудимыхъ, на которой тяготѣетъ подозрѣніе въ страшномъ преступленіи и которой предстоитъ навсегда быть выброшенной изъ общества есть та самая Катюша Маслова, невинная дѣвушка въ домѣ его тетокъ, которую десять лѣтъ тому назадъ онъ соблазнилъ. Сознаніе своей вины такъ удручаетъ его, вызываетъ въ немъ такой стыдъ, что онъ становится совершенно другимъ человѣкомъ. Его мучитъ не только то, что онъ тогда соблазнилъ невинную дѣвушку; ему приходится признаться, что Катюша не была причастна къ преступленію, за которое она осуждена. Нехлюдовъ рѣшаетъ связать свою судьбу съ судьбою дѣвушки. Онъ хочетъ жениться на ней, хотя и знаетъ, какую жизнь

вела она передъ тѣмъ. Нехлюдовъ пускаетъ въ ходъ всѣ свои связи, чтобы добиться пересмотра дѣла и оправданія Катюши. Хлопоты кончаются неудачей; Катюша идетъ въ Сибирь; князь Нехлюдовъ слѣдуетъ за ней, со своими мыслями о женитьбѣ. Конецъ романа содержитъ развитіе мысли, выраженной въ заглавіи, воскресеніе отъ грѣха эгоизма, страсти и жизни среди удовольствій, который такъ долго господствовалъ надъ Нехлюдовымъ, и самопожертвованіе для той женщины, которая изъ-за него сдѣлалась несчастной.

Князь Нехлюдовъ, на котораго обращены взоры богатѣйшихъ и красивѣйшихъ дочерей его страны, выросшій среди самыхъ изысканныхъ наслажденій, и Маслова, несчастное созданіе, утерявшее свою женственность среди всякой грязи, подозрѣваемая въ ужасномъ преступленіи и осужденная за него—такой пары Толстой никогда еще не создавалъ. Отнюдь не простая случайность, что онъ выбралъ въ герои своей повѣсти именно князя Нехлюдова, тотъ самый образъ, который съ самаго начала его литературной дѣятельности служилъ ему для выраженія его личныхъ ощущеній и чувствъ. Очевидно, этимъ онъ хотѣлъ сказать, что въ данномъ случаѣ онъ самъ поступилъ бы именно такъ какъ поступилъ Нехлюдовъ, что обязанность всякаго христіански мыслящаго человѣка—слѣдовать этому примѣру, съ тѣмъ бо́льшей готовностью и съ тѣмъ бо́льшимъ самоотверженіемъ стремиться на помощь грѣшницѣ, чѣмъ ниже она пала. Его князь, въ душу котораго онъ вкладываетъ всѣ эти мысли и чувства, еще молодой, красивый человѣкъ, желанный гость въ обществѣ; онъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, когда человѣкомъ руководятъ не только разсудокъ и характеръ, но и чувства, и страсти. Но онъ вдругъ забываетъ все, свое положеніе и свои отношенія, начинаетъ ненавидѣть то, что раньше одно только и составляло все содержаніе его жизни, его мысли и чувства—мысли и чувства старика, который давнымъ давно забылъ, что онъ былъ молодъ. И въ этомъ произведеніи Нехлюдовъ—цѣликомъ Толстой; все, что онъ думаетъ и говоритъ, точный оттискъ

жизненной философіи автора. По всему роману разсыпаны тѣ же гуманныя, трогательныя, но запутанныя идеи, которыми разражается онъ въ своихъ небольшихъ сочиненіяхъ противъ современнаго общества и его въ корнѣ извращенныхъ, какъ думаетъ онъ, учрежденій. Пока онъ рисуетъ несовершенства нашей общественной жизни, мы внимательно слѣдимъ за нимъ; насъ непрерывно занимаетъ вопросъ, какъ улучшить положеніе общества, устранить эти несовершенства. Тутъ его блестящія характеристики, его неумолимая рѣзкость доставляетъ намъ наслажденіе; тутъ мы видимъ работу настоящаго художника. Но если онъ видитъ во всѣхъ поступкахъ и мысляхъ культурныхъ людей только одну глупость и испорченность, то онъ впадаетъ въ свои обычныя односторонности и преувеличенія, которыми никому еще не удалось освободить міръ отъ зла.

Черезъ всѣ части романа Толстого проходитъ одинъ художественный принципъ, принципъ искусства, характерный для всего вообще литературнаго творчества его, а въ большей или меньшей степени и для повѣствовательныхъ произведеній всѣхъ крупныхъ писателей Россіи во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка. Необыкновенная наглядность и точность описанія идетъ у Толстого рука объ руку съ идеализмомъ, который руководитъ имъ въ пониманіи и характеристикѣ описываемыхъ явленій: всѣ описанія и характеристики только плащъ, которымъ онъ прикрываетъ свой гуманный радикализмъ. Роскошно описаніе Пасхи въ деревнѣ, когда молодой, красивый офицеръ въ блестящей формѣ появляется среди крестьянъ въ имѣніи своихъ тетокъ; описаніе обычая христосоваться, ночного богослуженія. Высокой художественной правдой дышатъ эти описанія. Авторъ легко находитъ подходящее слово, чтобы съ поразительной мѣткостью коротко выяснить намъ положеніе или освѣтить характеръ до самой затаенной глубины его. Особенно замѣтно это въ описаніи производства въ сенатѣ по пересмотру приговора относительно Масловой. Онъ находитъ все это производство глупымъ и совершенно неприспособленнымъ къ тому, чтобы доставить

побѣду истинѣ; и эта точка зрѣнія сквозитъ во всемъ описаніи хода дѣла. Также, по его мнѣнію, обстоитъ дѣло и съ тюремнымъ заключеніемъ. Онъ дѣлитъ заключенныхъ на пять категорій. Прежде всего, среди нихъ цѣлая масса людей, которые, какъ Маслова, совершенно невинны и просто сдѣлались жертвами грубой судебной ошибки. На-ряду съ ними тѣ, которые дали увлечь себя гнѣву, ревности, опьянѣнію или другой страсти въ этомъ родѣ, при такихъ же обстоятельствахъ, при которыхъ сами судьи ихъ провинились бы. Въ третьей категоріи—люди, которые дѣлали самыя обыкновенныя дѣла и даже хорошія, но которыя законодатель объявилъ преступленіями. Въ четвертой—люди, которые попали въ тюрьму только потому, что по задаткамъ своего духа и характера они выше, чѣмъ обыкновенный средній человѣкъ; и наконецъ въ пятой—тѣ, которые несравненно меньше виновны, чѣмъ окружающая ихъ обстановка и извращенныя учрежденія и порядки всей нашей жизни. Онъ не понимаетъ, какъ можно запирать преступниковъ вмѣстѣ съ имъ подобными и подвергать ихъ всѣмъ условіямъ взаимной нравственной порчи, вмѣсто того, чтобы устранить причины, которыми создаются ихъ дурные поступки. Онъ признаетъ только два разумныхъ способа наказанія: тѣлесное наказаніе, которое, напоминая объ испытанной боли, заставляетъ преступника воздержаться отъ повторенія преступленія, и смерную казнь, которая разъ навсегда устраняетъ преступника изъ общества. Поэтому описанія тюремной жизни въ „Воскресеньи“ отличаются богатствомъ и отталкивающимъ безобразіемъ, какъ будто каждымъ предложеніемъ Толстой хотѣлъ доказать, какъ ошибочно и несправедливо поступаютъ наши законодатели, ограничиваясь только тѣмъ, что сажаютъ подъ замокъ эти жертвы общественныхъ несправедливостей. Нехлюдовъ рѣшилъ не только жениться на Масловой и послѣдовать за ней въ Сибирь, но и отдать свои имѣнія крестьянамъ. Онъ усвоилъ взгляды американскаго публициста—экономиста Генри Джорджа, который говоритъ, что всѣ соціальныя бѣдствія проистекаютъ изъ частной

собственности, и видитъ въ отмѣнѣ послѣдней единственное средство устранить наши хозяйственныя злополучія. Въ Сибири Нехлюдовъ узнаетъ, что прошеніе о помилованіи Масловой увѣнчалось успѣхомъ. Маслова свободна отъ каторжныхъ работъ и тюрьмы; она должна поселиться не въ столь отдаленныхъ мѣстахъ Сибири. Но она выходитъ замужъ не за Нехлюдова, отдавшаго имѣніе крестьянамъ и послѣдовавшаго за ней въ ссылку, а за молодого соціалиста-мечтателя Симонсона. Маслова одолѣла въ душѣ свое нечистое прошлое; въ ней также совершился нравственный переворотъ. Она чувствуетъ, что князь хочетъ жениться на ней только изъ-за состраданія и изъ желанія загладить зло, причиненное ей; между тѣмъ ей кажется, что застѣнчивый и скромный Симонсонъ на самомъ дѣлѣ любитъ ее, чистымъ чувствомъ, какъ братъ сестру. Нѣкоторыя описанія выдаются изъ ряда вонъ своей живостью и правдивостью: отправка партіи ссыльныхъ изъ центральной тюрьмы на желѣзную дорогу; посадка ихъ въ вагоны съ обрѣшетенными окнами; переѣздъ до Перми на баркахъ; этапный путь по Сибири съ зловонными тюрьмами и варварскимъ обращеніемъ солдатъ, со всѣми ужасными и печальными явленіями, широкую картину которыхъ даютъ Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ и американецъ Кеннанъ въ своей книгѣ о Сибири. Толстой знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ мужчинъ и женщинъ, частью изъ образованныхъ, частью изъ низшихъ классовъ, которые, по взгляду и описанію Толстого, несравненно выше въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ люди, осудившіе ихъ. Толстой глубоко убѣжденъ, что все правосудіе—глупое заблужденіе и преступленіе, такъ какъ наказаніе дѣлаетъ людей, на которыхъ оно налагается, не лучше, а хуже. Все въ этомъ романѣ носитъ на себѣ печать ума и возвышеннаго образа мыслей; но въ то же время во всемъ замѣчается ослабленіе творческой силы, враждебное отношеніе къ жизни и утомленіе. Только въ томъ случаѣ станетъ понятнымъ появленіе такого романа, какъ „Воскресенье“, если имѣть въ виду всю литературную дѣятельность Толстого и всѣ особенности его личнаго характера.

Если разсматривать „Воскресенье“ исключительно съ литературной и художественной точки зрѣнія, то едва ли найдется въ этомъ романѣ хоть что-нибудь, что́ не было бы лучше, глубже и оригинальнѣе обработано въ болѣе раннихъ произведеніяхъ его автора. Его колоссальный талантъ остался вѣренъ себѣ по пластичности стиля, искусству наблюденія; но онъ старъ, впадаетъ въ длинноты и повторенія и не создаетъ ничего новаго. Напротивъ, характерно, что писатель на закатѣ своей жизни все сильнѣе и сильнѣе громитъ весь строй современной нашей культуры, отвергаетъ все, что создало и чѣмъ живетъ человѣческое общество, относится къ образованію и собственности во всѣхъ ея видахъ не иначе, какъ только съ ненавистью и презрѣніемъ. Передъ цѣлымъ міромъ, внимательно прислушивающимся, возвышаетъ этотъ проповѣдникъ покаянія свой голосъ, все громче и громче требуетъ, во имя любви и человѣчности, прощенія грѣшникамъ, умерщвленія эгоизма, самопожертвованія ради другихъ. Но онъ не указываетъ, какія средства должны мы употребить; чтобы добиться лучшихъ условій жизни, осушить всѣ слезы, исцѣлить всѣ болѣзни, подавить всѣ недостойныя насъ страсти. Онъ самъ не знаетъ пути къ Царству Божію на землѣ, къ которому онъ такъ страстно стремится всей душой, которое какъ будто показалось ему въ глубокой дали; инстинктомъ человѣка съ высокими стремленіями, но съ сбивчивымъ мышленіемъ нащупываетъ онъ этотъ путь то тутъ, то тамъ, чтобы найти выходъ изъ окружающей тѣсноты и унынія. Онъ подобенъ строителю, который видитъ неудовлетворительное состояніе своего за́мка и приказываетъ рабочимъ срыть его, но не имѣетъ плана, по которому онъ будетъ возводить на развалинахъ новое, лучшее сооруженіе.

Какъ работаетъ Толстой? Интересныя свѣдѣнія по этому вопросу сообщены самимъ писателемъ корреспонденту одной изъ московскихъ газетъ. До сихъ поръ Толстой относится съ глубокимъ интересомъ ко всѣмъ литературнымъ вопросамъ. Когда онъ слышитъ о какомъ-нибудь характерномъ происшествіи, онъ выиски-

ваетъ его причины и затѣмъ смотритъ, нельзя ли воспользоваться имъ для разсказа. Но нужно очень и очень многое, чтобы тема была признана Толстымъ достойной обработки. Прежде всего предметъ долженъ отличаться новизной и богатствомъ внутренняго содержанія. Затѣмъ, онъ долженъ касаться тѣхъ сторонъ жизни, которыя въ точности знакомы Толстому; графъ не любитъ писать по слухамъ. Наконецъ, и это самое главное, предметъ долженъ дѣйствовать на него захватывающимъ образомъ. Только при этихъ условіяхъ можетъ Толстой заняться предметомъ съ рвеніемъ истиннаго художника. Почти всѣ его сочиненія перерабатываются безконечное число разъ. Прежде всего набрасывается эскизъ безъ всякаго вниманія къ подробностямъ. Кто-нибудь долженъ переписать его начисто. Затѣмъ онъ появляется на письменномъ столѣ графа, и начинается обработка. Но это опять-таки что-то вродѣ эскиза углемъ. Скоро рукопись покрывается перечеркиваніями, измѣненіями, вставками, ссылками. Затѣмъ слѣдуетъ опять переписка начисто, и новая рукопись раздѣляетъ судьбу первой. Тоже самое происходитъ въ третій разъ. Нѣкоторыя главы Толстой передѣлывалъ такимъ образомъ больше десяти разъ. При этомъ онъ очень мало заботится о стилистическихъ улучшеніяхъ; онъ чувствуетъ отвращеніе ко всему подчищенному, дѣланному въ искусствѣ. По его мнѣнію, все это ведетъ только къ тому что заглушаетъ мысль и портитъ впечатлѣніе. Надъ отдѣльными главами онъ работаетъ съ большимъ напряженіемъ, прерывая работу только на самое короткое время. Въ общемъ только немногія главы удались Толстому сразу. Когда произведеніе приметъ желанный видъ, Толстой прежде всего читаетъ его въ кругу нѣкоторыхъ друзей и принимаетъ къ свѣдѣнію ихъ замѣчанія. Что дѣйствительное впечатлѣніе слушателей не всегда соотвѣтствуетъ ожиданіямъ графа, это видно лучше всего изъ слѣдующаго случая. Окончивши „Власть тьмы“, Толстой прочиталъ драму нѣсколькимъ крестьянамъ, чтобы испробовать дѣйствіе своей пьесы. И что же оказалось? Въ самыхъ потрясающихъ мѣстахъ, которыя

Толстой не могъ читать безъ слезъ, нѣкоторые слушатели разражались громкимъ смѣхомъ. Съ такимъ же вниманіемъ, какъ къ рукописямъ, относится Толстой и къ корректурнымъ листамъ, часто дѣлая изъ нихъ почти что новыя рукописи. Не рискуя впасть въ преувеличеніе, можно сказать, что Толстой, просмотрѣвши девяносто девять корректуръ своихъ произведеній, нашелъ бы и въ сотой что́ измѣнить и поправить. Чувство самокритики вообще очень сильно развито въ немъ.

Въ маѣ 1896 года авторъ этой книги посѣтилъ московскую квартиру графа Толстого, одноэтажный, деревянный, снаружи мало привлекательный домъ въ Хамовникахъ. Въ то время Толстой былъ въ Ясной Полянѣ. Тѣмъ болѣе надѣялись мы безъ помѣхъ осмотрѣть это жилище, въ которомъ сформировались окончательно многія изъ прогремѣвшихъ по всему свѣту идей писателя и философа. Однако, дѣло вышло не такъ просто, какъ казалось. Во дворѣ между хозяйственными зданіями мы встрѣтили двухъ ребятъ и спросили эконома. Его жена отвѣтила намъ, что мужъ ушелъ, взялъ съ собой ключи и что раньше трехъ часовъ онъ не вернется. Выходило такъ, что квартиры нельзя было осмотрѣть. Мой спутникъ, человѣкъ опытный, хитро улыбнулся на это, поднялъ правую руку и многозначительно потеръ указательный палецъ о большой. Я смекнулъ, въ чемъ дѣло, и далъ женщинѣ рубль. Картина сейчасъ же измѣнилась въ нашу пользу. Не только ключи были найдены въ одно мгновеніе, но появился даже и дворникъ. Онъ поднялъ шляпу, которую я уронилъ, и получилъ за это на чай; очевидно, ему показалось, что я далъ ему слишкомъ мало: съ безстыдной улыбкой онъ возвратилъ мнѣ деньги. Я удвоилъ сумму; съ выраженіемъ признательности она была принята. Сколько великолѣпной ироніи въ этомъ пустяковомъ случаѣ! Прославленный писатель хочетъ воспитать въ людяхъ своими произведеніями простоту отношеній и отсутствіе потребностей, чтобы умертвить алчность и эгоизмъ. Но уже у людей, живущихъ на его счетъ, его трудъ терпитъ крушеніе; столь презрѣнная для него желтая бу-

мажка съ двуглавымъ орломъ доставляетъ блестящій успѣхъ тамъ, гдѣ всѣ хорошія слова терпѣли неудачи. Мы вошли сначала въ гостиную, большую комнату въ три окна; въ одномъ углу прекрасный бронзовый бюстъ писателя, рояль фабрики Шредера въ Петербургѣ, столъ и кресла краснаго дерева, обтянутая потертымъ шелкомъ софа, круглый раздвижной столъ, шахматы, зеркало, закрывающее печь, составляютъ меблировку этой просторной комнаты. Къ ней примыкаетъ другая гостиная въ два окна; тутъ на стѣнѣ виситъ нѣсколько картинъ Рѣпина. Знаменитый портретистъ долженъ быть другомъ этого дома: имъ написанъ Толстой во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ, за самыми разнообразными занятіями частью масляными красками, частью акварелью. Рабочая комната графа—низкая комната, въ которой человѣкъ въ шесть футовъ ростомъ едва-едва можетъ выпрямиться. Стѣны комнаты—просто бѣлыя; единственное преимущество ея то, что подъ самымъ окномъ деревья и цвѣты, напоминающія о жизни вольной деревенской природы; въ небольшомъ, замкнутомъ съ стеклянными дверцами библіотечномъ шкафу все разбросано въ отчаянномъ безпорядкѣ; я замѣтилъ книгу Адольфа Тейхерта „Für Israel", Сведенборга „Arcana coelestia", „Исторію папъ", написанную, повидимому, не Ранке; тутъ же сочиненіе Эмиля Фагэ о семнадцатомъ столѣтіи, затѣмъ русскія, нѣмецкія, англійскія книги, частью еще не разрѣзанныя. На маленькомъ, безъ всякихъ украшеній письменномъ столѣ два небольшихъ подсвѣчника, двѣ чернильницы, вытиральникъ для перьевъ и длинный квадратикъ. Въ спальнѣ—кровати супруговъ рядомъ; передъ ними большія ширмы. Въ столовой—простой сосновый буфетъ грубой работы и плохо отполированный. Въ остальныхъ комнаткахъ меня заинтересовала только акварель Татьяны Львовны, старшей дочери Толстого, на которой изображены—могилы ея братьевъ Алеши и Вани на покрытомъ снѣгомъ кладбищѣ въ Ясной Полянѣ. Домъ окруженъ садомъ, котораго, повидимому, никогда не касались ножницы садовника—такъ онъ запущенъ. Квартира Толстого въ Мо-

свѣ неслучайно производитъ впечатлѣніе безпорядка и бѣдности—она какъ будто указываетъ каждому посѣтителю на аскетическій духъ своего хозяина. Что касается его лично—графъ отказался отъ всего. Даже экипажъ онъ предоставилъ своей семьѣ; самъ онъ довольствуется простымъ извозчикомъ, если захочетъ поѣхать куда-нибудь.

И все-таки, по моему мнѣнію, эта квартира не можетъ быть названа вполнѣ характерной обстановкой для Толстого и какъ человѣка, и какъ художника. Въ иной обстановкѣ представляется онъ мнѣ. Я вижу его въ Москвѣ; въ своемъ крестьянскомъ нарядѣ, черезъ гудящую толпу, среди мчащихся въ разныя стороны саней, онъ идетъ къ Кремлю черезъ огромную Красную площадь, мимо самаго страннаго въ мірѣ художественнаго созданія, церкви Василія Блаженнаго. Мнѣ представляется, какъ онъ проходитъ черезъ святыя ворота, снимаетъ шапку, крестится три раза и съ непокрытой головой входитъ въ Кремль. Я какъ будто слышу его шаги, когда онъ подходитъ къ колокольнѣ Ивана Великаго, къ Успенскому собору, смотритъ на дворцы, церкви, монастыри, государственныя зданія, на памятникъ Александру Второму, царь-колоколъ, царь-пушку,—на этихъ достопамятныхъ свидѣтелей славнаго прошлаго, собравшихся въ Кремлѣ, краснорѣчиво повѣствующихъ исторію Руси. Онъ охватываетъ однимъ взглядомъ безконечное море домовъ и золотыхъ шпицовъ большихъ и малыхъ церквей города, въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ несется мелодическій звонъ колоколовъ, а заходящее солнце осыпаетъ блескомъ золотые купола храма Христа Спасителя; только въ такую минуту, кажется мнѣ, вполнѣ понятенъ Толстой, наихарактернѣйшее выраженіе русской души, со всѣми ея надеждами и страстными стремленіями, со всѣми ея противорѣчіями, недостатками и ошибками.

Изъ русскихъ писателей особеннымъ вниманіемъ Толстого пользуются прежде всего великіе романтики Пушкинъ и Лермонтовъ, создавшіе на сухой, повидимому, и безплодной почвѣ своей родины цвѣтущее искусство;

въ особую заслугу ставитъ имъ Толстой силу темперамента, бьющую въ ихъ произведеніяхъ, какъ пѣнящійся водопадъ, идейное богатство ихъ твореній и мастерскую обработку родного языка, которому они придали, и въ прозѣ, и въ стихахъ, благородство, до тѣхъ поръ едва считавшееся возможнымъ. Мрачная, бурная муза Лермонтова, можетъ быть, даже ближе его сердцу, чѣмъ гармоническая, уравновѣшенная личность Пушкина; тѣмъ не менѣе онъ необыкновенно высоко цѣнитъ вліяніе послѣдняго на русскую духовную жизнь; по мнѣнію Толстого на долю одного Пушкина приходится девяносто процентовъ тѣхъ вліяній на народъ, которыя оказываетъ вся вмѣстѣ взятая національная поэзія. Не меньше цѣнитъ Толстой Гоголя, отца современной реалистической поэзіи, давшаго своему народу въ „Ревизорѣ“ лучшую комедію, въ „Мертвыхъ душахъ“ лучшій сатирическій романъ, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ лучшій разсказъ изъ народнаго быта. Во время заграничнаго путешествія Толстой познакомился въ Лондонѣ съ Герценомъ. Нерѣдко приходится слышать, что авторъ романа „Кто виноватъ?“ и издатель „Колокола“ не понравился Толстому; но этому вполнѣ противорѣчитъ искренній отзывъ его, характеризующій дѣйствительное впечатлѣніе, произведенное личностью и творчествомъ Герцена на него: „Блестящій и глубокій человѣкъ, что рѣдко случается“. Особымъ образомъ сложились отношенія между Толстымъ и Тургеневымъ. Мы уже говорили, какъ относился Тургеневъ къ Толстому во время петербургской и заграничныхъ поѣздокъ послѣдняго. Въ этихъ отношеніяхъ Тургеневъ является вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, который относится къ своему земляку и товарищу безъ всякой зависти, уважаетъ и цѣнитъ его; иное дѣло—Толстой: это человѣкъ съ непонятнымъ темпераментомъ, погрузившійся цѣликомъ въ свои односторонніе взгляды, невыносящій противорѣчій, нерѣдко оскорбляющій окружающихъ рѣзкими формами обращенія. Враждебныя отношенія, установившіяся было одно время между ними, исчезли; но, какъ видно, и къ этому случаю отлично подходитъ поговорка, что какъ ни клей разбитый гор-

шокъ, а цѣлымъ онъ не будетъ. Толстой былъ для Тургенева геніальнымъ талантомъ, которому недостаетъ, однако, широкаго общечеловѣческаго образованія и пониманія международныхъ культурныхъ интересовъ, который задержанъ въ своемъ развитіи узкими и односторонними рамками національности. Тургеневъ, благодаря значительнымъ литературнымъ преимуществамъ, которыя были на его сторонѣ по сравненію съ Толстымъ, благодаря своему положенію въ свѣтѣ, своимъ стремленіямъ и сближенію съ западно-европейской культурой, былъ неудобенъ для Толстого и сдѣлался для него предметомъ съ трудомъ сдерживаемой, а по временамъ поистинѣ жестокой критики. Въ 1860 году Толстой былъ въ гостяхъ у Тургенева въ Спасскомъ Лутовиновѣ. Хозяинъ предложилъ ему прочитать только что напечатанный романъ „Отцы и дѣти“ и высказать свое мнѣніе. Толстой улегся на диванъ и началъ читать; но онъ мало былъ заинтересованъ содержаніемъ романа, къ тому же чувствовалъ такую усталость, что сейчасъ же заснулъ. „Я проснулся, разсказываетъ онъ, съ страннымъ чувствомъ. Когда я открылъ глаза, я увидѣлъ, какъ удалялась изъ кабинета исполинская фигура Тургенева“. Понятно само собой, что подобный случай не могъ быть пріятенъ Тургеневу, ни какъ хозяину, ни какъ другу, ни какъ писателю. Григоровичъ разсказываетъ, какъ много усилій стоило ему предотвратить бурю, когда бродило и кипѣло на душѣ у этихъ двухъ писателей. Разница между ними заключалась въ томъ, что Тургеневъ съ любовью и пониманіемъ относился къ Толстому, какъ писателю, дѣйствительно высоко цѣнилъ его, но держался иныхъ взглядовъ по многимъ вопросомъ пониманія жизни и міра; между тѣмъ, какъ Толстой ни въ грошъ не ставилъ доброжелательства Тургенева, постоянно высказывалъ свое недовольство имъ, выводилъ его изъ себя своимъ упорствомъ и неудобнымъ обращеніемъ и вообще придирался и къ нему самому, и къ его литературнымъ работамъ. Мы привели выше трогательныя слова, написанныя умиравшимъ Тургеневымъ Толстому, эту просьбу высоко держать знамя искусства.

Сдѣлалъ ли Толстой хоть разъ за всю свою долгую жизнь что-либо подобное по отношенію къ своему болѣе старому другу и товарищу по перу? Все извѣстное намъ объ отношеніи Толстого къ другимъ великимъ писателямъ говоритъ за то, что онъ слишкомъ увлеченъ своими собственными воззрѣніями, чтобы оцѣнить по достоинству ихъ заслуги. Въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о графѣ, Сергѣенко говоритъ, что Толстой вообще не чувствуетъ влеченія къ Шекспиру; повидимому, онъ недостаточно знакомъ съ нимъ; по крайней мѣрѣ, онъ никогда не цитируетъ этого писателя и не употребляетъ въ своей рѣчи тѣхъ крылатыхъ словъ, которыми такъ богатъ Шекспиръ. Извѣстно мнѣніе Толстого о Гете, отличающееся узостью и предвзятостью, — мнѣніе, которое можно объяснить развѣ только недостаточнымъ знакомствомъ съ произведеніями этого поэта. Какимъ образомъ, въ противномъ случаѣ, могло бы придти ему въ голову, что этотъ сильнѣйшій, всеобъемлющій геній германской поэзіи, котораго мы цѣнимъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ удаляемся отъ него во времени, отказался въ своемъ творчествѣ отъ глубокаго нравственнаго принципа? Иначе относился къ Шекспиру и Гете Тургеневъ, появленіе котораго въ литературѣ, вообще говоря, было бы немыслимо безъ этихъ двухъ поэтовъ. Между двумя людьми, которые думали такъ различно, взаимное пониманіе и прочное согласіе едва ли были мыслимы.

Характерно для Толстого и его міросозерцанія—его отношеніе къ музыкѣ. Вообще ни въ его жизни, ни въ произведеніяхъ музыка отнюдь не играетъ той роли, какъ у Тургенева, въ очеркахъ, повѣстяхъ и романахъ котораго разсыпаны чрезвычайно тонкія замѣчанія о музыкѣ во всѣхъ ея видахъ—будетъ ли то простое пѣніе, безъ всякихъ правилъ и школы, диллетантское наслажденіе ею или серьезныя занятія искусствомъ испытанныхъ мастеровъ. Многолѣтняя дружба съ прославленной царицей пѣнія, Віардо была для него богатымъ источникомъ самыхъ высокихъ и чистыхъ откровеній въ этой области; въ своихъ произведеніяхъ онъ часто

пользуется тѣми настроеніями, которыя переживалъ онъ самъ, слушая изысканную музыку. Особенно нѣмецкіе романтики: Шубертъ, Веберъ и Шуманъ—явились въ его разсказахъ истолкователями затаенныхъ чувствъ и непонятыхъ сердецъ. У Толстого эта струна звучитъ не такъ сильно, не такъ богата жизнь, какъ у его знаменитаго соотечественника, хотя и у него часто заходитъ рѣчь о крупныхъ произведеніяхъ музыкальнаго искусства, а крейцерова соната Бетховена даже дала имя одному изъ позднѣйшихъ его произведеній. Оба писателя сходятся въ томъ, что ихъ пониманіе музыки и любовь къ ней простираются до одного и того же пункта, именно до того, когда появляется съ Рихардомъ Вагнеромъ новая нѣмецкая музыка и распускается пышнымъ цвѣтомъ подъ могучимъ покровительствомъ своего пріемнаго отца, Франца Листа. Великій мастеръ музыкальной драмы—предметъ неодолимаго отвращенія, какъ для Тургенева, такъ и для Толстого. По мнѣнію Тургенева, соединеніе музыки и поэзіи въ томъ видѣ, какъ стремился къ нему Вагнеръ,—художественная нелѣпость; человѣкъ, который стремится осуществить подобную невозможную вещь, „великій евнухъ". Въ „Кларѣ Миличъ" онъ описываетъ, какъ Аратовъ пускается въ бѣгство, когда на одномъ скучномъ вечерѣ піанистъ-виртуозъ началъ играть фантазію Листа на вагнеровскіе мотивы; не будетъ ошибки видѣть въ этомъ личное отвращеніе автора къ подобной музыкѣ. Въ молодые годы Толстой самъ былъ порядочнымъ піанистомъ; онъ и теперь охотно садится за рояль, чтобы аккомпанировать кому-либо изъ дочерей или гостей-музыкантовъ; что касается графини, то она можетъ удовлетворить довольно высокія требованія своимъ исполненіемъ музыкальныхъ сочиненій. Но въ своихъ сужденіяхъ о музыкѣ Толстой еще одностороннѣе, чѣмъ даже Тургеневъ. На представленіи вагнеровскаго „Зигфрида" въ Москвѣ онъ былъ повергнутъ прямо въ отчаяніе и долго никакъ не могъ справиться съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на него этотъ совершенно чуждый ему міръ. Однажды у Толстого былъ піанистъ Габриловичъ, испол-

нившій нѣсколько своихъ любимыхъ вещей. При этомъ случаѣ Толстой высказалъ странный музыкальный символъ вѣры. Онъ выражалъ свое удивленіе передъ Гайдномъ и Шубертомъ, нисколько не скрывалъ, что „ученая музыка“ Бетховена ему непріятна и объявилъ, къ немалому удивленію виртуоза, направленіе, во главѣ котораго стоитъ Бахъ, шарлатанствомъ.

Физическій трудъ и жизнь на открытомъ воздухѣ съ давнихъ поръ стали для графа Толстого неодолимой потребностью. Кладка печей, точанье сапогъ, попытка ходить за плугомъ, раннимъ утромъ гонять вмѣстѣ съ пастухами стада въ поле — все это только эпизоды въ его жизни, которую онъ старался устроить, по возможности примѣняясь къ потребностямъ простого народа. Но до сихъ поръ въ немъ сохранилась любовь къ движенію и ко всякаго рода спорту. Въ тѣхъ случаяхъ, когда московскіе жители обыкновенно пользуются экипажемъ, Толстой предпочитаетъ ходить, цѣлыми часами толкаясь среди толпы. Когда ѣзда на велосипедѣ проникла въ Россію, Толстой былъ однимъ изъ первыхъ, увлекшихся новинкой. Онъ немедленно купилъ велосипедъ и научился ѣздить такъ ловко, какъ будто ему было не шестьдесятъ, а всего только тридцать лѣтъ. За тѣмъ онъ сдалъ полицейскій экзаменъ—ловко сѣлъ, обогнулъ большую дугу и искусно продѣлалъ „восьмерку“. Получивши билетъ на право ѣзды и соотвѣтствующій номеръ, онъ весело укатилъ съ полицейскаго двора. Его продолжительныя поѣздки на велосипедѣ доставляютъ всегда много заботъ его семьѣ, особенно графинѣ. Послѣ полудня онъ вдругъ исчезаетъ со своимъ велосипедомъ; подходитъ вечеръ; его все нѣтъ. Графиня спрашиваетъ о немъ разъ, два; никто не знаетъ, куда дѣвался онъ. Позднимъ вечеромъ появляется онъ, наконецъ, весь въ пыли, съ свѣжимъ лицомъ, и требуетъ свою овсяную кашу. Уже много лѣтъ тому назадъ графъ сдѣлался вегетаріанцемъ и самымъ строгимъ; и онъ твердо убѣжденъ, что исключительно благодаря растительной пищѣ удалось ему сохранить свѣжесть и здоровье до столь преклоннаго возраста. Онъ не позво-

ляетъ подавать къ столу для себя рѣшительно ничего изъ тѣхъ продуктовъ, которые даютъ животныя. Даже овсяная каша, его любимое кушанье на ужинъ, приготовляется, вслѣдствіе этого, не на молокѣ, а на водѣ. Какъ въ отношеніи многихъ своихъ жизненныхъ привычекъ, такъ и въ этомъ отношеніи графъ стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ своимъ семействомъ; оно не идетъ противъ его привычекъ, но само не отказывается отъ мясного стола. Всѣ, кто близко стоятъ къ графу, ни одной минуты не сомнѣвались и не сомнѣваются, что въ этомъ отношеніи онъ вдался въ причудливую крайность. Понятно само собой, что не благодаря растительной пищѣ, а совсѣмъ напротивъ—вопреки ей сохранилъ онъ свои силы и свое здоровье до семидесяти лѣтъ. При ослабленіи отдѣльныхъ органовъ, безъ чего никакъ нельзя обойтись при его возрастѣ, въ случаяхъ заболѣванія, которые чаще и чаще посѣщаютъ его, несравненно легче было бы помочь ему, если бы онъ захотѣлъ согласиться на болѣе питательный столъ, чѣмъ его обычная пища. Но въ этомъ отношеніи онъ не поддается никакимъ совѣтамъ, отказывается отъ всякихъ мясныхъ и рыбныхъ блюдъ; равнымъ образомъ не признаетъ за столомъ никакихъ спиртныхъ напитковъ; единственный напитокъ—ржаной русскій квасъ, разбавленный зельтерской водой. Въ томъ, что онъ до сихъ поръ еще можетъ плавать, заниматься гимнастикой, много ходить, играть въ lawn-tennis, ѣздить на велосипедѣ и кататься верхомъ, онъ видитъ неопровержимое доказательство правильности своей теоріи.

Представьте себѣ Толстого въ его мужицкомъ нарядѣ на верандѣ дома въ Ясной Полянѣ. Передъ нимъ клокочетъ кипящій самоваръ. Около него графиня, занятая какой-нибудь домашней работой. Въ саду играютъ дѣти. Графъ сидитъ за столомъ, читаетъ или пишетъ. Онъ слышитъ, какъ подъѣзжаетъ экипажъ, встаетъ навстрѣчу гостю, одному изъ тѣхъ многочисленныхъ гостей, которые изъ уваженія къ нему, изъ любознательности или просто изъ любопытства хотятъ познакомиться съ нимъ; знакомитъ его съ семьей; показываетъ ему свое

хозяйство, это простое и столь богатое содержаніемъ хозяйство; ведетъ его черезъ деревню мимо мужицкихъ избъ; по узкой полевой межѣ ведетъ его дальше, чтобы показать ему все, что зеленѣетъ и цвѣтетъ на вольномъ воздухѣ, и отвѣчаетъ на вопросы, которые предлагаетъ ему пріѣзжій, тѣ самые вопросы, которыми занимается онъ всю свою долгую жизнь. Конечно, Толстой знаетъ, что глаза всего образованнаго міра устремлены на этотъ маленькій клочокъ земли; знаетъ, что за каждымъ изъ его мнѣній признаютъ величайшее значеніе, какъ бы ни странно казалось оно на первый взглядъ. Но эта исключительная, чрезвычайная извѣстность отнюдь не повліяла на него въ дурную сторону, не сдѣлала его высокомѣрнымъ; даже напротивъ, кажется, что именно эта извѣстность устранила изъ его характера послѣдніе остатки горячности и нетерпимости, столь свойственныхъ ему въ прежніе годы, и дала ему неизмѣнно мягкое и примирительное настроеніе. Онъ благодаритъ судьбу за то, что его имя произносится съ почтительнымъ изумленіемъ повсюду, гдѣ люди умѣютъ читать и писать: онъ видитъ въ этой популярности непрерывную побѣду своихъ идей; но онъ очень далекъ отъ того, чтобы изъ-за этого забыть свою человѣческую слабость и свои человѣческіе недостатки и считать себя какимъ-то полубогомъ. На упрекъ, что онъ самъ не всегда и не во всемъ поступаетъ согласно своимъ ученіямъ и предписаніямъ, онъ однажды далъ такой отвѣтъ: Я не святой и никогда не выдавалъ себя за святого; „Я человѣкъ, который увлекается и иногда, вѣрнѣе даже—всегда, говоритъ не то, что онъ думаетъ и чувствуетъ, и не потому, что онъ не хочетъ дѣлать, а потому, что не можетъ, такъ какъ я часто преувеличиваю и ошибаюсь. Съ моимъ поведеніемъ дѣло обстоитъ еще хуже. Я совсѣмъ слабый человѣкъ съ дурными привычками, который хочетъ служить Богу истины, но который постоянно спотыкается. Если меня считаютъ за человѣка, который не можетъ заблуждаться, то каждая моя ошибка будетъ ложью или лицемѣріемъ. Но если меня считаютъ за слабаго человѣка, то несогласіе моихъ словъ и поступковъ бу-

детъ просто признакомъ слабости, но не лжи и лицемѣрія. И тогда я на самомъ дѣлѣ буду казаться такимъ, каковъ я есть въ дѣйствительности: достойнымъ сожалѣнія, но искреннимъ человѣкомъ, который всегда желалъ и желаетъ всей душой быть совсѣмъ хорошимъ человѣкомъ, т. е. хорошимъ слугой Бога."

Самъ Толстой сознается, какъ плохо понимали нерѣдко его стремленія къ идеямъ первобытнаго христіанства. Въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ не безъ юмора разсказываетъ о такомъ случаѣ. Однажды онъ шелъ черезъ Боровицкія ворота; около нихъ сидѣлъ оборванный, увѣчный нищій. Онъ хотѣлъ подать ему милостыню, но въ это время изъ Кремля вышелъ гренадеръ; увидѣвъ его, нищій такъ испугался, что вскочилъ и пустился бѣжать. Гренадеръ разразился руганью по адресу нищаго, такъ какъ имъ запрещено сидѣть въ воротахъ. Толстой спросилъ гренадера, умѣетъ ли онъ читать; тотъ сказалъ, что умѣетъ. Толстой спросилъ, читалъ ли онъ Евангеліе. Тотъ отвѣтилъ, что читалъ. Тогда графъ спросилъ, знаетъ ли онъ то мѣсто, гдѣ говорится: „и кто насытитъ голоднаго..." Гренадеръ зналъ это мѣсто. Въ немъ появилось сомнѣніе, правильно ли онъ поступилъ, исполняя такимъ образомъ свою обязанность. Онъ былъ въ затрудненіи. Но вдругъ его черные умные глаза блеснули, и онъ спросилъ графа, читалъ ли онъ военный регламентъ, Толстой принужденъ былъ сказать, что не читалъ. „Такъ не говори!" — сказалъ гренадеръ, тряхнулъ головой, закутался въ свой тулупъ и увѣреннымъ шагомъ возвратился на свое мѣсто. Въ послѣднее десятилѣтіе западно-европейская публика усердно занялась личностью Толстого. Вспомнили заглавіе одной испанской драматической пьесы: „O locura o santidad?" (Помѣшательство или святость), и задавали себѣ этотъ вопросъ, когда слышали объ его странной жизни и странныхъ поступкахъ. Въ своей книгѣ „Вырожденіе" Максъ Нордау объявилъ міросозерцаніе Толстого туманомъ, непониманіемъ собственныхъ вопросовъ и отвѣтовъ и пустымъ наборомъ словъ; утверждалъ; что всѣ особенности духовнаго склада

Толстого можно свести къ хорошо знакомымъ и на каждомъ шагу наблюдаемымъ признакамъ вырожденія высшаго типа; въ увлеченіи ученіемъ Толстого, въ томъ могучемъ откликѣ, съ которымъ Европа и Америка встрѣтили идеи этого писателя онъ видитъ доказательство все болѣе и болѣе развивающейся дегенераціи и истеріи въ средѣ образованныхъ народовъ. Правильно замѣчаетъ при этомъ Нордау, что не творецъ „Войны и мира" и „Анны Карениной", а авторъ „Крейцеровой Сонаты" и „Воскресенія" завоевалъ міръ. Не свѣтлая, богатая жизнью и красками поэзія его мастерскихъ произведеній, раннихъ лѣтъ, а мрачная противорѣчивая философія преклоннаго возраста создала ему толпу приверженцевъ среди всѣхъ народовъ. Его враждебное отношеніе ко всѣмъ учрежденіямъ нашей цивилизаціи, его стремленіе создать новый идеалъ добра, самоотреченія, самопожертвованія и братства овладѣли умомъ и сердцемъ тысячъ и тысячъ изъ среды нашихъ образованныхъ классовъ, чаруя возможностью болѣе прекраснаго, болѣе чистаго, болѣе благороднаго будущаго. Почитатели Толстого сдѣлали изъ него что то вродѣ верховнаго жреца; его противники не прочь были усомниться въ его разсудкѣ. Всѣ хотѣли знать, каковъ онъ въ дѣйствительности, согласна ли его жизнь съ его ученіемъ. Въ это время авторъ этой книги предложилъ Аннѣ Серонъ, шесть лѣтъ прожившей въ домѣ Толстыхъ, написать воспоминаніе о графѣ, обрисовать его личность такъ, какъ проявляется она въ кругу семьи и домашней жизни. Я просилъ госпожу Серонъ не заботиться о внѣшней формѣ разсказа, чтобы не повредить свѣжести и точности ея наблюденій. Въ свободное время она принялась за работу; и по мѣрѣ того, какъ отдѣльные листки приходили ко мнѣ изъ Москвы, я все больше и больше убѣждался, что истинный характеръ Толстого вполнѣ понятъ и правильно освѣщается бывшей учительницей и воспитательницей; и если она не проникаетъ въ самую глубину его, то все-же даетъ освѣщеніе болѣе интересное, чѣмъ это было сдѣлано до тѣхъ поръ другими. Основнымъ тономъ проходило че-

резъ всю работу глубокое уваженіе къ Толстому какъ писателю и человѣку, признаніе его оригинальной личности. Но она не постѣснялась указать на многія противорѣчія, въ которыя по необходимости долженъ впадать графъ, пытаясь на закатѣ своихъ дней провести въ жизнь теорію, противъ которой никто такъ не грѣшилъ въ молодости, какъ именно онъ. Въ ея распоряженіи оказался богатѣйшій матеріалъ мелкихъ наблюденій, часто почти что переступавшихъ границы скромности. На основаніи воспоминаній Анны Серонъ была составлена, изданная въ 1894 году, книга „Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben von Anna Seuron. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Eugen Zabel“ (есть русскій переводъ этой книги). Она понравилась однимъ, раздосадовала другихъ, но во всякомъ случаѣ въ ней было достаточно данныхъ для пониманія психологіи Толстого. Въ 1898 году вышла книга Сергѣенка „Какъ живетъ и работаетъ Толстой“, въ 1900 году книга эта переведена на нѣмецкій. Сергѣенко—пылкій почитатель Толстого и видитъ въ немъ, въ его жизни и произведеніяхъ цѣльную, лишенную какихъ бы то ни было слабыхъ сторонъ личность. Для тѣхъ кто хочетъ какъ слѣдуетъ понять Толстого, эти двѣ книги могутъ дать много цѣльныхъ указаній.

Какъ бы высоко ни цѣнили мы Толстого, все-таки нельзя отрицать, что тотъ идеалъ человѣчности, который онъ создалъ себѣ и къ осуществленію котораго стремится съ неутомимымъ рвеніемъ, остается типическимъ воздушнымъ замкомъ. Онъ хочетъ возвратиться къ простотѣ крестьянина и все-таки остается человѣкомъ знатнаго происхожденія, человѣкомъ напряженнаго духовнаго труда. Онъ рѣзко критикуетъ уродливыя порожденія нашей культуры, недостатки нашего хозяйственнаго строя; но у него нельзя найти ни одного яснаго и убѣдительнаго слова, какимъ путемъ можно улучшить наше положеніе. Если даже для себя лично онъ не находитъ полнаго разрѣшенія этой приблемы, которой онъ занимается вотъ уже столько лѣтъ, то тѣмъ менѣе можетъ служить это рецептомъ для семьи, на-

рода и всего человѣчества. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о ступеняхъ нашего культурнаго развитія и забываетъ при этомъ, что самъ-то онъ достигъ той высоты человѣчности, на которой онъ стоитъ, только благодаря этимъ ступенямъ. Чиста и истинна его любовь къ людямъ, эта прекраснѣйшая черта во всей его системѣ философскаго мистицизма. Въ 1873 году, въ Самарской губерніи, онъ очень и очень многихъ спасъ отъ голодной смерти, когда во многихъ домахъ нельзя было найти даже одного куска хлѣба и когда правительство имѣло самыя неточныя свѣдѣнія о положеніи вещей. Никогда не забудутъ, съ какой готовностью, съ какимъ самоотверженіемъ работалъ онъ въ 1891 и 1892 годахъ, когда снова появился этотъ страшный призракъ голода,—работалъ со всѣмъ своимъ семействомъ, устраивая народныя столовыя, лично собирая свѣдѣнія о положеніи нуждающихся, распредѣляя пожертвованія, которыя шли къ нему со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-заграницы.

Оборотной стороной являются его односторонность и сбивчивость сужденій; и въ этомъ случаѣ его вліяніе на неспособную къ мышленію толпу разрушительно и опасно; его фантастическія понятія и требованія смѣшиваются съ идеями самаго дикаго коммунизма. Культурное богатство, пріобрѣтенное безконечнымъ, тягостнымъ трудомъ тысячелѣтій, потребовавшее неисчислимыхъ и дѣйствительныхъ жертвъ, должно быть, по мнѣнію Толстого, отброшено, какъ ненужное; его мѣсто должно занять что-то такое, чего онъ даже назвать не можетъ: вѣдь христіанская любовь къ ближнимъ, покорное терпѣніе болѣзней и нужды, скромное единеніе съ природой, отрѣшеніе отъ всѣхъ страстныхъ побужденій въ сношеніи половъ, высшая простота и отсутствіе потребностей—такого рода вещи, что, если бы вообще онѣ стоили чего-либо въ такой формѣ, онѣ не родятся сами собой изъ земли—нужно какъ-нибудь подготовить къ нимъ человѣчество; и, конечно, не любовь и терпѣніе могутъ быть такой школой. Если мужъ и жена станутъ жить, какъ братъ и сестра, то въ теченіе немногихъ десятилѣтій человѣчество прекратитъ свое существова-

ніе. Если мы отдадимся природѣ такъ, какъ этого хочетъ Толстой, и подчинимся ей, вмѣсто того, чтобы заставлять ее, гдѣ можно, служить намъ и бороться съ ней, когда ея вліянія приносятъ вредъ, то въ самое короткое время міръ наполнится людьми, терпящими жестокій голодъ и холодъ, изъ лѣсовъ появятся хищные звѣри и истребятъ людей. Жизнь во всѣ времена была борьбой; во имя заповѣди любви къ ближнимъ мы можемъ и должны отнимать у нея ея суровый характеръ; но борьба эта не щадитъ никого и разгорается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большія массы она захватываетъ и чѣмъ выше поставленные на карту интересы. Богъ Будда можетъ сидѣть на листьяхъ лотоса мечтать о томъ, какъ въ блаженствѣ нирваны разрѣшится жизнь, подобно свѣту лампы, отъ котораго не остается никакихъ слѣдовъ; а человѣку приходится ежедневно въ потѣ лица зарабатывать себѣ жизнь. Восхваляемое Толстымъ счастье лежитъ не на землѣ, а подъ землей; оно не въ борьбѣ и творчествѣ, а въ вѣчномъ снѣ.

То, что далъ намъ Толстой, какъ философъ-моралистъ, во многихъ отношеніяхъ сомнительнаго качества; между тѣмъ пониженіе его литературной дѣятельности, безъ всякаго сомнѣнія, является огромной потерей для міра. Все, что сдѣлалъ Толстой, какъ учитель и воспитатель своего народа, какъ изслѣдователь библіи и другъ нуждающихся въ просвѣщеніи, бѣдныхъ и больныхъ—все это плохое утѣшеніе для насъ, когда мы видимъ его постоянныя попытки ниспровергнуть свою собственную литературную славу и двинуться въ атаку противъ всѣхъ пріобрѣтеній, которыя дало намъ, благодаря трудамъ столѣтій, высшее развитіе духовныхъ силъ. Онъ сталъ революціонеромъ. Онъ хочетъ, чтобы отъ нашей культуры не осталось камня на камнѣ. При этомъ онъ впадаетъ въ самыя явныя противорѣчія. Проживши болѣе семидесяти лѣтъ состоятельнымъ и независимымъ человѣкомъ, среди славы, успѣховъ и семейнаго счастья, онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ, къ чему мы собственно живемъ. Его жена даетъ ему цѣлую кучу дѣтей; и онъ не понимаетъ, зачѣмъ люди женятся и

устраиваютъ семью. Имѣніе и сочиненія даютъ ему хорошій доходъ, которымъ онъ пользуется для себя и для семьи; онъ садится за письменный столъ и объявляетъ пріобрѣтеніе денегъ, наживу—безнравственностью. Патріотизмъ, наука, искусство, политика—все вредно въ его глазахъ, все источникъ несчастья. Эти мысли проповѣдуетъ онъ въ большомъ числѣ брошюръ и маленькихъ разсказовъ для народа. Писатель, который самъ стремится подорвать свою славу, который настойчиво предостерегаетъ противъ собственныхъ произведеній, который не только стремится омужичить все человѣчество, но и самъ, будучи человѣкомъ знатнаго происхожденія, идетъ въ народъ—этотъ писатель, безъ сомнѣнія, наиболѣе бросающееся въ глаза явленіе въ началѣ нашего вѣка. Какъ ни много преувеличеній въ его словахъ, все-таки общество,—и въ Россіи, и внѣ Россіи,—прислушивается къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, и все больше, и больше слушателей находятъ они. Въ нихъ звучитъ голосъ проповѣдника покаянія, подкрѣпленный силой убѣжденія и теплотой писателя.

Удивительно, прямо невѣроятно отношеніе Толстого къ искусству. Трудно рѣшить, что значитъ война, объявленная имъ искусству: пророчество генія, предрекающее гибель стараго искусства и возникновеніе новаго, болѣе великаго и достойнаго людей, на соціалистической подкладкѣ, или фантазіи усталаго человѣка, который не ждетъ уже отъ жизни никакихъ радостей и требуетъ отъ міра, чтобы и онъ старѣлся вмѣстѣ съ нимъ. Едва ли кто станетъ отрицать, что такія брошюры, какъ „Объ искусствѣ“ и „Противъ искусства“, несмотря на свой малый объемъ, оставляютъ впечатлѣніе скучнѣйшаго пустословія. Толстой отрицаетъ наше искусство, какъ игрушку для бездѣльниковъ и безчувственныхъ прожигателей жизни, и требуетъ искусства, принаровленнаго къ пониманію и жизни народа. По его мнѣнію, только такое искусство имѣетъ право на существованіе. Чего не понимаетъ мужикъ, то должно быть изгнано изъ литературы и искусства. „Фаустъ“ Гете не можетъ произвести впечатлѣнія; произведенія Софокла, Эври-

пида, Аристофана грубо сколочены и часто лишены всякаго значенія; „Страшный судъ“ Микель-Анджело—абсурдъ; девятая симфонія Бетховена — плохая музыка; такъ думаетъ Толстой. По его мнѣнію, истинное содержаніе искусства не имѣетъ ничего общаго съ содержаніемъ искусства нашего времени; искусство должно служить не выраженіемъ исключительныхъ чувствъ, а выраженіемъ чувствъ человѣка, который ведетъ одинаковое со всѣми существованіе; эти чувства будутъ основываться на религіозномъ сознаніи нашего времени и будутъ доступны всѣмъ людямъ безъ исключенія. Въ такомъ случаѣ вполнѣ цѣлесообразно было бы сжечь всѣ библіотеки, музей, концертныя залы и театры, чтобы очистить мѣсто для проповѣди взглядовъ Толстого.

Отъ всего, что̀ написано Толстымъ, вѣетъ на насъ очарованіемъ оригинально одаренной, достигшей во всемъ крайнихъ пунктовъ развитія личности, которая можетъ проявить себя не иначе, какъ такъ, какъ она въ дѣйствительности есть. Съ необыкновенной полнотой воспринимая дѣйствительность, воспроизводя ее съ необыкновенной художественной правдивостью, онъ страдаетъ крайнимъ субъективизмомъ въ пониманіи ея и стремится къ радикальному перевороту. Находя идеалъ свой въ примиреніи природы и духа, народности и высшаго развитія, превозносся облагораживающую силу труда и святость семьи, онъ, подобно всѣмъ великимъ писателямъ, является вождемъ и воспитателемъ своего народа. Гордое уединеніе, на которое, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, онъ самъ осудилъ себя, не прошло безъ вредныхъ послѣдствій для его міросозерцанія. Но если забыть странности его нравственной философіи, онъ и теперь продолжаетъ оставаться однимъ изъ первыхъ мастеровъ литературы.

Его парадоксальныя выводы послѣдняго времени большинство встрѣчаетъ просто пожиманіемъ плечъ; однако, нѣтъ недостатка въ попыткахъ продумать, что̀ говоритъ онъ, и отдѣлитъ заблужденія отъ истины. Въ своемъ стремленіи согласовать свою жизнь и свои произведенія Толстой не дошелъ до конца пути: какъ ни

упростилъ онъ свои потребности, какъ ни закалилъ свое тѣло и свой духъ, все же онъ не рѣшился раздать свое имѣніе бѣднымъ и жить такъ, какъ на самомъ дѣлѣ живетъ крестьянинъ или простой ремесленникъ. Но мы всегда будемъ съ удивленіемъ относиться къ его великому, хотя теперь и ослабѣвшему таланту писателя и и художника, къ его глубокому, сильному, хотя и уставшему одушевленію апостола милосердія и человѣколюбія, къ его высокой гуманности, къ его чистой счастливой жизни. Онъ навсегда останется однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нашего времени.

Несмотря на то, что въ послѣдніе годы болѣзни чаще и чаще подступаютъ къ Толстому, онъ продолжаетъ работать. Говорятъ о новомъ романѣ „Современные рабы", въ которомъ онъ думаетъ обрисовать несчастное положеніе прислуги; поговариваютъ о новомъ разсказѣ. Насколько осуществятся эти планы, трудно сказать теперь. Съ сожалѣніемъ встрѣтили мы появленіе небольшого произведенія его—„Патріотизмъ и правительство". Въ немъ Толстой объявляетъ несчастьемъ современнаго культурнаго развитія патріотическое чувство народовъ, ихъ стремленіе къ славѣ и успѣху, ихъ соперничество изъ за перваго мѣста въ мірѣ, по его мнѣнію, отсюда проистекаетъ ихъ ревнивое отношеніе другъ къ другу и раздоры. Виновата въ этомъ прежде всего Пруссія, государство, первое принявшее систему всеобщей воинской повинности. Между прочимъ, онъ такъ характеризуетъ Вильгельма Второго, что эту характеристику пришлось выпустить въ нѣмецкомъ изданіи этой книги, такъ какъ въ противномъ случаѣ издатель и типографъ рисковали бы попасть въ руки прокуратуры.

Отъ всѣхъ произведеній Толстого,—художественныхъ, философскихъ, моральныхъ, соціально - политическихъ,— остается такое впечатлѣніе, какъ будто вдругъ засвѣтило весеннее солнце, началъ таять снѣгъ на горахъ и отовсюду, куда только хватаетъ глазъ, пѣнясь, съ шумомъ хлынули воды въ долину. Онъ хочетъ растоптать все, на чемъ покоится наше современное общество; и только въ сѣрой, окутанной туманами дали показываетъ намъ

надежду, что найдется новыя, болѣе твердыя точка опоры для счастья человѣчества. Привычными путями мы не можетъ достигнуть этой страстно желанной цѣли: всѣ тропинки залиты водой; гдѣ раньше былъ ручей, тамъ пѣнится теперь бурный водопадъ. Открываются все новые и новые ключи и соединяются въ ручьи и рѣки. Мы любуемся этой величественной игрой природы; но тутъ же трусливое сомнѣніе, забота закрадывается въ душу: чѣмъ кончится все это? Въ самомъ ли дѣлѣ разрушеніе, за которое мы готовы приняться, будетъ только прелюдіей къ болѣе чистой, къ болѣе счастливой жизни; не приведетъ ли оно насъ опять къ состоянію хаотическаго одичанія, отъ котораго насъ можетъ освободить только сильный и умный, а не любвеобильный, самоотверженный человѣкъ?

Съ точки зрѣнія Толстого, человѣчество представляется намъ единой семьей, гдѣ не вѣдаютъ зла, всѣ равны, каждый самъ зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, ведетъ угодную Богу жизнь, живетъ просто и въ общеніи съ природой и сейчасъ же дѣлится избыткомъ со своими ближними. Въ это блаженное царство хочетъ вести насъ Толстой; но мы не знаемъ дороги, боимся споткнуться на узкой тропинкѣ между грязными обрывистыми утесами и дико бушующими водами, робко и тревожно оглядываемся на своего вождя, который съ вѣрой въ побѣду устремилъ взоръ вверхъ и, увѣренный въ своей миссіи спасенія, улыбается, зная нашу слабость; а намъ трудно въ одно время не терять его его изъ виду и подвигаться за нимъ, когда онъ приказываетъ; озабоченные исходомъ опаснаго предпріятія, мы робко взываемъ къ нему: „Куда? куда?“

– 25

Готовится къ печати новая книга:

ВЪ СТРАНѢ БУДУЩАГО.

Соціологическій романъ **Вилліама Морриса**.

Переводъ съ англійскаго.

Лито-Типографія Т. Г. Мейнандеръ. Кіевъ, Пушкинская 20
(противъ театра Бергонье).